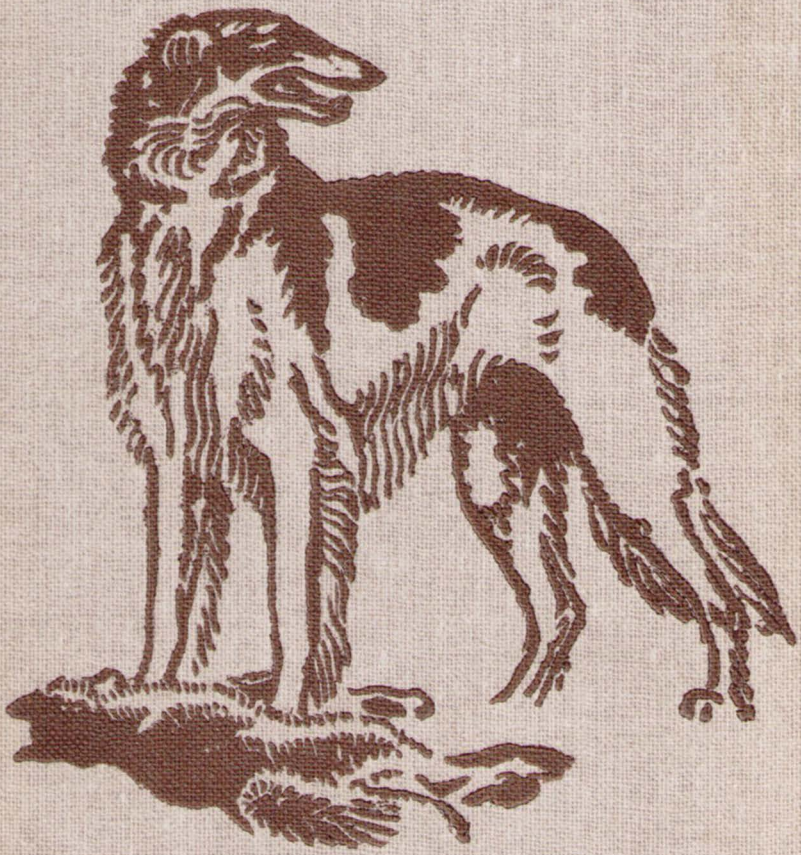
В. И. Казанский

Борзые



В. И. Казанский

борзые

Москва
«Лесная промышленность»
1984

ББК 47.1
К14
УДК 639.1.081.321

Рецензент Г. В. ЗОТОВА (эксперт Всесоюзной категории).

Казанский В. И.
К14 Борзые.— М.: Лесн. пром-сть, 1984.— 199 с.

Описаны различные стороны жизни борзой. Дана история происхождения этой наиболее древней группы охотничьих собак. Освещен опыт охоты с борзой в СССР и за рубежом. Особое внимание уделено работе с борзой не только на охоте, но также на спортивных бегах и кинодроме. Даны рекомендации по ведению породы, содержанию борзых, выращиванию молодняка, кормлению, тренировке и подготовке к охоте.
Для охотников-любителей.

К $\frac{4001000000-019}{037(01)-84}$ 106—84

ББК 47.1
639.1

© Издательство «Лесная промышленность», 1984

ОТ МИНУВШИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

По мнению многих исследователей, ловчая собака является древнейшей среди пород, использующихся человеком на охоте, а может быть и вообще первой одомашненной им собакой. В настоящее время некоторые ученые самой древней породой борзых считают тезема — породу, культивировавшуюся как борзая в Египте. Происхождение тезема теряется в тысячелетиях и предположения на этот счет ограничиваются не имеющей твердых оснований гипотезой об одомашнивании и усовершенствовании древнейших собак-парий, полудиких, живших около человека, но не имевших хозяев.

Барельефы и рисунки с изображениями теземов (и ручных гиен) встречаются в захоронениях египетских фараонов. Наряду с борзовидной, узкой мордой (щипцом) и характерно подобранным животом тезем имел и черты, резко отличающие его от современных пород борзых: большие стоячие уши и хвост, закрученный в крутое кольцо и закинутый на круп. Некоторые специалисты считают тезема предком всех современных пород борзых вплоть до дхолей Индии (о которых Р. Киплинг писал, как о диких) и эфиопских (абиссинских) каберу. Однако другие исследователи не согласны с этим. Формирование тезема как борзой собаки из парий некоторые ученые и зоологи (Аше-Супле и др.) допускают в порядке естественного отбора, который действовал в связи с уменьшением количества диких животных на территориях, освоенных человеком.

Для ловли зверей собакам-париям требовались все большая резвость и выносливость при погоне, а значит, и большая легкость сложения и более длинные ноги. В подтверждение своей гипотезы Аше-Супле приводит текст Д'Амелена (История приключений флибустьеров-пиратов), где сказано, что в XVII столетии грубые сторожевые собаки, брошенные на произвол судьбы, дали через несколько поколений легких и поджарых. Приводятся и другие примеры приобретения борзовидности среди бездомных одичавших собак.

Некоторые западные специалисты (Пьер Дюрель, Макс Хильцхаймер и др.) считают, что строение черепа тезема и бедро его, более длинное, чем берцовая кость, указывают на родство этой собаки с волком. Считая тезема исходным материалом для современных борзых, Аше-Супле видит в современной слюгги (арабская порода) соперника тезему по, так сказать, «первородству».

Насколько предположительно первенство тезема или слюгги, а также «корень», от которого пошли эти изначальные породы,

видно из того, что и Аше-Супле, и Пьер Дюрель (исследователь слюгги), допуская их родство с волком, в то же время склонны утверждать, что борзая происходит не из волчьей семьи, и не из лисьей, и не из какой-нибудь еще собакообразной группы, а от уже оформившейся настоящей собаки. Вернее всего, полагают эти кинологи, борзая (тезем и слюгги) близка к собаке-парии, от которой отошла под влиянием эволюции.

Местом, где зародились прародители борзых, по мнению названных исследователей, не может быть ни северо-восток Африки (Египет), ни античная Греция. Наиболее вероятно, что им были азиатские побережья морей Средиземного и Черного, где издревле было много собак-парий. Они были еще многочисленнее в XIX в. в Азии и восточных окраинах Африки. Эти собаки жили на свободе, т. е., по теперешним понятиям, были бродячими, однако держались около человеческих селений. Люди терпели близкое соседство этих стай, поскольку парии различали «своих» и «чужих» и предупреждали о появлении «чужаков», а кроме того, были своего рода санитарами, уничтожая отбросы и нечистоты. В Константинополе они дожили до начала XX в. и, может быть, где-то в Европе их остатки существуют и теперь.

Д-р Дешамбр в книге «Собаки» (1971 г.) указывает, что крайняя изменчивость собакообразных, предшествовавшая одомашниванию, могла дать диких собак, разновидностью которых и были парии, уже полудомашние. И этот автор приходит к такой мысли: если возможно, что борзая — продукт строгого отбора, то не лишено вероятия, что он был естественным, первоначально без участия человека, а человек получил уже готовую форму ловчей собаки, и египтяне нашли тезема, еще в диком состоянии приспособившегося к жизни в пустынных районах.

Эта гипотеза хорошо разработана и как бы приподнимает завесу над тайной происхождения тезема. Она, вероятно, будет подвергаться дальнейшей проверке по мере получения сведений о происхождении населения бассейна Нила. Если оно пришло из Малой Азии, а может быть, и из Прикаспийских районов, и попало даже в Берберию, где отмечено существование тезема в доисторические времена, то не сопровождал ли тезем этих иммигрантов? Иначе придется встретиться с почти невероятным предположением об одомашнивании одного и того же животного в разных, удаленных одно от другого местах. Параллельно с углублением гипотез о теземе ученые изучают и другую древнюю породу борзых. По мнению уже названного д-ра Дешамбра, когда шло приручение тезема, то уже существовала у арабов хорошо оформившаяся порода борзых слюгги, отличающаяся от тезема внешними признаками и особенно резко — висячими ушами. Этот признак, по мнению д-ра Дешамбра, дает полное основание считать слюгги породой более древней, чем

тезем. Некоторые ученые сходятся с ним во мнении, что именно одомашнивание собак и жизнь их в этом состоянии в течение многих веков привели к повисанию ушей. Д-р Дешамбр считает на этом основании, что слюгги — порода более древняя, чем тезем. Остается неизвестным, где и когда произошло одомашнивание слюгги.

В настоящее время большинство специалистов в странах Западной Европы считают слюгги главным прародителем почти всех современных пород борзых. Прежде всего непосредственным потомком слюгги является важнейшая из английских пород — грейхаунд, от которого в свою очередь выведены в Англии ирландский вольфхаунд, шотландский дирхаунд и мелкая английская порода виппет.

Особая ветвь среди производных от слюгги дала современную итальянскую левретку (ее можно бы назвать карликовой борзой). Отдельная ветвь потомков слюгги также стала афганской борзой. От нее происходит и борзая Индии. Наконец, и русская псовая борзая считается отдельной ветвью производных той же слюгги. Признавая решающее значение тезема и слюгги в формировании современных борзых, некоторые специалисты полагают, что для отдельных из множества существующих пород борзых роль исходного корня могли играть и еще какие-то собаки, кроме двух названных.

Борзые на первых порах служили человеку для добывания пищи и, несомненно, помогали ему не только существовать, но и развиваться. По мере создания человеческих сообществ с первоначально примитивным делением на более или менее привилегированные и подчиненные группы охота с борзыми, продолжая исполнять начальную роль добывания мяса, стала развлечением наиболее обеспеченных групп населения. И, наконец, по мере создания государств, управляемых монархами, охота с борзой становилась привилегией фараонов, царей вместе с их приближенными, также участвовавшими в управлении той или другой страной, теми или иными народами.

Века и тысячелетия тезем, служа предметом роскоши и развлечений в Египте, в других североафриканских странах был и утилитарной собакой, прекрасно исполнявшей роль ловца антилоп, газелей и других животных равнин и муфлонов в горах. Тезем был отважен и принимал участие в охоте на крупных хищников.

Начиная со II тысячелетия до нашей эры, тезем утратил свое привилегированное положение в Египте, но остался ценной борзой в других странах севера Африки. Вместе с римскими легионами, завоевавшими эти территории, прибыла и новая для здешних мест порода — слюгги, сразу же ставшая угрозой тезему. Но еще страшнее в этом смысле для тезема было последующее нашествие арабов, в результате которого раса теземов быстро исчезла, растворилась в массе борзых слюгги.

У кельтов, предков современных французов, слюгги была основной охотничьей собакой. Позднее в странах Западной Европы эта порода почему-то была забыта, и ее как бы снова открыли при завоевании Алжира Францией. В настоящее время слюгги является устойчивой и достаточно распространенной породой.

На Руси, в России, в СССР наша псовая борзая, несмотря на то, что западноевропейские ученые доказывают ее происхождение от слюгги, настолько отошла от этого предка, что выглядит породой, независимой от родства с ним.

Стремительность и красота скачки борзой за зверем, ее стройность и изящество привлекают многих охотников и любителей собак, поэтому борзые в СССР — одна из самых многочисленных групп охотничьих собак. Борзых разных пород много и в других странах, особенно в Северной Америке.

Борзая — охотничья собака открытых мест — полей и степей, которых у нас много и просторы их необъятны. Тут и огромные пространства юга европейской части СССР и Северного Кавказа, тут и безграничные степи и полупустыни наших среднеазиатских республик, и степи юга Западной Сибири, севера Алтайского края.

Борзой собаке неплохо работать и в лесостепной полосе российских областей. Велики просторы, велико и разнообразие климата, грунта и всех природных условий. Вот почему и создался у нас целый ряд разных пород борзых, каждая хорошо приспособленная и прижившаяся в определенной зоне или полосе страны.

Русская псовая борзая стала собакой преимущественно лесостепи; хортой наиболее подошли южные безлесные степи; южнорусская (вислоухая), конкурируя там с хортой, распространилась в прикаспийских степях и степях Северного Кавказа; казахская и туркменская тазы оказались незаменимыми в среднеазиатских республиках, а тайган приспособился к гористой местности тянь-шаньской зоны Киргизии.

В наше время очень сложной оказалась судьба той породы, название которой было в России как бы синонимом понятия «борзая». Имеется в виду русская псовая борзая, едва было не потерянная нами, испокон века знаменитая во всем мире и теперь уверенно растущая числом и завоевывающая у нас прочные, надежные позиции. Большие превратности судьбы выпали на долю этой породы.

В годы после Октябрьской революции у сельских охотников ряда лесостепных и степных областей оказалось множество борзых. И не случайно! Во-первых, русскому человеку издавна нравилась быстролетная скачка борзой, во-вторых, охота с борзой до Великого Октября, недоступная деревенскому охотнику в губерниях с развитым помещичьим землевладением, после 1917 г. перешла к нему как наследство. И уже в 20—30-х годах большинство российских борзых принадлежало сельским

охотникам. Даже только по этой причине псовая борзая оказалась «не на виду».

Еще и потому эта порода собак не получила широкой известности и славы, что сельский, деревенский охотник, заполучив отличный породный материал, не сохранил его. Он не занимался борзой, как породой, не думал о совершенствовании ее, и еще в недавнее время понятия не имел о законах племенного дела. Скачет собака за русаком и лисицей, ловит их — ну и хорошо; а какова она на вид, соответствует ли какому-нибудь стандарту — не важно; держать такую стоит. Но если выросла у Петра собака-тупица без резвости и ей не догнать зверя или она вовсе не скачет за ним,— разговор короткий: пристрелит ее Петро да зароет. А сам пойдет к односельчанину Якову — у того Пулька с брюхом ходит. Пойдет Петро к Яше, попросит: «Как Пулька щенится, ты меня не забудь и для меня оставь кутенка. Пулька-то в славе — красиво, лихо ловит, а отец щенков кто?». «А кто ж его знает — женихи стадом за ней бегали. Вроде Мишкин Полет, кобель лопоухий, всех сильней; всех других он грыз да разгонял. А Мишке Полет прошлой осенью сорок три лисы поймал. Вот и хорошо бы, кабы у кутят уши лопушками висели — знак: Полетовы дети». Пулька шестерых щенков выкормила — трех лопоухих, а трех с малыми ушками, к голове как бы прилипшими. Всех охотники разобрали, вырастили; четверо — не худо пошли ловить, а у Петра, хоть и выбрал он самого лопоухого, никуда не годен: ни сам догнать зверя не в силах, ни заловить из-под чужих угонок не может. А еще один карнаухий таким увальнем уродился — ему разве что овец гонять.

Но ведь ни Петру, ни Пулькиному хозяину Яше в голову не приходило, что от настоящих, чистой породы борзых никаких никудышных не уродилось бы. На то она и есть порода настоящая, не то, что Яшина — из шести лишь четыре годные удались. Однако хвалят в деревне: «хороша оглоблинская порода»...

И невдомек никому, что настоящая-то борзая не чем другим, а «кровями скачет», как говаривали встарь, т. е. чистой породой; невдомек было деревенским, что охота их будет куда надежней и красивей, если сумеют завести чистопородных борзых. Как бы там ни было, а создалось на селе огромное поголовье беспородных ловцов, годных для охоты главным образом на лисицу и поэтому ставших собаками промысловыми.

Не разбиралась деревня в борзых и, не задумываясь о чистоте породы, смешивала с русской псовой и хортяков, и крымок и какую попало помесь, и не печалились сельские борзятники, что их ловцы лишь отдаленно похожи на свою прародительницу — настоящую псовую борзую. Правда, многие крестьянско-колхозные борзюки так скакали, что глядеть — дух захватывает. А в этом деревенские борзятники знают толк и умеют ценить лихую красу ловли зверя вихревым борзюком.

Наши горожане имели о борзых большей частью неверные представления. Многие знали только, что «борзые — это такие волкодавы были, а теперь их вовсе нет» или «борзые — это у помещиков такие собаки были, ловили зайцев, лисиц, волков, а теперь помещиков нет, ну и борзые исчезли».

Но хоть и мало, а находились настоящие ценители русской псовой борзой. Эти люди, не боясь трудностей содержания борзой в городе, выездов на тренировку и охоту, все же держали чистопородных борзых и помогали крупицам породы сохраниться. Помогали сохранению породы и государственные питомники, например Энгельсский питомник в Саратовской области, где был собран первоклассный племенной материал, сыграл положительную роль, дав нашей псовой борзой пусть немногочисленное, зато действительно высокопородное подкрепление.

Вот так в течение почти 50 лет после Великой Октябрьской революции и существовала русская псовая борзая. С одной стороны, у горожан и вообще у любителей, владеющих культурными понятиями о собаководстве, а также в течение почти трех десятилетий в государственных питомниках сохранялась чистопородная русская псовая борзая. С другой стороны, то немалое количество псовых борзых, что перешло из помещичьих псарен к сельским охотникам — крестьянам-колхозникам, работникам совхозов и другим, послужило основой для создания огромного поголовья рабочих борзых сельских борзятников, страстных любителей и ценителей этой красивейшей охоты.

После Отечественной войны создались условия для роста породы псовой борзой, и теперь она превзошла довоенную численность в несколько раз. В судьбах сельской борзой наметились крупные перемены: сельские охотники постигли значение породности и породы и стремятся заменить свою беспородную борзую чистокровной, таким псом, про которого в народе говорят: «в поле ловец и собой молодец».

ПОРОДЫ И СТАНДАРТЫ БОРЗЫХ В СССР

В СССР признаны самостоятельными стандартными пять местных пород: русская псовая борзая, хортая, южнорусская, среднеазиатская таза и киргизский тайган. Для этих пяти пород в нашей стране выработаны стандарты. В недавнее время из Западной Европы завезена к нам так называемая афганская борзая. Так как численность собак этой породы стала заметной в СССР и растет, она включена в список пород борзых, разводимых в нашей стране, и для нее был принят стандарт, выработанный и утвержденный Международной кинологической федерацией. Таким образом, в СССР приняты шесть стандартов борзых. В странах Западной Европы, Северной Америки и Се-

верной Африки существуют стандарты для тринадцати пород борзых, в том числе для русской псовой борзой и афганской.

Русская псовая борзая. Порода очень старая, и хотя со времени формирования претерпела перемены и во внешнем облике, и в судьбе, она сохранила свои главные особенности — красоту и благородство экстерьера, замечательную резвость, и там, где она в настоящее время используется на охоте по волку (в Северной Америке), не потеряла и прославившую ее злобу к зверю. Точных сведений о времени образования русской псовой породы нет, но есть документальные данные, свидетельствующие об ее многовековом и, вероятно, более чем тысячелетнем существовании.

Первым известным в настоящее время документом о русской борзой является французская хроника XI века с записью о браке короля Франции Генриха I с дочерью киевского Великого князя Ярослава Мудрого. Невеста привезла с собой во Францию трех борзых собак — черного и серого кобелей и светлую, золотистую (половую?) суку. Не следует думать, что эти собаки представляли вполне стандартизированную породу, но это все же была русская порода, иная, чем западные короткошерстные борзые.

В наших летописях есть указания, что еще в XII в. при Великом князе Владимире Мономахе «зверей травили псами». В жалобах князя Святослава Черниговского на половцев от 1099 г. упоминаются псари (очевидно, уже в то время при княжеском дворе существовала организованная псовая охота).

Одним из очень интересных документов, подтверждающих существование русской псовой борзой, сходной с современной псовой многими основными чертами экстерьера, является молитвенник Великого князя Василия III (Ивановича), где среди других иллюстраций религиозного содержания есть изображение князя, отправившегося на богомолье в сопровождении борзых. Эти собаки обильно одеты удлиненной псовиной, имеют длинные головы, саблевидные длинные хвосты и маленькие острые уши. Сам Василий III был страстным псовым охотником, и при нем слова «ловы», «ловчий путь» были заменены словами «травля зверей», «псовая охота» (1515 г.). Великий князь Василий охотился с борзыми на зайцев, а когда охота бывала неудачной, отводил душу садками (скачкой борзых по подсадному зайцу), в которых участвовало до 300 всадников.

В это время русские борзые славились на всю Европу. Например, в 1519 г. король датский Христиан II в качестве драгоценного подарка послал французскому королю Франциску I борзых собак русской породы. Сын Василия III Иван Грозный также любил псовую охоту и соблюдал ту же людность и пышность, что и его отец.

В первой русской книге о псовой охоте — «Регул принадлежащий до псовой охоты» (1635 г.) ее автор фон-Лессинг дает описание русской борзой, близкое в общем к описанию псовой

борзой XIX столетия, а значит, достаточно сходное и с обликом русской псовой борзой советского времени. Фон-Лессинг уверенно высказал более или менее обоснованное предположение, что русская псовая борзая первоначально создалась путем слияния крови западных хортых борзых и восточных татарских (вероятно, типа тазы). Он пишет, что созданная на Руси порода была в Западной Европе в большой славе и своей резвостью, и особенно работой по волку.

Если псовая борзая XVII и более далеких веков по экстерьеру была близка современной, то по характеру работы сильно отличалась от последней. Будучи собакой лесостепи и даже лесной полосы, наша борзая должна была ловить зверя накоротке, на небольших полевых разрывах между островами леса или в лесу на небольших прогалинах или луговинах. Поэтому от борзой требовались крайняя пылкость и пруткость с молниеносным броском. Такую борзую и создали тогдашние борзятники. При исключительной резвости накоротке она была неспособна к сколько-нибудь длительной резвой скачке.

Русская псовая борзая, как ее описал Лессинг, не могла быть в тогдашнем русском государстве вполне однотипной. Он, как специалист по охоте, вероятно, состоял на службе у царя Алексея Михайловича и как следует знал лишь собак царской псарни. Надо полагать, что это была лучшая часть породы, а тех борзых, с которыми охотились бояре и другие более или менее высокопоставленные люди, конечно, их владельцы стремились подравнять к образцам царской охоты. Но вместе с тем в зависимости от места, где они жили, то случайно, то по соображению хозяев или псарей к псовой борзой подмешивались и другие породы — то, может быть, лайки, то хортые, то тазы. Однако главный тип удерживался несмотря на всякие случайные примеси.

Не чужда была псовая охота и Петру I. В послепетровскую эпоху она стала чуть ли не обязательным развлечением дворян-помещиков, причем мода на иностранное способствовала разведению в нашей стране зарубежных пород борзых: брудастых (вероятно, дирхаунд), английских (грейхаунд), польских (харт) и др. В этот период дело, очевидно, не обошлось без примеси к русской псовой этих пород, в частности брудастой[1]. Но и тут русская псовая борзая, резко выделяясь экстерьером среди прочих, уцелела и к концу XVIII — началу XIX в. трудами своих настоящих и понимающих любителей не только сохранила свой тип, но стала еще характерней.

Правда, в первой половине XIX в. вновь пошло подмешивание к псовой борзой крови других пород, что повело даже к образованию двух пород — густопсовой и просто псовой, но это,

[1] Л. Н. Толстой в «Войне и мире» называет самого надежного старого кобеля своры Николая Ростова «брудастым». Очевидно, в начале и, может быть, вообще в первой половине XIX столетия еще сказывалась в некоторых псарнях примесь брудастой породы.

в сущности, были два довольно резко обособившихся типа одной породы, которые позднее были объединены в одну русскую псовую породу. Подмешивание началось в связи с Кавказской и Польской войнами. Особенно охотно офицеры — дворяне-помещики — привозили с юга горок и крымок, которые, имея большую, чем у псовых, резвость на дальней скачке, в то же время были способны не только ловить накоротке, как русская псовая, но и обладали большой выносливостью и могли скакать за зверем на значительные расстояния. Пусть прилитие крови этих пород отрицательно сказывалось на злобе русских борзых и делало их непригодными для работы по волку, нашлось немало охотников, готовых ограничиться русаком и лисицей ради повышения резвости своих собак.

В результате использования хортых (из Польши), горских и крымских с юга в некоторых охотах борзые обеднели не только злобой, но еще и псовиной (шерстью): отсюда и пошли толки о двух породах — густопсовой (рис. 1) и новой псовой, или чистопсовой (рис. 2). Однако некоторые псовые охотники сумели, используя крымских производителей, придать своим собакам силу для скачки вдаль и сохранить при этом все их экстерьерные и рабочие качества.

Один из крупнейших охотоведов-кинологов конца XIX столетия Л. П. Сабанеев писал в статье «Современная псовая»: «Вследствие исторических событий и постепенного, но быстрого уничтожения в России лесов русские породы псовых борзых обречены на утрату некоторых признаков, которыми охотники дорожили в старину: короткая и бессильная вдаль собака теряет свое значение, все более ценятся бочковатое ребро и сильно развитая мускулатура — задатки резвости не только накоротке, но и вдаль. Но некоторые признаки и качества псовой борзой с помощью подбора сохраняются у этого более пригодного для современных условий типа неизменными. Так, известные собакозаводчики П. М. Мачеварианов и Н. П. Ермолов, дав своим псовым борзым с помощью скрещивания с горскими бочковатое ребро и развитие мускулатуры, сохранили спуск ребер ниже локотков, полную затяжку ушей и качества псовой — пылкость и бросок, и этим фактически доказали совместимость этих качеств и признаков.

Из всех пород борзых, примешанных к нашим псовым, наибольшую роль, конечно, играли крымская и горская породы, и можно с достоверностью сказать, что во всех теперешних собаках есть кровь этих пород, внесенная сознательно или случайно, и сказывается в их ладах, в тех или других признаках. В породе новых псовых собак влияние посторонней крови должно остаться настолько, чтобы не портить общий псовый вид собак и сохранить те достоинства, которые есть в породе примешанной, но отсутствуют в старинных псовых»[1].

---

[1] Охотничий календарь. М., Изд-во А. А. Карцева. 1904, с. 621.

Н. Н. Челищев, бывший владелец комплектной псовой охоты в Калужской губернии и после 1917 г. много поработавший по экспертизе борзых и гончих на советских выставках и полевых испытаниях, в книге «Русская борзая» (1929 г.) писал о состоянии русской псовой борзой в XIX столетии: «...до шести-

Рис. 1. Густопсовый кобель Победим С. С. Кареева на Московской выставке собак 1979 г. (Из собрания Н. П. Пахомова)

десятых годов прошлого (XIX) столетия существовали собственно две породы русских борзых: одна из них называлась густопсовой, а другая псовой[1]. Отличие между ними заключалось не только в густоте псовины (шерсти), как можно заключить из их названия, но и во всем экстерьере и даже несколько во внутренних качествах.

Густопсовая борзая, кроме необычайной густоты и длины псовины, обладала огромным ростом — до 19 вершков (82 см) в наклоне (в плечах), широкой колодкой (станом), костистыми ногами, страшно развитыми мускулами на плечах, спине и особенно задних ногах (черные мяса) и вообще производила впечатление собаки массивной и как бы грузной, а сообразно с этим и голову имела более широкую с таким же широким, плотным, прямым и длинным щипцом, т. е. частью головы от глаз к вощку (носу). Глаз этих собак был всегда агатово-черный, огромный, навыкате, а ухо маленькое, угольником и постояннно державшееся конем в возбужденном состоянии, в спокойном же заложенное на затылке в виде ножниц.

Что касается второй породы, т. е. собак псовых, то они обладали менее густой и длинной псовиной сравнительно с густо-

[1] Другие авторы и просто псовые охотники эту «другую породу» называли чистопсовой.

псовыми, отличались от них меньшим ростом и более легким костяком и ногами, также менее были богаты сообразно костью и мускулатурой. Головы псовых собак были узки и длинны, имели даже наклонность к острощипости (чрезмерной тонкости в конце щипца), с черными или темно-ореховыми глазами и

Рис. 2. Чистопсовый кобель Подар В. А. Шереметева на Московской выставке собак 1978 г. (Из собрания Н. П. Пахомова)

с маленькими, посаженными на затылке ушами, которые, однако, при возбуждении редко ставились конем, а обыкновенно только подымались кверху, причем концы их заворачивались или вперед к голове, или в стороны, бывали и полувисячие.

Надо еще добавить, что обе эти породы отличались также постановом шеи. В то время, как у густопсовой шея была короткая и голова на ней посажена совершенно горизонтально, у псовой собаки более длинная шея изгибалась в виде отлогой дуги, и голова к ней была прикреплена соответственно этому погибу щипцом несколько вниз. Наконец, кроме перечисленных различий, густопсовая и псовая борзые были отличны друг от друга окрасом (цветом псовины). Густопсовые всегда были светлых окрасов, начиная от чисто-белого, псовые же преимущественно темных, кончая черным»[1].

Трактовка «двух пород» Н. Н. Челищевым расходится с тем, как понимали их Л. П. Сабанеев и многие другие авторы, справедливо видевшие в некоторых охотах (псарнях) переход от русской псовой борзой к помесям в связи с неумеренным подливанием крови горской и крымской пород.

Изображение принадлежащего В. А. Шереметеву Подара с полувисячими ушами и раздетого, как прежде говорили,

---

[1] Челищев Н. Н. Русская борзая. Ее воспитание и охота с ней. М., Всекохотсоюз. 1929, с. 62.

совершенно ясно указывает, что дело шло именно к помеси, если заводчик использовал в своей «охоте» крымскую и горскую породы нерасчетливо. Эти породы по экстерьеру были слишком далеки от псовой, чтобы использование таких производителей не вело к резкому изменению внешности русской псовой.

Горская борзая[1]. Горская борзая представляла наиболее совершенный тип восточных борзых и всегда ценилась очень высоко как на месте своей родины — на Кавказе, так и русскими псовыми охотниками. Это была, так сказать, усовершенствованная порода степных борзых, привыкшая ловить на любой и даже каменистой почве. В чистом виде эти собаки встречались редко даже у туземных охотников.

Голова у горки небольшая, узкая, с острым бугорком и тонким щипцом, но череп шире и круче, чем у псовой. Щипец сухой, пропорциональной длины и чрезвычайно правильный. Глаза большие, черные и необыкновенно выразительные, хотя нередко и впалые.

Уши составляли отличительный признак чистокровности и должны были быть непременно длинные, висячие и под бурками, т. е. покрытые длинной, мягкой, волнистой и шелковистой псовиной. Чем длиннее и чем гуще псовина, доходившая до 1,5 вершка (6 см) длины, тем собака считалась чистопороднее и наряднее. Обыкновенная длина уха около 3,5 вершка, но бывали и до 4. Ухо должно было быть не узко и не широко и висеть правильно, по отвесу, не свертываясь в трубку и не закладываясь.

Шея, грудь и плечи. Шея длинная, с боков плоская, часто оленья. Плечи полные, мускулистые, движение в локотках свободное. Грудь довольно широкая и выпуклая; соколок выдавался из-за плеч вперед.

Ребра бочковатые, но не в такой степени, как у крымок, и спущенные ниже локотков, постепенно уменьшавшиеся к подрыву.

Степь (спина) прямая, но без всякой переслежины, нередко с легкой напружиной как у кобелей, так и у сук; скорее, пропорционально росту, длинная, чем короткая, замечательно упругая и крепкая.

Ноги совершенно сухие, крепкие и костистые. Лапа русачья, продолговатая, пальцы сжатые в комок; с подошвенной стороны между ними довольно длинная мягкая шерсть, как у псовых. Зацепы, коготки — как из чугуна и часто черные. Пазанки длинные, особенно задние. Черные мяса (окорока) огромные, жилистые, с твердыми буграми; задние ноги широко поставлены, часто лучковатые, т. е. согнутые, и вытянутые назад.

---

[1] Описание дано по Л. П. Сабанееву (1904 г.). В настоящее время эта порода не существует.

Правило довольно правильное, несколько в окороть, тонкое и гибкое, с коротким (до 2 вершков) и редким подвесом снизу. У разновидности горских, так называемых анатолийских или куцых борзых, отличавшихся своим необычайно широким задом, правило вовсе отсутствовало.

Псовина короткая, мягкая, гладкая, атласисто-шелковистая, блестящая, на голове и ногах (спереди) очень короткая и гладкая, в виде мышиной. Уборная псовина — только на гачах, но редкая и прямовисячая; вместо очесов по бокам шеи оставались едва заметные признаки. Привесь с задней стороны передних ног и с задней стороны задних пазанков тоже едва заметная. Окрас самый типичный — черный с желтыми или красноватыми или зольного цвета подпалинами и очками (бровями), как у гончих, также муругий и красный с мазуриной. Серых, половых и пегих мастей между горскими борзыми не встречалось.

Кобели в холке нередко достигали 16 вершков (до 69—70 см) и даже более, суки же почти никогда не бывали выше 15 вершков (до 65 см).

По своим полевым качествам горская борзая не уступала псовой, а с точки зрения некоторых охотников во многих отношениях даже ее превосходила. Горки были очень сильны в полях, на больших расстояниях, а вместе с тем очень резвы и накоротке, почти равняясь по пруткости псовым. По крепости ног и прочности лап они не имели себе равных. При этом горки были очень злобны к зверю, особенно лисице, да и волка брали очень приемисто, хотя и редко бывали в силах удержать его. Зоркость этих борзых была изумительна.

Были у них и недостатки: некоторое упрямство, трудность высворивания, наклонность к скотинничеству, непослушание и бестолковый рыск — без своры они рыскали далеко от хозяина. Кроме того, горки были довольно нежны и чувствительны к холоду и не выносили псарного содержания, почему и следовало держать их в комнатах.

Крымская борзая[1]. Крымская борзая, крымка или крымач, чаще всего встречалась в степной части Крымского полуострова, преимущественно у крымских татар. В общем крымки имели большое сходство с горскими борзыми, но по экстерьеру были значительно грубее, меньше ростом, имели уши более короткие, почти без бурок и, хотя обладали непомерной силой в скачке, на коротких расстояниях не имели пруткости, подобной горским и псовым борзым.

Голова небольшая, довольно сухая, но прилобистая; щипец правильный, причем подуздоватости никогда не замечалось. Глаз большей частью желтоватый, реже темный, иногда впалый. Уши висячие с короткими бурками или без них.

---

[1] Описание дано по Л. П. Сабанееву (1904 г.). В настоящее время эта порода не существует.

Шея, грудь и плечи. Шея правильная, но собака держалась понуро; грудь не узкая, с выдающимся из-за плеч соколком. Плечи полные, мускулистые, со свободными локотками.

Степь прямая и у кобеля, и у суки, без всякой напружины, нередко с переслежиной. Колодка широкая, как бы сбитая, и вообще все мускулы чрезвычайно развиты, но маклаки всегда выделялись, так что крымка казалась худой.

Ребра очень бочковатые, но не особенно низкие, иногда не достигая локотков, казались туго обтянутыми кожей. Подхват (подрыв) очень тонкий и высокий.

Ноги сухие, даже как бы тонкокостные, всегда с продолговатой русачьей лапой, плотно сжатыми пальцами, между которыми снизу росла длинная шерсть. Пазанки средней величины. Черные мяса огромные, упругие. Постанов ног особенно правильный; задние широко расставлены и слегка лучковаты. Собака должна была стоять «на коготках».

Правило тонкое, сухое, правильной длины, закрюковатое, всегда с белым кончиком; уборная псовина на нем редкая.

Псовина короткая, блестящая, гладкая, но грубее, чем у горки, на голове и спереди ног еще короче; уборная псовина на гачах и правиле редкая, длиной до 2 вершков. Окрасы чаще всего черные с подпалинами, черно-пегие с крапинами, муругие, муруго-пегие, реже красные с мазуриной.

Во второй половине XIX в., когда большинство комплектных псовых охот прекратили существование, русская псовая борзая становилась единой, хотя в деталях экстерьеров остались некоторые различия, не мешавшие этому единству. Г. Д. Розен в «Очерке истории борзой собаки», руководствуясь «Регулом», «Записками мелкотравчатого» Е. Э. Дриянского, «Записками псового охотника Симбирской губернии» П. М. Мачеварианова, синтезировал описание псовой борзой: «Рост около 17 вершков (73 см) для кобеля и 16 вершков (до 69 см) для суки, псовина длинная, волнистая, разного окраса, голова сухая, с щипцом, равным по длине головы (черепу.— *В. К.*[1]), тонким и сухим. Глаза навыкате, темные с темными же ресницами, уши маленькие, плотно лежащие на затылке и высоко поставленные; спина широкая, с верхом для кобеля, в колодке для суки. Передние и задние ноги прямые с хорошо развитыми черными мясами. Ребра крутые, плотные, ниже локотков. Правило длинное, в серпе»[2].

Это описание почти не отличалось от первого общепринятого стандарта, который был составлен Е. П. Ермоловым в 1888 г. Этот документ был ценен для своего времени, но во многом неточен. Ермоловский стандарт в известной степени объединял густопсовых и чистопсовых борзых, чему помогал и личный опыт автора, который удачно использовал крымку в своей

---

[1] Здесь и далее в тексте: В. К.— примечание автора.
[2] Розен Г. Д. Очерк истории борзой собаки. М., тип. Лисснера, 1891, с.

охоте, сумев сохранить в основном старый тип. И тем более сказывалось влияние стандарта, что с 60-х годов XIX века многие псовые охоты были ликвидированы, а еще оставшиеся волей-неволей из «неприятелей» становились «товарищами», и происходило смешение «пород». Породами тогда называли крупные, самостоятельные псарни. Чем меньше становилось таких псарен, тем заметнее они были, тем легче делались знаменитыми.

Если происходило смешение, так сказать, подтипов русской псовой борзой отдельных псарен путем обмена производителями, то еще заметнее стирался раздел между густопсовыми и чистопсовыми. И как бы само собой опять получилось слияние породы, ранее расколовшейся надвое, в одну. Это произошлс достаточно быстро. А если прекратилось раздельное существование густо- и чистопсовых, то из практики ведения русской борзой породы исчезли и их названия. Осталось одно — русская псовая борзая. В результате племенной работы с породой создались новые псарни и уже не так резко, как раньше, отличающиеся друг от друга типы.

Н. Н. Челищев (1929 г.) важнейшими из них в средней полосе России считал семь типов.

Першинские собаки соединяли в себе лучшие крови старинных борзых и делились на две группы: темного и светлого окраса. Собаки с темным окрасом имели узкую сухую голову (некоторые с небольшой горбиной к концу щипца), темный навыкате глаз, ухо, поставленное высоко и правильно заложенное на затылке. Рост от 76 до 78 см. Псовина у них была довольно густая, мягкая и волнистая, но не в завитках. Правило (хвост) тонкое и в правильном серпе. По внешнему виду они были собаками легкими и богатством кости не отличались. Вообще они более приближались к типу старинной псовой собаки. В поле были преимущественно резвы, но злобы были посредственной.

Собаки со светлым окрасом отличались от собак с темным окрасом преимущественно головами, которые у них были также узки, сухи и длинны, но щипцы почти всегда прямые. Рост такой же. Псовина большей частью в завитках. Правило такое же. По внешнему виду эти собаки были вначале более костисты и массивны, так что более приближались к типу густопсовых, однако впоследствии в погоне за исключительной резвостью «першинская охота и этих собак значительно облегчила». Надо вообще сказать, что першинские собаки под конец своего существования приобрели очень облегченный тип, граничащий с тонкокостостью. О полевом досуге светлоокрашенных собак можно сказать то же, что и о темных.

Озеровские собаки довольно рослые, хотя редко достигавшие 78 см у кобелей и 76 см у сук. Окрас преимущественно чисто-белый или белый с половыми и серыми пежинами. Псовина очень густая, но не особенно длинная, образует завиток,

но неволнистая. Характерным признаком этой породы служила горбоносость и закат лба назад, так что голова казалась как бы изогнутой от глаз в обе стороны, т. е. к носу и затылку. Глаз у этих собак был поразительный — черный, навыкате, очень открытый и умный, на кровяном белке или, как говорят охотники, «на крови». Ухо тонкое и маленькое, и хотя немного низко поставлено, но плотно притянуто к голове и подвижное. Правило по большей части в серпе, тонкое, с длинной волнистой псовиной. Костью эти собаки были очень богаты, широки в заду и спине. В поле они были резвы, сильны и злобны, но без броска. Кровь озеровских собак, будучи примешана к крови других, особенно облагораживала вид собаки.

Болдыревские собаки среднего роста (кобели 74—76 см, суки 68—74 см). Окрас преимущественно белый с половыми и красными пежинами. Псовина средней густоты, длинная, в крупном завитке. Глаз такой же, как у озеровских, но голова прямая и лишь иногда с небольшой горбинкой к вощку (носу). Ухо тонкое и маленькое, довольно подвижное, но не всегда подымающееся конем, а по большей части при возбужденном состоянии отгибающееся в стороны концами. Правило правильное, в серпе и с хорошей уборной псовиной. Костью эти собаки были более тонки, чем озеровские, и поэтому имели вид легкий. В поле были резвы и с броском, но особенной злобой не отличались.

Челищевские собаки — самые рослые из всех типов псовой борзой (кобели до 83 см, суки до 78 см). Окрас половый в серебре, красно-половый и белый с половыми в серебре и красными пежинами, редко с чубарыми и серыми. На половой, а иногда и красно-половой псовине образовывался серебристый налет от того, что эти цвета на концах псовины переходили почти в белый. По густоте и длине псовины собаки эти не имели себе равных. По спине, на боках и шее псовина у них была в крупном завитке, а на боках волнистая, причем тонкая и легкая, как шелк, доходящая на гачах длиной до полуаршина (30—35 см). Голова длинная, прямая, с плотным и широким щипцом, иногда с небольшой горбиной к вощку. Глаз такой же, как у озеровских собак. Особенным отличительным признаком этого типа собак служило ухо, маленькое, тонкое, совершенно острое и посаженное много выше линии глаз. В возбужденном состоянии оно подымалось конем, причем оба уха так плотно сжимались между собой, что образовывали как бы треугольник, в спокойном же состоянии лежали на затылке, перекрещиваясь между собой в виде ножниц. Шея этих собак была короткая, одета псовиной, как муфтой. Правило правильное, в серпе, с длинной волнистой псовиной снизу, сверху в завитках, начиная с основания правила и приблизительно до половины, переходящих затем в волну. Кость и вся колодка богатырские, придающие собаке на первый взгляд массивность и грузность. Однако в поле собаки эти были очень резвы, обла-

дали огромным броском, совершенно бессъездны, т. е. нестомчивы и злобны. По времени ведения породы эта раса собак самая древняя.

Сумароковские собаки также очень рослые, кровей очень старых, кареевских, до самого последнего времени сохранившие тип этих собак и чуть ли не последние их представители. Кобели ростом до 78 см, суки до 76 см. Окрас белый с половыми и красно-половыми пежинами. Псовина хотя и уступала по густоте челищевским, но все же была очень густая, в крупных завитках. Голова длинная, прямая, с плотным и широким щипцом и с горбинкой к вощку. Отличительными признаками этого типа собак были несколько светловатый глаз и некоторая видимая подопрелость век, розоватость губ и вощка. Ухо тонкое, маленькое и плотно притянутое к голове, но конем эти собаки его не ставили, а лишь подымали кверху, причем концы ушей отвертывались в стороны. Правило имели правильное, но не в серпе, а в виде сабли, т. е. отлого изогнутое. Кость и колодку их можно назвать крепкими, но наблюдалось иногда превосходство развития переда, зад же был несколько у́же. В поле этих собак Н. Н. Челищеву видеть не приходилось, но по отзывам многих охотников, ездивших с ними, они были резвы и особенно злобны.

Гейеровские собаки вели свое происхождение от собак старого и известного охотника П. А. Березникова. Ростом они были невелики (кобели до 74 см, суки до 72 см). Окрас черный, с красными подпалинами (румянами) и темно-красный, иногда с сединой. У темно-красных, кроме того, была мазурина на щипце, т. е. щипцы были начиная от глаз черные. Густотой псовины собаки эти не отличались, и сама она на ощупь была грубовата (жестка). Голова прямая, но не особенно длинная, с выемкой на щипце, а сам щипец с некоторой наклонностью к острощипости (остроте), особенно у сук. Отличительным признаком этого типа был желтый глаз, что производило неприятное впечатление на фоне черного окраса. Ухо довольно низко посаженное, хотя и плотно притянутое к голове. В возбужденном состоянии собаки эти как-то подымали вместе с ушами всю кожу на затылке и таким образом над головой образовывали как бы капор. Правильными правилами эти собаки также не отличались. Они имели правила, иногда сваленные на сторону. Костью и колодкой они в последнее время обеднели, так как порода эта очень долго велась исключительно в самой себе и не освежалась кровью других собак. В поле эти собаки резвы не были, но злобны были до беспамятства. Взявши волка (причем все они брали в глотку), они замирали на нем, зажмуривая глаза и поджимали под себя передние ноги. Оторвать их от волка было делом большого труда. Злобой с этими собаками не могла сравниться ни одна порода.

Бибиковские собаки были особенно распространены среди охотников Тульской губернии и имели в своем основании

кровь собак очень известного охотника Тверской губернии Назимова. Ростом эти собаки были некрупны и даже, можно сказать, мелки (кобели 74 см, суки 72 см и даже мельче). Окрас всех мастей, за исключением черного. Псовина также была разного характера вплоть до жесткой, стоящей ежом, и вообще на ощупь была очень груба и не густа. Голова определенного типа не имела и была по большей части груба. Глаз небольшой и разных оттенков, хотя светлого глаза у них замечать не приходилось. Посадка ушей и манера держать их весьма разнообразны. Кость и колодка были довольно прочные. Вообще эти собаки по внешнему виду были непривлекательны, но по полевым качествам очень ценились охотниками Тульской губернии, за пределы которой как будто и не вывозились. В поле они были резвы и особенно злобны.

Порода русской псовой борзой после 1917 г. осталась в количестве нескольких десятков собак. Важнейшими гнездами этой породы тогда стали группы собак московских и ленинградских любителей. Значительные по численности группы псовых борзых позднее создались в Волгоградской и Омской областях. в меньшем числе эти собаки были в Рязанской, Куйбышевской, Липецкой, Тульской, Воронежской, Пензенской, Тамбовской и некоторых других областях РСФСР, а также на Алтае, в Грузии и Эстонии.

Из псовых борзых, игравших роль основных производителей в советское время, следует назвать в Москве Разброса III В. А. Сорохтиной, Наяна и Вихру Л. М. Петровой, которые были образцом породы, а позже чемпиона Стрепета и Струну Н. В. Гвоздевой (получавших на выставках высокие оценки, хотя собакам Гвоздевой далеко было до собак Сорохтиной и Петровой), семью псовых борзых А. Д. Золотцева, большей частью рабочих, но не отличавшихся большой породностью. Наконец, в более позднее время (30-е и 40-е годы) Рогдай, Кудряш I и Кидай Е. П. Комаровой поочередно в течение длительного периода занимали положение лидеров породы в Москве. До Великой Отечественной войны в ленинградской группе основой ведения породы были собаки Е. Ф. Дезор (чемпион Сипай, чемпион Армавир-Дивенский, Гайдар I-Дивенский), а также собаки братьев Матвеевых.

Из государственных питомников псовых борзых важнейшим был Энгельсский (Саратовская область). С самого основания Энгельсский питомник вел породу наиболее типичных псовых борзых, а в послевоенные годы — от таких выдающихся собак, как чемпион Молва, как отличные по экстерьеру и отмеченные дипломами на испытаниях Кинжал, Коротай, редкостный по типу и занимавший первые места на садках по волку Грозный — внук Фемины МОООиР[1] (из Германии).

Родоначальник важной московской линии Кидай Е. П. Ко-

[1] МОООиР — Московское областное общество охотников и рыболовов.

маровой (Свиреп — Кара Губина, г. Куйбышев) со стороны матери имел в ряду своих дальних предков Разброса III В. А. Сорохтиной, со стороны же отца он шел от борзых Е. Ф. Дезор и таким образом сочетал в себе лучшие линии породы 20-х годов.

Продолжателем линии Кидая в Москве следует считать его сына Грозного Е. Н. Михайловой и внука Гяура (ее же). Получив два диплома III степени на испытаниях и оценки «очень хорошо» на выставках, Гяур был широко использован как производитель. Среди большого и в общем очень хорошего потомства Гяура особенно выделился его сын Загар Г. В. Зотовой, который в начале 60-х годов мог считаться лучшим по типу псовым кобелем в нашей стране.

Сын Загара от его однопометницы Золушки В. А. Дроздовой Валдай Э. Н. Гилярова обратил на себя внимание и экстерьером, и работой (два диплома III степени). Владельцу удалось дать Валдаю много вязок с лучшими суками, что в последующем создало затруднения в подборе пар, по возможности не близкородственных. Однако среди детей Валдая оказалось много собак с хорошим экстерьером и не менее пяти дипломированных на полевых испытаниях (в том числе чемпион Голубка М. П. Коблова с семью полевыми дипломами III степени).

Нужно особо остановиться на суке Фемине (полная ее кличка Фемина-Куик-Молодец) и кобеле Орле I. Фемина была привезена в Москву в 1945 г. Она отличалась замечательной породностью, и если к чему в ней можно было придраться, так разве лишь к облегченности костяка (что, впрочем, для суки допустимо). Родилась она в 1942 г. в Германии (питомник «Рассвет-Орик»).

Московскому обществу охотников — первому хозяину этой собаки у нас — удалось получить от Фемины и Кидая Е. П. Комаровой только двух щенков. Из них Грозный был продан в Энгельсский питомник, но погиб, не оставив потомства, а Гордый в паре с Крылаткой из того же питомника дал большой помет. Однако в результате случайного отравления в питомнике погибли все эти щенки, кроме одного, получившего кличку Грозный, хотя и этот кобель пострадал от отравления и даже потерял часть зубов. Несмотря на неполноценный зубной аппарат, Грозный отлично брал подсадного волка. В свое время этот кобель славился как лучший по экстерьеру в нашей стране (Загар Г. В. Зотовой занял это место позднее). В Энгельсском питомнике Грозный в течение ряда лет служил основным производителем. Его потомство отличалось высокими качествами.

В 1950 г. из ГДР был привезен Орел I, происходивший от собак питомника фон Зильбергофа (ныне уже не существующего). Он принадлежал И. А. Невежину и вызывал особый интерес борзятников великолепным типом и пропорциональным сложением. Орел I был повязан с четырьмя суками и дал всего 28 щенков. Среди них многие оказались ценнейшим материалом для продолжения племенной работы с нашей псовой борзой.

Такими были дети Орла I: Плутовка Г. В. Зотовой и Пурга В. К. Амелунг (от Газы С. Н. Вербицкого), Орел II и Отвага (от Вьюги Теплоуховой) и другие собаки.

Через названную Отвагу, повязанную с Грозным Е. Н. Михайловой, произошло слияние линии Кидая Е. П. Комаровой с линией Орла I И. А. Невежина. С одной стороны, здесь было достигнуто освежение крови, улучшение типа и укрепление рабочих качеств, а с другой — слияние линий, как всегда, повело к сужению возможностей племенных комбинаций без тесного инбридинга.

Кровь Фемины, так сказать, свежая струя в породе, слилась с теми же ведущими линиями Кидая и Орла I. Еруга Э. Н. Гилярова (внучка Фемины от ее сына Дерзая) была повязана с его же Валдаем, который был внуком Орла I и правнуком Кидая, т. е. продуктом слияния двух ведущих линий. Так в потомстве Еруги встретились три наиболее ценные семьи и линии псовых борзых конца 40-х и 50-х годов. Создание при этой комбинации группы породных собак с прочно закрепленным первоклассным экстерьером имело, как и медаль, оборотную сторону: слияние всего лучшего в один поток сузило и без того ограниченные возможности неродственных племенных комбинаций.

Если и до этого был распространен инбридинг на Гяура и Орла I, то на новом этапе большинство родословных псовых борзых в ведущих центрах породы стали включать в себя также и представителей семьи Фемины. Оказалось почти невозможным избегать более или менее близких родственных вязок и назревал кризис породы.

Осенью 1962 г. снова удалось привезти из ГДР в Москву кобеля Амура хорошего типа, родившегося в 1959 г. (он приобретен В. С. Колпаковой). Амур происходил из питомника «Вергей». Этот ценный кобель оказался больным и, несмотря на самое серьезное лечение, пал в 1965 г. Однако от него успели получить немалое и притом очень хорошее потомство. Среди детей Амура уже есть много собак, заработавших полевые дипломы. Но очень неприятным свойством Амура была злость к людям и собакам, которую он передал части своего потомства.

И снова московская группа (а с нею и ряд других) выходит из трудного положения и продолжает укрепляться и количественно усиливаться, чему способствует и развитие породных групп в других областях, где все чаще появляются ценные производители (например, Коротай Е. Е. Губкина в Тамбове).

После Великой Отечественной войны работа по разведению псовой борзой в Ленинграде была начата заново. Основой сформировавшейся там группы послужили приобретенные при ликвидации Энгельсского питомника три дочери отмеченного выше выдающегося внука Фемины Грозного — Гроза, Ракета и Метель, а также Шалость Е. Ф. Дезор (Коротай-Дивенский — Шилка из Энгельсского питомника). Производителями в основном были Амур из Энгельсского питомника, а также Злоим (он

же Милый) В. А. Дроздовой из Москвы, Буян С. Лейбур из Таллина и другие.

При создавшихся благоприятных обстоятельствах и определившемся в нашей стране росте породы вопрос о производителях не снят. Очень желателен обмен щенками с зарубежными любителями псовой борзой через Интернациональную кинологическую федерацию (в настоящее время такой обмен производится в ограниченных размерах). Возможно также продуманное использование отдельных производителей из Волгоградской, Липецкой и других областей.

Говоря о судьбе русской псовой породы, нужно обратить внимание на значение деятельности наших городских охотников. Порода сохранена и прогрессирует благодаря любовному отношению к ней охотников-любителей и правильно организованной зоотехнической работе. Однако в городах трудно осуществлять правильное выращивание и тренировку борзой, сложны и выезды с ней на охоту, да и сама охота, превратившаяся из конной в пешую, не по силам многим горожанам. Иное дело — сельские условия. Члену колхоза держать борзых на своем крытом дворе или в сарае не затруднительно, на охоту идти ему недалеко; кроме того, добыча лисиц дает хороший заработок. Неудивительно, что борзые у сельских охотников степных областей стали очень многочисленны.

После Великой Отечественной войны русская псовая порода стала быстро крепнуть и расти. Об этом уверенно можно судить на примере волгоградской группы породы.

Анализ происхождения около 40 псовых борзых, прошедших экспертизу на VIII Волгоградской областной выставке[1], показал, что для создания данного волгоградского поголовья использованы основные исходные корни и группы породы.

1. Корень Саратовский включает в себя псовых борзых Энгельсского питомника Заготживсырья с такими лидерами, как чемпион Молва (40-е годы), Коротай, Крылатка, Кинжал и внук вывезенной из Германии Фемины чемпион Грозный, бывший в 50-х годах лучшей псовой борзой СССР. В дальних коленах родословных волгоградских борзых (нередко за пределами бланка) встречаются эти собаки, их потомки и близкая родня. Этот корень условно обозначим «С».

2. Корень вывезенного из Германии Орла I И. А. Невежина (привезен в конце 40-х годов) состоит из его детей, внуков и правнуков, более или менее инбридированных на своего замечательного родоначальника. Представителей этой «Орловой» корневой группы можно встретить в родословных очень многих псовых борзых волгоградской ветви. Примененный здесь в свое

[1] На VIII Волгоградской областной выставке охотничьих собак автор, проводя экспертизу русских псовых борзых, обратил внимание на большое разнообразие их происхождения. Здесь были видны тщательный отбор и подбор производителей, строго исключался инбридинг и особо большое внимание в ведении породы уделялось рабочим качествам собак.

время близкий, но ограниченный инбридинг дал хорошие результаты, закрепив прекрасный тип и надежные рабочие качества. Этот корень условно обозначим «О».

3. Группа вывезенного из Германии Амура В. С. Колпаковой (привезен в 1962 г., пал в 1965 г.). Амур имел много вязок с суками московского корня породы. Его кровь есть в собаках ленинградской, куйбышевской, липецкой и волгоградской ветвей. Амур В. С. Колпаковой встречается в родословных волгоградских собак в недальних коленах. Сочетание производителей из потомства Амура с собаками группы Орла I И. А. Невежина дало в Волгограде особенно типичных, эффектных по экстерьеру собак. Хотя Амур В. С. Колпаковой сам был нерабочим, среди его потомства оказалось немало собак, выдающихся в поле. Этот корень условно обозначим «А».

4. Московский корень включает в себя группу собак московских любителей, основанную на борзых Е. П. Комаровой (особенно на Кидае) и отчасти А. Д. Золотцева с прилитием крови вывозной Фемины, а также небольшой доли крови собак Энгельсского питомника. Наиболее заметен в этой группе Валдай Э. Н. Гилярова, которого можно считать продолжателем московской линии Грозный Е. Н. Михайловой — Гяур ее же — Загар Г. В. Зотовой. Этот корень условно обозначим «М».

5. Ленинградская группа возникла из смешения кровей собак, взятых из Энгельсского питомника, с московскими и некоторыми другими. Влияние ленинградских собак на волгоградскую ветвь незначительно (через Хана Н. И. Воробьева — сына Буяна С. Лейбур) этот корень условно обозначим «Л».

По родословным псовых борзых VIII выставки можно было установить, что перечисленные корни происхождения группы комбинируются и сочетаются довольно разнообразно. В учете значения того или иного из основных корней не может быть, так сказать, математической точности, но если опираться на самое существенное — участие в родословной той или иной из этих основ, то, используя принятые обозначения «корней», можно наметить среди группы борзых, прошедших через ранг VIII выставки, следующие 12 комбинаций корней: 1 — АО и АОМ; 2 — АОС; 3 — ОС; 4 — МЛС; 5 — МО; 6 — МОС; 7 — АМС; 8 — МС; 9 — МЛ; 10 — М; 11 — Л; 12 — С.

Возможность стольких комбинаций указывает на богатство породы племенным материалом, позволяющее обходиться без вынужденного инбридинга, и вообще на силу породы.

В наше время стандарт псовой пересматривался и уточнялся неоднократно: на I Всесоюзном съезде кинологов в 1925 г., затем в 1939, 1951 гг. Все стандарты существующих у нас охотничьих пород заново были прокорректированы, переписаны в 1963 г., утверждены Минсельхозом СССР в 1966 г. и опубликованы в 1969 г. В 1979 г. в последний стандарт русской псовой борзой внесены поправки. Новые стандарты борзых и других охотничьих пород утверждены в апреле 1980 г. Окончательный

стандарт русской псовой борзой по всем статьям этой породы в сущности тот же, что и прежний; серьезное изменение внесено лишь в увеличение роста собак, уточнены еще некоторые детали.

В основном экстерьер современной русской псовой борзой (по варианту 1980 г.) характеризуется следующими чертами[1]. Рост в холке кобелей от 75 до 86 см (вместо 70—82 см), сук от 68 до 78 см (вместо 65—77 см). Телосложение узкое. Тип конституции сухой, крепкий. Окрас от белого, полового разных оттенков (светло-полового, красно-полового, полового в серебре, полового с пылью) до красного, муругого, чубарого и черного без подпалин и с подпалинами. Недопустимы мышастый и кофейный цвета и обильный крап. Голова длинная, узкая, сухая, без заметного уступа от лба к щипцу (морде). Особенно типичны уши — маленькие, тонкие, острые, затянутые назад вдоль шеи, концы направлены вниз или лежат вдоль шеи. Глаза крупные, темно-карие. Шея длинная, грудная клетка глубокая, спина несколько выгнута вверх (у кобелей круче, у сук отлого). Живот сильно подтянут, псовина (шерсть) длинная, густая, волнистая, образует убор на груди, на задних сторонах ног и правиле (хвосте). Таким образом, в настоящее время наша псовая борзая порода достигла полной однотипности и совершенства, хотя кристаллизация породы шла нелегко.

До Великой Отечественной войны в СССР чистопородная русская псовая борзая была немногочисленна: всего насчитывалось не более 200—250 собак этой породы. Однако в послевоенный период был отмечен ее энергичный рост.

По сведениям Росохотрыболовсоюза о численности борзых в РСФСР на 1 января 1982 г. можно определить с достаточной точностью количество русских псовых в республике несмотря на то, что все цифры по борзым даны без деления по породам. Обществами охотников и рыболовов системы РОРС за 1981 г. зарегистрировано 2933 борзые. В это число входят кроме собак русской псовой породы еще и хортые, южнорусские и собаки, не имеющие стандарта, но применяемые на охотничьем промысле в центральных русских областях (условно их можно назвать «среднерусскими промысловыми»). Из всего почти трехтысячного поголовья борзых 2015 собак имеют родословные, 1123 получили оценки экстерьера на выставках и выводках и 427 дипломированы на испытаниях.

По южнорусской борзой никакой племенной работы не ведется, и эти собаки родословных не имеют. В областях, где много хортых борзых, в особенности в Ростовской, с ними начата правильная племенная работа. В последние десятилетия на Дону из 365 борзых с родословными около 300 хортых и не более 60—70 русских псовых, так как известно, что на Дону русских псовых борзятники держат мало. Но в большинстве

[1] Полностью все стандарты борзых см. в приложении 1.

областей почти все борзые, имеющие проверенные родословные, принадлежат к русской псовой породе. Так, в Волгоградской области 206 собак имеют родословные, Белгородской — 45, Воронежской — 34, Горьковской — 60, Курганской — 37, Куйбышевской — 57, Омской — 85, Ленинградской — 61, Липецкой — 50, Оренбургской — 46, Саратовской — 38, Тамбовской — 56, Алтайском крае — 72. Так как такое же положение наблюдается и в других областях и республиках, это позволяет считать за хортыми не более 400—500 родословных по республике, за афганскими — не более сотни. Таким образом, принимая во внимание еще и то, что в Москве и ее области есть не менее 160 псовых (112 в МОООиР и около 50 в других организациях), следует считать, что в РСФСР теперь не менее 1400, а может быть и 1500 псовых.

В республике по ряду областей создалось не менее 15 племенных гнезд русской псовой борзой (от 34 до 206 собак), и это дает уверенность в устойчивости породы и ее дальнейшем росте. Особенно многочисленна волгоградская группа. Довольно сильна и московская группа, где в областном обществе охотников зарегистрировано 112 псовых борзых, не менее половины которых имеют полевые дипломы. В других охотничьих организациях области, кроме этих 112, наберется еще не менее полусотни псовых.

Немаловажна и роль горьковской, ленинградской, тамбовской, омской и липецкой групп. Необходимо отметить, что как только была разрешена охота, на Украине сразу же создалась значительная группа, насчитывавшая к 1.01.83 г. 156 русских псовых.

Численному росту породы в послевоенный период очень помогло освежение крови рядом производителей, завезенных из-за рубежа. Это стало возможным благодаря популярности русской псовой борзой во многих странах Западной Европы, а также в Америке и Австралии.

Параллельно с совершенствованием экстерьера нашей псовой борзой в послевоенный период была организована и работа по развитию и проверке рабочих качеств борзых на испытаниях по вольному зверю. Определились надежные рабочие линии для племенной работы там, где псовая борзая стала многочисленной, а ее владельцы истые борзятники.

Как ни хороша стала русская псовая в СССР, но не везде она пользуется исключительным признанием как лучшая для охоты. Дело в том, что в основном она резва на недлинных дистанциях, а хортая и другие южные породы выносливее на дальней скачке, какая нередко требуется при охоте на русака южных степей. Кроме того, в самых южных областях европейской части СССР в полях, особенно по межам, канавам, окрайкам вдоль дорог обычны густые заросли сорняков. Стоит собаке пробежать по ним, как репьи набиваются не только в уборную псовину на правиле, животе, очесах на ногах, но и в шерсть

на корпусе, а она у псовой густа, мягка, длинна. Легко создаются вокруг влепившихся сорняков целые колтуны. Освободить борзую от этого крайне неприятного вторжения колючек очень трудно. Например, в Ростовской области охотники не хотят держать псовую; большинство из них предпочитают хортых и южно-русских борзых с более короткой и жесткой псовиной.

Русская псовая борзая исстари в любую минуту готова была броситься в схватку с волком. Она отличается несравненной отчаянной отвагой, великой силой, несмотря на кажущуюся на первый взгляд легкость и даже утонченность сложения, а главное — неукротимой злобой к поистине могучему и опасному хищнику. Нередко посылали русскую псовую борзую на единоборство с могучим матерым зверем. И псовая боролась и побеждала своего страшного противника.

Е. Э. Дриянский в своей знаменитой книге «Записки мелкотравчатого» (1859 г.) рассказывает о подвиге борзой собаки на большой псовой охоте. Борзые Алеева (хозяина охоты) по его недосмотру кинулись к соседней травле переярка; и Алеев «...остался с одним Поражаем. Это обстоятельство породило случай, редкий в охоте.

Вслед за переярком две гончие вывели из острова огромного волка прямо на Алеева; из всех собак один только Поражай воззрился в зверя: они схватились поднялись на дыбы, сцепились зев в зев, расперлись и стали как вкопанные: ни волк, ни собака не трогались с места и не разнимали пасти. Следовало подать скорую помощь Поражаю, но взять ее было неоткуда. Остальные собаки Алеева жадно теребили переярка и не внимали никаким призывам... Алеев заскакал зверя (он был верхом на лошади.— *В. К.*) и пошел к нему сзади, вынимая кинжал: один миг — и кинжал этот вошел по ручку волку в пах; Поражай переместился в горло и матерый волк был принят из-под одной собаки».

Сейчас приходится слышать голоса о необходимости восстановления в породе былой злобы. Нет сомнения, что восстановить ее возможно, но сколько же времени, трудов и средств для этого потребуется! А необходимости никакой и нет, так как в настоящее время имеются более эффективные средства для борьбы с волком: на приваде, окладом с флажками, с вертолета, с аэросаней, со стаей гончих по выводку. Ну а по зайцу и лисице современная русская псовая борзая при надлежащем воспитании и тренировке работает не хуже, чем работала и во времена помещичьих псарен.

Хортая. Происхождение этой породы не установлено точно. С одной стороны, она может иметь своими предками польских хартов, вероятно, производных грейхаунда с какой-то местной породой, а с другой,— возможно возникновение короткошерстных борзых с маленькими затянутыми вдоль шеи ушами из помеси русских псовых с борзыми английской породы грейхаунд, каких некоторые русские помещики держали на своих псарнях

(единицы)[1]. В последнее время возможна в южных областях примесь к хортой породе отдельных и сильно видоизмененных потомков бывших горской и крымской пород.

Среди всех борзых пород юга нашей страны хортая резко выделяется короткой шерстью почти без уборной псовины на правиле (хвосте) и задних сторонах ног и небольшими, затянутыми вдоль шеи ушами. Благодаря ярко выраженным особенностям эту породу легко вести в чистом виде. Однако на юге европейской части страны до последнего времени все еще нередки вязки хортых с так называемыми южнорусскими борзыми, имеющими висячие уши и убор на задних сторонах ног и правиле. В некоторых степных областях породу хортых ведут по-старинному бесконтрольно и без какого-либо учета результатов. Необходимы племенные книги при обществах охотников, куда должны записываться типичные для породы собаки, а также введение обязательной регистрации вязок при категорическом требовании однопородности собак.

Хортая — наиболее оформившаяся порода борзых, занявших положение промысловых. Это позволило еще в 1925 г. составить набросок стандарта хортой борзой и уточнить его в 1951, 1969 и 1980 гг. Стандарт 1980 г. так определяет основные экстерьерные черты этой породы. Рост кобелей 65—75 см, сук на 4 см меньше. Окрас — сплошной или пегий, всех цветов псовой с прибавлением мышастого. Кофейный окрас недопустим. Шерсть прямая, короткая, длиной до 2,5 см. На задней стороне бедер очень негустая и недлинная уборная псовина, на нижней стороне правила допустим редкий и недлинный подвес. Едва ли не характерно для породы нередко встречающееся у хортых полное отсутствие уборной псовины. Зимой развивается короткий подшерсток. Голова сухая с умеренно широкой черепной частью. Уши подобны ушам псовой. Сложение в общем шире, чем у псовой. Спина с верхом у кобелей, с напружиной у сук. Живот сильно подобран. Ноги мускулистые, костистые, лапы овальные. Правило саблевидное, допустим конец, загнутый почти в кольцо[2].

В XIX столетии у российских помещиков хортые считались особенно резвыми наравне с крымками и горками, с которыми тогда на ловле русака южных степей не могла равняться русская псовая борзая. В старинных описаниях комплектных псовых охот польских магнатов встречаются рассказы о силе, отваге и злобе хартов, якобы отлично работавших по волку, но

---

[1] Г. Д. Розен, псовый охотник и писатель, известный своими выступлениями в охотничьей прессе по вопросам псовой породы (до 1917 г.), считал, что все почти хортые собаки, существующие в России,— английские выписные и родившиеся от таковых (подразумевается, в помеси с псовыми).

[2] Известный эксперт-кинолог К. М. Эсмонт (Ростов на-Дону) различал в Ростовской области два типа хортых: более легкий (особенно резвые собаки) и более тяжелый (Эсмонт К. М. Хортые и степные борзые на Дону.— Охота и охотничье хозяйство, 1968, № 2, с. 25—26, № 3, с. 27—28).

в российских псовых охотах хортые считались неспособными к борьбе с волком и работали только по лисице и русаку. А теперь, когда и с прославившейся на волке русской псовой уже не спрашивают схватки с этим зверем, тем более никто не ждет работы по волку от хортой. По русаку и лисице хортая нисколько не уступает русской псовой. Она на юге выигрывает тем, что своей короткой и жесткой шерстью не собирает на себя репьи и колючки, которых слишком много на культурных землях в наших южных областях.

Современное распространение хортой обширно, особенно многочисленна она в Ставропольском крае, Ростовской, Волгоградской областях. Есть хортая и во многих других южных и центрально-черноземных областях — Воронежской, Тамбовской, Пензенской, в областях среднего и нижнего Поволжья — Куйбышевской, Саратовской и других. Точного учета хортых пока нет, но их у нас не одна тысяча; местами эта порода вытесняет другие. Например, в Ростовской области, по данным 1979 г., числилось 340 хортых.

Южнорусская борзая. Южнорусская борзая — местная порода собак степных областей юга РСФСР. Образовалась она в результате слияния казахской тазы, горской и крымской борзых, а также примеси хортой. Основной район распространения — юго-восточные степи: прикаспийские, приволжские, приуральские. Как порода южнорусская борзая окончательно не сформировалась и отличается разнотипностью. Эксперт-кинолог К. М. Эсмонт называл три типа степной породы (переименована в южнорусскую): легкие, некрупные собаки (63—66 см в холке) с узкой красивой головой, ушами в бурках, слабым убором на ногах, очень резвые; того же роста, но грубоватые, без уборов, с более грубой псовиной, такие же резвые; крупные (67—72 см), крепкие, грубоватые, редко с ушами в бурках, но с более густой и длинной псовиной (примесь русской), отлично работают по лисице, но русака берут лишь после долгой скачки.

Впервые стандарт южнорусской борзой (тогда название «степная») составлен и утвержден Главным управлением по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству в 1951 г. В 1963 г. стандарт южнорусской, как и других пород борзых, уточнен комиссией Всесоюзного кинологического совета Главприроды МСХ СССР. В 1969 г. он опубликован в Родословно-племенной книге как приложение (М., Россельхозиздат, 1969). При пересмотре стандартов в 1980 г. стандарт южнорусской оставлен без изменений.

Главный отличительный признак южнорусской борзой — висячее ухо. Рост довольно крупный (кобели от 62 до 70 см, суки на 3—4 см меньше). Возможна у обоих полов незначительная высокопередость. Окрас белый, красный, черный, половый всех оттенков, преимущественно сплошной, но нередок и пегий; возможны подпалины красноватые или серые. Псовина жестковатая, недлинная — от 2,5 см летом до 4,5 см зимой. На ушах,

тыльной стороне передних ног и бедер, а также снизу правила негустой убор-подвес. Голова клином, черепная часть умеренно расширенная. Спина с хорошо выраженной холкой, прямая, лишь слабо выгнутая вверх. Правило длинное, саблевидное, обычно с загнутым в кольцо концом.

Южнорусская борзая применяется для ловли русака, лисицы, корсака. Так же как и хортая, необходимой для работы по волку злобы не имеет. Следующий случай подтверждает это.

По дороге ехала грузовая машина, в кузове которой находились не менее 15 хортых и южнорусских борзых со своими хозяевами. Метрах в ста от дороги кормился у падали (павшей коровы) волк, не слишком крупный (переярок?). Корова лежала спиной к дороге, и волк, просовывая голову через выеденное брюхо в чрево коровы за внутренностями, оставался в этом положении 2—3 минуты. Так как по плохой дороге машина шла медленно, ехавший в кабине эксперт, отсудивший собак по русаку, успел оценить удобный случай проверить их по волку. Высадив борзых на противоположную от зверя сторону, борзятники, прячась за машиной, приготовились к травле. Пришлось подождать, пока волк вылез из брюха коровы, осмотрелся и, конечно, заметил остановившуюся автомашину. Но мало ли автомобилей он повидал, давно уж привык к тому, что они безопасны. А поэтому, продолжая заниматься своим делом, он опять скрылся в корове.

Эксперт дал команду, и борзятники с борзыми на сворах быстро двинулись к падали. Когда волк снова показался и, увидев группу людей с собаками, пустился наутек, до него борзым оставалось метров 50.

Борзятники, спустив собак и улюлюкая, побежали за волком. И, конечно, все 15 борзых понеслись за зверем, мгновенно проделав короткую доскачку. Не меньше десятка собак окружили волка и стали оплясывать, некоторые принялись обрехивать его. Нашлись и такие, что сразу убежали назад к хозяевам.

И ни одна из всей стаи борзых не решилась прикоснуться к волку!

Таза. Казахстан и Туркмения — родина борзой тазы казахской и туркменской разновидностей, а вернее место формирования этой породы, в сущности, не зародившейся здесь, а в глубокой древности выведенной местными народами из ловчих пород. Наиболее вероятно, что предком тазы была арабская борзая слюгги.

В основном экстерьер казахской тазы определяется так. Рост кобелей 60—65 см, сук на 3—4 см меньше, окрас глинистый, палевый, черный, реже грязно-белый, красный с чернотой по хребту и др. Характерен окрас сплошной, но есть и пегие. Псовина короткая, прямая, мягкая по всему телу. На нижней стороне правила негустой, но некороткий подвес, на задних сторонах передних ног и бедер — очёсы, на ушах длинная шерсть

образует бурки. Между пальцами густая, жесткая шерсть. Голова сухая, узкая, морда в профиль похожа на морду сеттера. Спина прямая или слегка выгнутая вверх. Живот сильно подобран, но без резкого подрыва. Правило недлинное, в форме сабли, на конце обязательно свернуто в кольцо или крутой крючок. Туркменская разновидность тазы имеет те же внешние черты, но ростом меньше.

Казахская таза сравнительно недавно была в Казахстане очень многочисленна. В 1938 г., по данным ученого А. А. Слудского, в республике насчитывалось не менее 7 тыс. борзых этой породы. Но к настоящему времени в связи с переездом многих сельских жителей Казахстана в города охота с борзой в республике сократилась, уменьшилось и количество борзой тазы.

Величайший ущерб росту породы наносит обычай оставлять в родившихся пометах только кобелей и уничтожать сучек, чтобы поменьше было борзых у охотников, а значит, чтобы не было много конкурентов на охоте.

Принято считать, что в СССР существует две основные разновидности тазы — казахская и туркменская, но можно полагать, что во всей массе среднеазиатских таз на тысячекилометровых просторах республики вряд ли все местные группы этих борзых уложатся в один стандарт. Тазы западных областей Казахстана не могли избежать в большей или меньшей степени смешивания с борзыми русского псового типа и с южнорусскими вислоухими собаками. Точно так же на юго-востоке республики в районах, смежных с Киргизией, возможна встреча тазы с тайганом и, значит, здесь на экстерьер тазы повлияла эта киргизская порода. Помимо этого, разделенность населенных районов пустынями вполне могла повлиять на создание узко местных подтипов с теми или иными отклонениями экстерьера от стандарта.

Таза имеет те же качества, что и борзые других пород: резвость, зоркость, ловкость на угонках, поимистость и прочие. Но особенности охоты с борзой в среднеазиатских республиках и разнообразие ее добычи выработали у нее и некоторые другие способности. Так, при розыске зверя таза нередко должна обладать чутьем, а при охоте на сурка — мастерством подползания и т. п. Таза легко обучается подавать охотнику пойманного зверя.

Перечень объектов охоты с тазой велик. С ней добывают лисицу, корсака, волка, дикую кошку, барсука, хоря, зайца, сурка, джейрана, косулю, сайгака, тау-тэкэ (горного козла) и даже кабана.

О добычливости охоты с тазой дают представление справки, выданные казахским республиканским Управлением охотничьего хозяйства охотникам, представившим своих собак на I Всесоюзную выставку собаководства, состоявшуюся в Москве в 1957 г.

Например, охотник Нусубали Нурбеков с кобелем Джелкуином (собака работала совместно с беркутом) добыл за сезон 97 лисиц, 15 волков[1], 9 барсуков, 35 сурков и 55 хорей (кроме этого, охотник добывал и зайцев).

Беркут сильно повышает успешность охоты, особенно значительно участие этой птицы в добыче волка, которого таза в одиночку взять не может, она лишь ведет розыск, а беркут ломает зверю хребет. Но и без беркута с одними тазами казахские охотники добывают немало пушнины. Например, сезонная добыча рядового охотника Камеля Омакаева с кобелем Кумерланом, по справке казахского республиканского Управления охотхозяйства, составляет 28 лисиц, 12 корсаков, 8 барсуков, 28 хорей.

Самой главной добычей тазы как по числу зверей, добываемых одной собакой, так и по ценности шкурки, по данным А. А. Слудского[2], производившего исследование тазы в Казахской ССР в 1938 г., является лисица. Этот автор сообщает, что не редкость, когда такая собака за сезон ловит 30—50 и более лисиц. Например, охотник-стахановец Ханьяров Ашур с тазой по кличке Альтульке добыл за сезон 1935/36 г. 80 шт. А. А. Слудский пишет, что эта таза подавала пойманного зверя охотнику-хозяину. В таком свойстве тазы исследователь видит одно из доказательств происхождения данной породы от арабских борзых — слюгги, у которых свойство приносить добычу хозяину особенно сильно развито.

А. А. Слудский приводит в своей книге любопытный рассказ: «Насколько ценятся хорошие собаки среди охотников, видно из следующего примера: до революции за одну тазу с реки Каратала отдавали девушку (невесту.— *В. К.*), отказываясь от калыма в 47 лошадей»[3].

Для выяснения вопроса, насколько таза портит шкурку пойманного зверя, Слудским было обследовано 50 собак. И оказалось, что из них 34 собаки (68 %) берут лисицу за шею позади ушей, 5 собак (10 %) за ухо, 3 собаки (6 %) за морду и 8 собак за спину или за что попало, значит, только 16 % ловят так, что возможна порча шкурки, да и то незначительная

В пределах Казахстана тазы распределяются по областям неравномерно и вовсе не встречаются в гористых и лесистых областях и в некоторых других районах. Наибольшая численность тазы была отмечена в Западно-Казахстанской, Актюбинской и Кзыл-Ордынской областях. В Восточно-Казахстанской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях таз мало. Довольно много таз в областях Алма-Атинской и Гурьевской.

---

[1] Местный среднеазиатский волк значительно мельче европейского и сибирского. Главная роль в поимке волка принадлежит беркуту.

[2] Слудский А. А. Азиатская борзая таза и охота с ней. Алма-Ата. Изд. Казахской научно-исследовательской охотничье-промысловой биостанции, 1939. 28 с.

[3] Там же, с. 4.

Борзые типа тазы встречаются у охотников Синьцзянской провинции (Западный Китай), в Афганистане, Иране. Для охотников Узбекской и Туркменской ССР таза обычна.

Некоторые авторы (А. А. Слудский, 1939, и др.) к группе таз относят горскую и крымскую породы борзых. С этим мнением можно согласиться. На родство с тазой указывают и некоторые экстерьерные признаки: висячие уши, короткая шерсть и др., и территориальная близость размещения этих пород (Северный Кавказ и Крым) к среднеазиатским республикам.

Тайган. Потомок древней группы среднеазиатских борзых, тайган распространен в горных районах Киргизии. Важная особенность тайгана — его способность работать в сильно пересеченной местности на высоте 2—3 тыс. м над ур. м.

И тайганы, и их хозяева живут и охотятся в глухих, труднодоступных районах Киргизской ССР (в зоне горной системы Тянь-Шаня), поэтому эта порода до последнего времени не подвергалась какому-либо серьезному исследованию и изучению. Только в начале 1964 г. кинолог С. А. Минюхин (г. Фрунзе) на основании проведенных им в начале 60-х годов выводок тайганов в горных районах Киргизии составил проект первого стандарта тайгана[1]. В 1966 г. стандарт был принят Всесоюзным кинологическим советом при Главприроде (МСХ СССР) и в 1969 г. утвержден. В 1980 г. стандарт тайгана, составленный кинологом С. А. Минюхиным, включен без изменений в состав заново пересмотренных стандартов борзых СССР.

В основном экстерьер тайгана определяется так. Рост кобелей 65—70 см, сук — на 4—5 см меньше. Голова сухая, удлиненная, при взгляде сверху клинообразная. Переход от лба к морде без резкого уступа (перелома). Морда (щипец) удлиненная, в профиль неглубокая. Уши тонкие, висячие, закругленные, с развитыми бурками (уборной псовиной), шея длинная, как бы сжатая с боков. Спина прямая или слабо выгнутая вверх. Живот сильно подобран, но без резкого подрыва. Холка отчетлива. Лапы овальные. Правило на конце свернуто в кольцо. Позвонки конечной половины кольца срослись — не разгибаются. Псовина мягкая, удлиненная, негустая, зимой с подшерстком. Уборная псовина развита на задней стороне черепа (образует как бы чуб в завитках), на шее, животе, плечах, на предплечье почти до пясти. Особенно развит убор на бедрах и вокруг голени; здесь он покрывает заднюю сторону плюсны и лапы, что придает тайгану своеобразный вид (собака в «штанах», которые указывают на родство с афганской борзой). Снизу хвоста небольшой подвес. Между пальцами жесткая щетка. Окрас чаще черный, сплошной или с белыми отметинами, а также рыжий, серый, половый, белый, чубарый.

Кроме общих качеств всех борзых пород — резвости, зоркости, изворотливости, злобы и т. д., тайган обладает хорошим

---

[1] В этой работе автор данной книги принимал непосредственное участие.

чутьем, работает по следу и способен к длительной скачке за зверем. С тайганом охотятся на лисицу, корсака, сурка, барсука, дикую кошку. Он хорошо работает по копытному зверю. Пара сильных, крупных, хорошо сработавшихся тайганов может задержать волка. Особенно успешна работа тайгана при участии беркута. На зайцев, как правило, с тайганами не охотятся.

Тайган так же, как таза, подвержен примешиванью крови соседних пород и в наибольшей степени — тазы. Это создает разнотипность в экстерьере породы и обусловливает потерю тайганом особых рабочих качеств, главное — маневренности при скачке в гористой, сильно пересеченной местности. Тайган — порода особенно ценная для охоты в специфических условиях тяньшаньской зоны Киргизской ССР и поэтому прилитие в эту породу даже крови тазы недопустимо. Но примесь тазы, настоящей борзой собаки, еще не так страшна, как появление на территории, прежде безраздельно принадлежавшей тайгану, собак неборзых пород и вовсе беспородных. А наплыв, хотя пока и ограниченный, нового населения в места, еще недавно глухие и даже дикие, процесс сам по себе прогрессивный, неизбежно сопровождается и все большим появлением беспородных собак, которые при вольном содержании тайгана местными охотниками легко могут засорить породу и привести к ее исчезновению.

Афганская борзая. Родина собак этой породы Афганистан. Считается, что она произошла от древних иранских (персидских) борзых, вышедших из Северной Африки. В Афганистане культивировались два типа борзых: один более мелкий, применявшийся как травильная собака, и другой тип более крупных собак, применявшихся как пастушьи. В конце XIX в. началось смешение этих двух типов, и тогда же отдельные экземпляры были вывезены в Англию, где в 1907 г. был написан стандарт и заложена основа выведения современной заводской породы афганской борзой, широко распространившейся в Западной Европе.

В последние десятилетия некоторые советские любители собак приобрели на Западе афганских борзых и к началу 80-х годов в некоторых городах нашей родины, а главным образом в Москве создались довольно значительные группы афганок. Поэтому Всесоюзный кинологический совет и Главприрода (МСХ СССР) включили в список разводимых в СССР борзых афганскую борзую. Вместе с тем было решено принять стандарт афганской борзой, выработанный в Западной Европе и утвержденный Международной кинологической федерацией.

Согласно этому стандарту экстерьер афганской борзой определяется так. Рост кобелей от 68,5 см до 73,5 см и сук 65—68 см. Допустимы все окрасы и их комбинации. Шерсть длинная, шелковистая на ребрах, боках, передних и задних конечностях. На темени — чуб из шелковистой шерсти. На морде и спине шерсть

короткая. Голова удлиненная, сухая. Черепная часть не очень узкая, удлиненная. Затылочный бугор хорошо выражен. Переход от черепа к морде плавный, морда длинная, узкая, с горбинкой. Уши поставлены высоко, висячие, покрытые длинной шелковистой шерстью. Глаза темные, но допустимы и желтые. Шея длинная, прямая или слегка выгнута вверх. Спина прямая, холка хорошо выражена. Круп слегка скошен. Грудь глубокая, узкая внизу. Живот слегка подтянут, лопатки длинные, косо поставленные. Передние конечности прямые, локотки прилегают к корпусу. Задние конечности мощные, с хорошими углами и длинной плюсной. Лапы передние большие в длину и ширину, покрыты длинной густой шерстью. Пальцы сводчатые. Задние лапы длинные, но у́же передних. Хвост низко посажен, не короткий, изгибающийся от концевой половины и заканчивающийся кольцом, слабо одет. При движении носится высоко.

Афганская борзая обладает резвостью, но в этом заметно уступает другим породам борзых в СССР. На испытаниях по вольному зверю и на охоте пока не проявила хороших рабочих качеств, что отчасти связано с комнатным содержанием и недостатком тренировки.

ПОРОДЫ БОРЗЫХ ЗА РУБЕЖОМ

Охота с борзыми, а значит, и создание пород борзых собак в Западной Европе имеет давнюю историю.

Племена кельтов, занимавшие еще во втором тысячелетии до н. э. большую часть Европы (между Роной и верхним Дунаем), охотились на зверей. Правда, у нас нет документальных доказательств, что добывали они животных с борзыми, но очень вероятно, что это было так. Возможно, в столь давнем периоде им служили не настоящие борзые, а травильные собаки, которым можно отвести место между борзыми и гончими. Дело травильных собак или гнать зверя, пока его не встретит скачущий на лошади охотник и не поразит своим оружием (стрелой, копьем), или травильные собаки должны гнать до тех пор, пока не возьмут сами обессилевшего зверя.

Более поздние сведения о кельтах дают уверенность, что у них были именно борзые, и почти наверное можно утверждать, что это были арабские борзые слюгги. В V и IV вв. до н. э. территория, занятая кельтами, очень расширилась. Они заняли всю нынешнюю Францию, Испанию, Северную Италию, захватили и Британские острова. В начале IV в. до н. э. кельтские племена завоевали и сожгли Рим и только через полвека римляне смогли оттеснить их на север. А вскоре, в начале III в. до н. э., часть кельтов пробилась в центр Малой Азии, образовав там государство Галатию, просуществовавшее около двух с половиной веков. Вот тут кельты (галлы) и встретились с арабами и взяли у них борзых слюгги. Не думаю, что это предположение слишком смело. Во всяком случае через кельтские

племена, еще удерживавшие какую-то территорию в Юго-Восточной Европе, для борзых слюгги открылась дорога в Галлию.

Англичане получили борзых слюгги от кельтов. Но так как эта порода, созданная в странах с жарким климатом, очевидно, мало подходила к условиям Британских островов, они в течение веков сумели вывести от слюгги новую породу — грейхаунда, а позднее от этой крупной борзой более мелкую породу — виппета (происхождение виппета от грейхаунда не доказано).

Что касается континента, то на территории Галлии, где кельты сохранились под господством Рима, остались у них и слюгги, очевидно, еще долго служившие галлам на охоте.

В «Очерке истории борзой собаки» (М., 1891) Г. Д. Розен дает краткий обзор развития охоты с борзыми в Западной Европе и характеризует борзых, применявшихся на этой охоте. Он останавливается на «Кинегетике» римского ученого и государственного деятеля грека Арриана, который в своем литературном труде пишет о существовании в Греции «вертрагов», исполняющих работу настоящей борзой. Очень вероятно, что это были те же самые слюгги, с которыми кельты охотились уже несколько столетий (Арриан жил уже во II в. н. э.). Арриан подробно описывает кельтскую охоту на зайцев и состязания борзых на этой охоте, как меру, с одной стороны, спортивную, развлекательную, а с другой, — как средство проверки рабочих качеств борзых и их улучшения. Затем он повествует о наличии у галлов особых пород гончих и борзых, не упоминая слюгги, и описывает галльскую охоту со стаей гончих и сворами борзых, вполне сходную с русской островной комплектной.

Охота в западных странах уже в I тысячелетии н. э. сделалась привилегией королей, членов их семей и аристократии, и производилась она с огромным количеством собак травильных и борзых, преимущественно брудастых (вероятно, это были шотландские дирхаунды).

В средние века, сообщает Г. Д. Розен, в странах Западной Европы применялись три породы борзых: крупная брудастая (дирхаунд) для охоты на крупных копытных зверей (оленей и лосей) и волков; хортая (т. е. грейхаунд) для охоты на зайцев, сходная с современной английской борзой; левретки (итальянские) для травли кроликов.

В начале XVI столетия охота с борзыми в Западной Европе приходит в упадок. Причина этого — вырубка лесов и сильное сокращение численности зверей. Место богатых торжественных развлечений с борзыми занимает парфорсная охота с гончими, куда более скромная. В Азии (Иране и смежных странах) охотятся на зверей с некрупными борзыми (салюки). В Аравии по-прежнему работают борзые слюгги, распространившиеся не только в Европе, но и в странах Северной Африки.

Возвращаясь к европейскому средневековью, Г. Д. Розен пишет, что в те времена если и травили крупного зверя бор-

зыми, то обязательно с помощью огромных собак — аланов. Это свидетельствует о недостаточной злобе английских и других борзых, применявшихся на западе. Несмотря на это, борзые собаки ценились очень высоко. Короли их холили и разрешали спать на королевских кроватях. Лучших рабочих борзых приобретали в Бретани, Ирландии и Шотландии, т. е. из пород, созданных бывшими кельтами (вольфхаунд, дирхаунд). Ирландские были самые рослые и достигали высоты в холке 27,5 вершка, т. е. 1,15 м. Жили они во дворцах своих хозяев-аристократов и всегда присутствовали при их трапезах.

Лучших заячьих борзых (грейхаундов?) во Франции получали в Пикардии и Шампани (XVI в.). Английские борзые особенно прославились в XIV столетии. Ценилась также испанская порода гальго и близкая к ней португальская. Они были резвейшими в степи (на равнине), а также в горах накоротке. В 1844 г. охота с борзыми во Франции была запрещена, что привело к почти полному исчезновению борзых в этой стране. Временно прекратила существование охота с борзыми и во всех странах Западной Европы, кроме Испании и Италии. Впрочем, итальянскую травлю кроликов левретками нельзя считать охотой, а другой охоты с борзыми там давно уже нет.

В странах Западной Европы, Северной Америки и Австралии интерес к борзой собаке не угас. Есть немало любителей борзой, не расстающихся с ней ради ее красоты, ради ее былых подвигов в борьбе с волком и другими хищниками. Кроме этого, очень поддерживается любительское стремление иметь борзую еще и ее работой на кинодроме, той спортивной страстью, которая возникает и пылает на состязаниях борзых по искусственному зайцу.

В настоящее время за рубежом разводят 12 пород борзых, имеющих стандарты, разработанные под руководством Международной кинологической федерации (МКФ) и утвержденные этой организацией.

Фараон. Порода имеет африканское происхождение, причем встречалась она в разных частях преимущественно северной, присредиземноморской Африки. От всех других ныне существующих пород фараон отличается прежде всего стоячими ушами, которыми, а также общим видом, как бы воскрешает того тезема, предка всех африканских борзых, которого можно видеть на древних египетских рисунках в захоронениях фараонов.

В некоторых местах современного существования эта порода несколько отходит от стандарта, но на Балеарских островах борзая фараон сохранилась в совершенно чистом виде.

Основные черты экстерьера фараона: довольно крупный рост (кобели до 70 см), большие стоячие уши; короткая, мягкая шерсть; тонкая длинная шея; мочка носа рыжеватая с розовыми пятнами; хвост изогнутый, спущенный до скакательного сустава; окрас — белый с красными, огненными или оранжевыми пятнами или крапом; живот с сильным подрывом.

Характер приветливый, мягкий, однако с сильной охотничьей страстью.

Слюгги. Это древнейшая порода борзых, давшая в виде модификации целый ряд современных борзых пород. Происхождение ее теряется в далеких веках и даже тысячелетиях. Местом ее образования считается Азия.

На западе Европы борзая слюгги жила и работала в первом тысячелетии до нашей эры у кельтов, но была забыта потом и как бы заново открыта при завоевании Алжира Францией. Теперь эта чисто охотничья порода, пользуясь любовью, особенным любованием и нередко каким-то восторженным отношением своих новых хозяев — французов, лишена главного в своей жизни — охоты. Характерно в этом смысле высказывание знаменитого писателя Габриэля д'Аннунцио (подстрочник мой.— *В. К.*):

«Слюгги — разбойник с черным языком,
с костяком, видным сквозь тонкую кожу,
плебей с большим запасом
гордости, смелости и элегантности».

Он же о взгляде слюгги сказал:

«Ностальгия стран с бурями
и в то же время молчаливые караваны,
костры под яркими звездами,
которые кажутся живыми
при ударах ветра в кронах пальм...»

Борзая, созданная для больших пространств, в городе страдает от нарушения ритма ее жизни, ее вкусов и пристрастий. Она здесь лишена деятельности, для которой создана природой. Люди, увлеченные романтической древностью породы, сквозь все века пронесшей свою красоту, охотничью страсть и вихревую резвость, хотят иметь это диво у себя дома, но вместе с тем стремятся сохранить породу, как она есть. Для этого человек дал ей стандарт, устроил выставки, где красота строго подчинена определенным нормам, дал ей дипломы и призы, как будто этого достаточно для сытой, холеной и любимой собаки.

Но шло время, и пришлось обнаружить, что, продолжая линию лауреатов, порода идет к упадку. Хотя человек дал собаке сытость, теплый кров и славу, но с душой собаки он не посчитался, не догадался, чего требуют ее природа, ее внутренний мир. И как же он удивился, когда у этой доброй, послушной собаки, прославившейся прежде выставочных успехов своим дружелюбием, из поколения в поколение в городе стали проявляться наряду с изнеженностью злобность и обостренная нервозность.

Об охоте вспомнили. Стали применять кельтский способ охоты на зайцев, посещая со слюгги Испанию, где в определен-

ные периоды разрешена охота на зайцев с борзыми и где существуют «каррерас эн кампо» — состязания борзых по вольному зверю. Но краткие поездки и на эти состязания в полях, и на бега на кинодромах не могут удовлетворить собаку, в которой веками арабы-кочевники вырабатывали огромную силу в скачке, безмерную неутомимость. А в это же время в Африке слюгги, живущие у кочевников или у недалеких потомков кочевых арабских племен, работают, как работали многие века, и ловят зверя, как прежде.

Слюгги — собака довольно рослая (рост кобелей до 70 см, сук до 65). Голова не тяжелая, но крупнее и шире, чем у грейхаунда. Уши небольшие, треугольником, висячие. Живот подтянут не слишком резко. Хвост тонкий, без подвеса. Шерсть короткая, тонкая, мягкая. Окрас песочный или рыжеватый с мазуриной на морде.

Грейхаунд. Это собака, которую русские помещики приобретали под названием «английская борзая» ради ее исключительной резвости. Помесь с русской псовой называли «хортая», и это было правильно, так как эта помесь в первой генерации оказалась совершенно сходной с той хортой борзой, которая не была редкостью на юго-западе России. Доставали ее охотники юго-запада (Украины, Молдавии) из Польши под названием «польский харт». Очень возможно, что этот «харт» имел то же происхождение, что и хортяки на псарнях русских помещиков. А собственно было ли в нем что-нибудь польское? Как и откуда взялся грейхаунд с его непревзойденной резвостью?

Французский специалист по борзым К. Пржедзецкий в книге «Борзые» („Les lévriers“) пишет, что определить место образования породы грейхаунд достаточно просто — это британские страны. Слюгги, созданная для южных степей, по-видимому, в Британии оказалась не на высоте; здесь путем длительной многовековой селекционной работы слюгги как бы превратилась в грейхаунда, вполне приспособленного к жизни и работе в условиях британских островов. Селекция совершалась и сама по себе, т. е. в чистой породе, и осторожным введением крови других пород, до бульдога. О многих примесях говорит, между прочим, и разнообразие окрасов грейхаунда. И что особенно значительно — британцы сумели вывести породу, превосходящую резвостью своих предков, или, можно сказать, исходный материал — слюгги, вывели такую породу, которая быстротой скачки превзошла не только этих предков, но и все существующие на земле породы борзых.

Правда, в отношении злобы к зверю грейхаунд оказался слаб и для охоты на волка непригоден, но ведь на британских островах уже давно волка нет, и не на ком было англичанам выработать у своей борзой злобу, подобную той, которая прославила русскую псовую борзую. Так как волк почти везде в странах Западной Европы исчез и стал, так сказать, чем-то нереальным, то недостаток у грейхаунда злобы не помешал

возвеличиванию этой породы. Грейхаунд на западе Европы стал идеалом борзой, и это нетрудно видеть хотя бы по тем ссылкам на него, которые встречаются в стандартах, принятых Международной кинологической федерацией для других пород борзых, в постоянных примерках, сравнениях с грейхаундом других пород.

Грейхаунд стал собакой кинодрома неизбежно, так как охота с ним невозможна ни в Британии, ни во Франции, где охота с борзой запрещена. Став собакой бегов, грейхаунд не имеет себе равных.

В 1947 г. в Лондоне на кинодроме с дистанцией 640 м грейхаунд Данте II показал резвость 16,12 м/с, т. е. 58 км/ч. На том же кинодроме этот сенсационный рекорд был побит трижды разными грейхаундами: 16,14 м/с в 1961 г., 16,18 м/с в 1967 г. и 16,13 м/с в 1969 г. В 1952 г. в Лондоне на ипподроме Вит-Сити с дистанцией 480 м Эндисс Госсип реализовал 16,83 м/с, или 60,588 км/ч.

Грейхаунд остается непревзойденным на дистанциях от 400 до 600 м. Всякая другая борзая, которую захотели бы заставить соперничать с ним, должна пройти эволюцию, равную его (грейхаунда.— *В. К.*) эволюции, более или менее превратиться в грейхаунда. Пример испанского гальго это доказывает.

Внешность грейхаунда очень характерна: сложение сухое, но очень сильное. Рост кобелей 71—76 см, сук 68,5—71 см. Голова длинная, умеренной ширины и со слабым переломом, уши маленькие, в форме розы, тонкие. Грудная клетка очень глубокая и объемистая. Хвост длинный, низко посаженный, довольно широкий у корня; несет его собака низко опущенным. Шерсть короткая и тонкая. Окрас серый, серо-голубоватый, неярко-рыжий, тигровый и другие. Пропорциональность сложения, стройность, богато развитая мускулатура — все с первого взгляда заставляет признать совершенство форм и способность этого животного к необычайно быстрой скачке.

Виппет. Есть мнение, что этой молодой породе всего 100 лет. Появившись в начале XIX в., виппет получил предназначение быть демократом (как выразился К. Пржедзецкий).

Как-то, в то время, когда еще происходили состязания по живому зайцу, виппет был подмечен шахтерами Севера Англии, которые пожелали, чтобы эта маленькая, легкая, живая, быстрая борзая участвовала в состязаниях по ловле кроликов на огороженной площадке, когда-то организованных для терьеров, где выигрывал тот, кто поймал больше кроликов.

Считают, что виппет происходит от грейхаунда и бедлингтон-терьера. Но хотя виппет напоминает грейхаунда, он не является его маленькой копией. Корпус виппета относительно короче, чем у грейхаунда, голова длиннее и шире. Во всех частях своего сложения виппет более собранный, компактный. Большинство авторов считают, что в действительности виппет — порода чистая и древняя, и происходит она не от грейхаунда.

В последнее пятидесятилетие французские общества скачек борзых функционируют за счет денежных пари (тотализатор), и здесь популярность виппета растет. На коротких дистанциях виппет дает скорость на уровне грейхаунда, да и на средних дистанциях он способен конкурировать с грейхаундом.

В Швейцарии в 1972 г. на дистанции 450 м виппет развил скорость почти 57 км/ч. Есть сведения о его еще большей резвости на сокращенных дистанциях.

Виппет — борзая очень маленькая: рост кобеля 47 см, суки — 44 см. Голова длинная и сухая, широкая между глазами. Уши маленькие, тонкие, розовые. Хвост длинный, очень подвижный, держится не выше линии спины. Шерсть короткая, тонкая, гладкая. Окрас — любой.

Вольфхаунд ирландский. Это крупная собака. Кобели достигают 79 см. Родина вольфхаунда — атлантические прибрежные земли Ирландии и Шотландии.

Первые сведения о вольфхаунде относятся к IV веку. По свидетельству консула Симмахуса, эту собаку использовали на арене римского цирка. История сохранила также письмо патриция Флавиниуса, который благодарил своего брата консула Квинта Аврелия за присылку в Рим семи ирландских вольфхаундов. В кельтских устных преданиях IV столетия о временах короля Кормака также есть упоминание о вольфхаунде. В «Истории Ирландии», написанной иезуитом Эдмундом Кампионом в 1571 г., можно прочесть: «Ирландцы не пропустят ни волка, ни собак, с которыми можно на него охотиться, тех самых, что крупней жеребенка. Облик ирландского вольфхаунда подобен общему виду грейхаунда; он более объемист, чем мастиф[1] . . .»

О существовании вольфхаунда в предшествующее IV в. время были споры; нам не хватает данных относительно обстоятельств, окружавших зарождение этой породы. Мы только знаем, что галлы, как и другие племена, задолго до римского завоевания использовали слюгги и, без сомнения, располагали борзыми большого роста.

Ирландцы хотели получить собаку исключительную, которая может сразиться с волком и способна к охоте на лося, этого огромного оленя до 2 м высотой. Вольфхаунд по своему назначению должен был в Ирландии или других странах работать на охоте по другим крупным зверям, например по медведю. Лось давно исчез в Ирландии, а вольфхаунд продолжал деятельность до 1780 г., когда он завалил последнего волка в стране. И он стал праздным, бесполезным, сделался редкостью и мог окончательно исчезнуть, превратиться в древнюю легенду страны пиктов. В эти трудные для вольфхаунда времена граф Грамон писал о нем: «Ирландская борзая, если она

---

[1] Мастиф — некогда существовавшая порода огромных собак для охоты на крупного зверя.

когда-нибудь и существовала, не существует больше в данный момент. Эта проблематичная собака может вызвать у французской публики разве что самый малый интерес». Однако благодаря офицеру британской армии Грэхаму в 1962 г. вольфхаунд был спасен и существует ныне как великолепная порода.

Самый крупный экземпляр породы в настоящее время имеет высоту в холке 96 см. Шерсть вольфхаунда грубая и жесткая, одноцветная, от серой до чисто белой, включая цвета черный, коричневый, красный, оленевый. Голова длинная с бороздой между глазами, уши маленькие, как у грейхаунда. Морда длинная, заостренная, живот без резкого подрыва. Хвост длинный, изогнутый. Шерсть не очень короткая. Генеалогия дает вольфхаунду в предки грейхаунда и ирландского терьера. Но с другой стороны, во времена зарождения вольфхаунда грейхаунд еще не существовал.

Дирхаунд» [1]. Создало дирхаунда древнее шотландское племя пиктов. Очевидно, взяв у своих родственников-кельтов вольфхаунда, они облегчили его, чтобы приспособить для привычной охоты, а именно для охоты на лань, самого небольшого из оленей. Эта гипотеза весьма приемлема, но никакими документами не подтверждена.

В настоящее время следует ограничиться констатацией, что дирхаунд существовал в XV в. В самом деле, в ту эпоху из-за дирхаунда произошла ссора между пиктами и шотландцами и даже много людей погибло в этих стычках. Этот старинный исторический факт вспомнила мисс Нора Хартлей, секретарь клуба любителей дирхаунда. Такое событие доказывает, что если в XV в. дирхаунд мог стать причиной инцидента, значит, он уже существовал. Мисс Хартлей также рассказала, что в XV в. граф д'Аполь организовал охоту на ланей в честь Марии Стюарт, королевы Шотландии, и на этой охоте королева заявила, что нет лучше борзых, чтобы гнать лань, чем эти (т. е. дирхаунды). Это произошло в 1563 г., а вскоре, в 1575 г., дирхаунд был официально признан доктором Иоганом Кайусом, который тогда перевел на латинский язык трактат об английских собаках, упомянув и дирхаунда. Эта охота была в фаворе у владетельных особ вплоть до XVIII в., когда дробление имений сократило места обитания ланей. Тогда дирхаунд стал редкостью. Известное количество дирхаундов пересекло Атлантику, и в Америке они нашли применение на охоте на койотов и на другую некрупную дичь.

В Шотландии любители объединились для сохранения этой породы и из-за отсутствия ланей открыли скачки на зайцев на трудных территориях, где работа собак оценивалась детально. Все их качества — быстрота, сила, выносливость, ловкость и смелость — создали дирхаунду славу, найдя ему дело, как бы новую профессию.

---

[1] Название этой породы в английском произношении «дирхауд».

Из современной Англии, где регистрируется в год сотня родившихся дирхаундов, всегда направляют эту борзую в Америку, Швецию, Голландию. Живет дирхаунд и в Канаде, и в Германии, и в Норвегии.

Более стройный, чем вольфхаунд, кобель в общем не превышает 80 см в холке при минимуме по стандарту 75 см. Голова клином, широкая между ушами, узкая к носу. Уши посажены на уровне глаз, заложены назад, как у грейхаунда. Шерсть жесткая и грубая, длиной до 8—10 см. Окрас собаки только одноцветный — серо-голубой, бывает светлее и темнее, допустимы другие окрасы, за исключением белого.

Гальго. Это испанская борзая. Испания была первой страной Западной Европы, где развилась охота с борзыми. Географическое положение давало этой стране постоянные возможности общения с приморскими народами Среднего Востока, поэтому она сравнительно легко получала борзых различного происхождения. Еще задолго до того, как кельт смог привести борзую собаку в Галлию и Британию, в Испании создалась своя порода — гальго.

Это слово кельтского происхождения, и появилось оно в ту эпоху, когда кельты в V и IV вв. до н. э. занимали всю западную часть Пиренейского полуострова. Здесь и названия многих мест указывают на влияние кельтов или они просто наследство этого народа. Вполне закономерно здесь распространение кельтских борзых, которые, однако, не смогли сохраниться в Испании в нетронутом виде, так как из Галлии попадали сюда борзые породы слюгги, привозились и породы африканского происхождения (египетского). В связи с этими различными влияниями облик гальго менялся: то, например, хвост закручивался, как у египетского тезема, то стал длинным, цилиндрическим и изгибался лишь в своей конечной части. Влияние различных пород вело к разнотипности гальго. Захват страны маврами в VIII в. привел к появлению здесь большого количества борзых слюгги. Смешение с ними местных борзых обусловило формирование нового типа гальго, который и держался здесь до конца XIX в. В начале XX в. испанцы стали усиленно примешивать к своим борзым кровь английской борзой грейхаунда, что изменило экстерьер в сторону сходства с грейхаундом и, конечно, повысило резвость испанских борзых. Современный стандарт гальго — это, по существу, стандарт англо-испанской помеси, что не мешает испанцам называть ее по-прежнему гальго.

Общение испанцев с английскими любителями «борзого спорта» привело не только к использованию английского грейхаунда в ведении породы гальго, но способствовало появлению в Испании нового вида скачек — на кинодроме — и популяризации их нового метода — по электрическому зайцу, который как публичное зрелище удобнее, чем «каррерас эн кампо». Наряду со спортивным значением скачек они оказались полезными и в племенном деле, помогая отбору резвейших и вообще способ-

нейших производителей. Удобными оказались кинодромы и для тренировок гальго.

Федерация гальго ведет родословную книгу. За десятилетие с 1961 по 1970 г. в нее записано 8193 собаки, в 1971 г. — 1028 собак, в 1972 г.— 1479 и в 1973 г.— 1435. Эти цифры показывают, насколько сильна и многочисленна порода гальго и как популярны в Испании борзая, охота с ней и скаковой спорт. Несомненно, Испания имеет право считаться одной из первых стран Европы по борзым.

Нельзя не признать полную целесообразность внесения в породу гальго большой дозы крови грейхаунда. Ведь в Испании для борзой резвость — поистине все. А каковы успехи гальго в этом отношении, показывают цифры наивысших достижений грейхаунда и гальго. Грейхаунд Эндисс Госсип на дерби в 1952 г. показал резвость до 60,588 км/ч, гальго Дестино в 1949 г, на чемпионате в Испании 58,896 км/ч. Разница между рекордами не настолько большая, чтобы гальго не одолел ее со временем.

Основные черты современного гальго: рост сравнительно некрупный (кобели в среднем до 65 см, суки до 60 см). Голова сухая, удлиненная, узкая между ушами. Уши острые, тонкие, полувисячие, поставлены высоко и оттянуты назад. Хвост длинный, тонкий, изогнутый. Шерсть короткая и тонкая (есть жесткошерстная разновидность). Окрас коричневый, русый (шатен), красный, черный, рыжий, белый.

Мадьяр-агар, или венгерская борзая. Эта борзая до 1971 г. не была известна Международной кинологической федерации, так как она — явление новое. Где-то в рамках истории слюгги следует искать происхождение и этой венгерской породы. Когда-то, в эпоху недостоверно предполагаемую, народности урало-алтайцев покинули долину Оби и ушли на юг. Освоив степную жизнь, они объединились с тюркскими племенами и составили народ, который история знает как венгров, или мадьяров. В IV в. эти племена жили пастушеской жизнью на восточном побережье Каспийского моря, проводя большую часть времени на лошади, все время ища новые пастбища для своих стад, охотясь с борзыми, которые на их языке назывались «агар». Это слово интересно, так как оно является оппозиционным по отношению к беспородным собакам, которые по-русски обзываются «шавками» или «кутьками».

В результате своих миграций венгры в конце IX в. расселились в долинах Дуная. Здесь эти кочевники приняли римское христианство и основали венгерское королевство. Разумеется, агары азиатских степей сопровождали венгров в их передвижениях. Надо полагать, что на этих путях-дорогах венгры добавляли к агарам кровь других ловчих собак, в том числе и кельтских борзых, о которых во времена Римской империи восторженно написал Арриан. Эти собаки, живя вместе с агарами и будучи сами, если не слюгги и та́зами, то родственниками их,

не смогли изменить тип агара, полученный от предков. Вероятно, влияния не было потому, что эти как бы приставшие собаки утратили свою породность. Совсем иное действие оказал чистопородный грейхаунд, когда венгры, организовав скачки борзых для всех пород, увидели несовершенство своего агара. Примесь английской крови, не вызывая глубокого видоизменения традиционной борзой, повлияла на общий вид агара, хотя и тут агар остался очень близким слюгги. По изображениям мадьяр-агара и литературным источникам до XIX в. можно судить о чертах несходства этой борзой с грейхаундом, но теперь положение изменилось в сторону подобия агара грейхаунду. В последние годы была упорядочена племенная работа, и для начала 340 агаров были записаны в племенную книгу (1972 г.). По условиям жизни страны с агарами почти не охотятся, но периодически устраивают скачки по искусственному зайцу.

В основном экстерьер борзой мадьяр-агара определяется так: рост кобелей 65—70 см, сук — пропорционально меньше; голова в форме треугольника как при взгляде сверху, так и сбоку, череп широкий; уши средней величины, не тонкие, поставлены высоко, могут быть полувисячими. Стоячие уши — признак непородности. Телосложение сильное, живот заметно подобран. Хвост не очень тонкий, на конце загнут. Шерсть грубоватая, короткая, гладкая, зимой очень густая. Окрас любой: сплошной, пегий, мраморный.

Салюки, или персидская борзая. Известная на западе много веков и неоднократно забывавшаяся, эта борзая, несмотря на свое название, по существу, не персидская и не арабская. Есть несколько очагов распространения этой борзой на Ближнем и Среднем Востоке, но ее прародина и место традиционного обитания — это обширные степи Центральной Азии, где она обычно называется иранским словом «тазы» и к этому названию обычно добавляется название народа, среди которого она живет.

Из этих сведений напрашивается вывод, что тазы и салюки по существу одна порода, очевидно, состоящая из нескольких разновидностей в зависимости от той или иной страны, где «тазы-салюки» разводятся, и, быть может, салюки в некоторых местах по экстерьеру приближаются к слюгги. С этой породой у салюки много точек соприкосновения в ходе истории. Родственность между салюки и слюгги не относится к африканскому периоду жизни последней, так как салюки в Африке не было. Салюки и слюги вместе прошли с кельтами по их огромной территории: также вместе салюки и слюгги завозились в Европу во время крестовых походов на кораблях крестоносцев.

Разница между салюки и слюгги заключается в значительном развитии шерстного покрова у первой. Салюки имеют шерсть на большей части тела не очень короткую и не гладкую. На ушах у салюки — уборная, шелковистая псовина, которая

по-русски называется «бурки». Уборная псовина есть на задних сторонах ног и у некоторых собак на плечах. На хвосте убор настолько богат, что придает хвосту вид султана или плюмажа. Современных салюки отделяют от слюгги и разнообразие окрасов.

Селекция в течение столетия, делавшая борзую салюки на Западе более изящной и утонченной (даже череп стал уже), естественно, привела к утрате рабочих качеств, потере активности, ослаблению конституции и даже уменьшению размеров собаки. Но, по мнению зарубежных любителей этой породы, салюки — прежде всего собака охотничья. Они считают необходимым поддерживать у салюки охотничью страсть, силу и прочие качества охотника. Английские заводчики салюки сумели организовать тренировки и соревнования собак этой породы, которые позволяют оценивать их рабочие качества.

Поэтому стандарт, составленный англичанами, включает в себя требования резвости, выносливости, силы и активности. В этом направлении и другие западно-европейские любители салюки согласны с английским стандартом. Они возражают по иной линии — считают неправильным допускаемое стандартом разнообразие окрасов, что якобы неправомерно отдаляет салюки от слюгги.

На кинодромах салюки показывают немалую резвость. В 1971 г. в Швеции зарегистрирована скорость скачки салюки 51 км/ч, в 1972 г. в Швейцарии даже 52 км/ч. Но ценна в породе салюки не вспышка резвости на малом расстоянии, а способность не терять скорости на дистанции вчетверо большей, чем дорожка кинодрома. Во Франции есть лишь немного более ста салюки, но породе не грозит исчезновение, так как значительные группы этих борзых имеют Англия и другие страны.

Экстерьер салюки довольно близок к стандарту тазы: такой же рост — 60—65 см, такие же уши, висячие и в бурках; хвост некороткий с подвесом уборной псовины и загнутый на конце; окрас белый, бежевый, серый с подпалинами, трехколерный — черный с подпалинами.

Афганская борзая (стандарт английский). В Западной Европе эта порода появилась лет сто тому назад. Некоторые исследователи утверждают, что она очень древняя и существует, возможно, несколько тысячелетий, и это, безусловно, так.

Клиффорд Л. В. Хаббард в книге об афганской борзой пишет о наскальных рисунках, обнаруженных на севере Афганистана, относящихся к 2200-м годам до н. э., с изображениями борзой афганского типа. К. Пржедзецкий (1975 г.), ссылаясь на сэра Ричарда Глэна, приводит дату первого появления афганки в Англии — 1894 г. В 1907 г. на выставке Кеннел-клуба афганская борзая по кличке Зардин имела большой успех и была куплена королевой Александрой. Вскоре Кеннел-клуб создал стандарт и завел родословную книгу для этой породы. В дальнейшем афганская борзая прославилась, стала особенно

интересовать любителей с 20-х годов текущего века и все более распространялась. Создалась мода на эту породу, которой особенно содействовало то, что над ней, по мнению западных любителей, как бы витает восточная романтика. Эта романтика поддерживается еще более романтически вычурными легендами, например о том, что афганская борзая была в Ноевом Ковчеге. Подобная легенда пошла от пастухов Гиндукуша и дошла до нас через каких-то людей, знающих древние еврейские сказания.

Популярность афганки, по мнению К. Пржедзецкого, не нуждается ни в какой романтике и легендах, так как необычность ее наряда, величественность походки располагают к ней любителей экзотики и оригинальности, старающихся следовать моде.

Псовина (шерсть) европейских собак, конечно, отличается от той, которую афганка имела на родине. Она получила ее в Европе благодаря соответствующей селекции. Шерсть эта очень длинная, шелковистая, мягкая. Л. В. Хаббард говорит, что «равнинные афганские борзые имеют более бедную шерсть, чем горные, а у тех она почти такая, как у европейских». К. Пржедзецкий пишет, что это «почти» очень далеко от истины, так как и у горных афганок шерсть не скрывает их сложения подобно европейским.

Х. и Д. Ватерс (см. книгу К. Пржедзецкого «Борзые») считают, что афганская борзая появилась не очень давно. Описывая историю Афганистана, начиная с III тысячелетия до нашей эры, в эпоху, когда Афганистан заселялся выходцами из Персии, эти авторы нигде не находят изображений или других следов породы афганских борзых, несмотря на то, что изображения иных борзых (салюки) имеются. Основываясь на работах археологов, авторы считают, что афганская борзая могла произойти от салюки, которую приспособили к высокогорным условиям.

Многие афганцы происходят от кочевых народов, соприкасавшихся с Бактрианой, в сердце которой по воле Александра Македонского возник город Самарканд. Киргизские племена были также близки к Бактриане. Киргизцы уже в течение тысячелетий охотились с борзыми в горных условиях и возникает вопрос, нет ли какой-то общности между тайганом и афганской борзой? Обе породы по ряду признаков отличаются от классических форм борзой. Фигура их более собранная, укороченная во многих линиях: шеи, корпуса, спины, таза, плеча и предплечья, но бедро удлинено.

В книге «Афганская собака» Констанция О. Миллер и Эдвард М. Гильберт рассматривают историю происхождения афганской борзой, но не делают обоснованных выводов. Бакхмуль — так называют афганцы свою горную борзую, должно быть, выходец из холодных степей Монголии. Не является ли бакхмуль первичной формой борзой, из которой путем совер-

шенствования получены тазы и салюки, или бакхмуль — таза, приспособленная к горным условиям?

В Афганистане есть еще короткошерстная борзая лучак и борзая калах с шерстью подлинней, как бы соответствуя паре слюгги — салюки.

В книге К. Пржедзецкого «Борзые» (1975 г.) приводятся некоторые любопытные данные, относящиеся к вопросу о происхождении афганской борзой. В частности, в Тянь-Шане на высоте 3000 м находят около миллиона наскальных рисунков. На Памире на высоте 4200 м в пещере были найдены рисунки со сценами охоты. Быть может, изучение всех этих рисунков подскажет решение проблемы происхождения борзой.

Клиффорд Л. В. Хаббард говорит, что в своей стране афганская борзая применяется как вьючное животное в охоте на оленя, газель, волка, лисицу, снежного барса. На Западе все эти деловые качества афганской борзой исчезают, и на первый план выдвигается ее роскошный шерстный покров. Впрочем, любители афганской борзой дают ей возможность работать на кинодроме. На средней дистанции афганка показывает скорость 45—49 км/ч. Такая резвость будто бы достаточна для ловли горных животных.

В Америке устраивают скачки и соревнования по прыжкам афганских борзых и этим оправдывают ее спортивное значение. Во Франции в 1975 г. насчитывалось 1700 афганских борзых, отчасти как собак кинодрома, а то и как комнатно-декоративных собак.

Основные черты экстерьера: голова узкая, длинная, с выраженным затылочным бугром, морда длинная, перелом легкий, на черепе хохол из длинной шерсти; уши висячие, одетые очень длинной шерстью, на боках, ногах, шее шерсть длинная, шелковистая, но на спине короткая; хвост небольшой, с кольцом на конце из сросшихся позвонков, очень слабо одетый. Рост кобелей 68,5—75 см, сук — на 3 см меньше. Окрас светло-коричневый, серый и черный — оба с подпалинами; встречаются и другие окрасы. Все окрасы преимущественно сплошные.

Маленькая итальянская борзая. Этой породе приписывают высоких предков — слюгги и английского жесткошерстного терьера. Так как терьер и слюгги могли встретиться лишь в предыстории, то туманом тех отдаленнейших эпох как бы завуалирован этот союз, остающийся гипотетичным.

К. Пржедзецкий в книге «Борзые» (1975 г.) ссылается на известного любителя и исследователя борзых Пьера Дюреля, на его авторитетное мнение по вопросам борзых древности. Пьер Дюрель, по сообщению К. Пржедзецкого, считал маленькую итальянскую борзую естественной породой, как бы породой слюгги, уменьшенной при помощи селекции, процесс которой неизвестен. Корневен, профессор ветеринарной школы в Лионе, изучающий метизацию разных пород борзых, не приводит никаких данных о скрещивании маленькой итальянской бор-

зой. Во всяком случае на заре истории маленькая итальянская борзая предстает в прекрасной (совершенной) форме чистой борзой легкого образца, не имеющей какой-либо черты, указывающей на скрещивание или на карликовость.

На рисунках, дошедших до нас из Древнего Египта, встречаются изображения борзой, подобной современной маленькой итальянской. Скелет борзой этой породы найден в гробнице королевы, которая унаследовала трон первого фараона. Правление ее можно отнести к 3200 году до н. э. или, возможно, даже к более раннему времени. В другой гробнице фараона была найдена мумия маленькой борзой с папирусом, где указаны ее имя, возраст и сведения о породе. Позже борзые этой маленькой породы попали в Грецию, а затем и в Римскую империю. Отсюда ее приняли на Иберийском полуострове, и с испанского королевского двора эта маленькая собачка распространилась по всем странам Европы, имея особый успех у монархов и их окружения. Наконец, в послепетровскую эпоху она стала придворной собакой русских владетельных особ под названием «левретка».

В конце XIX в. с развитием кинологии для маленькой итальянской борзой также был написан стандарт. Причем, чтобы отличить ее от английской маленькой борзой виппет, рост левретки был сильно и совершенно искусственно ограничен. Это ограничение не позволило собаке развиваться так, как назначила ей природа. Больше полувека понадобилось кинологам и любителям, чтобы установить ее истинные качества.

С 1968 г. наконец-то маленькая итальянская борзая получила возможность стать тем, чем она была во времена фараонов. Эта борзая, маленькие размеры которой (рост 38 см, масса до 5 кг) позволяют ей жить вместе с хозяевами, успешно развивает свои духовные способности и физические качества. Она используется в охоте на куропаток, которых разыскивает при помощи чутья, а также участвует в скачках на кинодромах, где ее скорость приближается к скорости виппета (на коротких дистанциях).

Основные черты экстерьера: очень длинная голова (40 % роста); линии черепа и морды параллельны, но перелом незначителен; морда заостренная; уши поставлены высоко, маленькие, слегка опушенные, сложенные пополам, лежат на затылке с приоткрытой ушной раковиной; рост 32—38 см, максимальный вес 5 кг.

Русская псовая борзая. Зарубежный стандарт этой породы, называемой на Западе «Barsoi», в точности совпадает с принятым в СССР. Русская псовая борзая за рубежом распространена очень широко: в большинстве западно-европейских стран, в Австралии, Азии (Китае). В Северной Америке (США и Канаде) русская псовая борзая очень популярна. По числу собак этой породы названные страны — самые богатые в мире. На их территории создано много частных питомников,

занимающихся разведением псовой борзой. Но если число русских псовых борзых в США очень велико, то качество их экстерьера и породность далеко не всегда на высоте.

Важную роль в разведении псовых борзых в США сыграл Б. Томас. Его не удовлетворили борзые, первоначально завозимые в Америку, и он предпринял большое путешествие по Европе и России в конце XIX в. и, наконец, нашел в Першинской охоте Великого князя Николая Николаевича то, что посчитал идеалом породы. Он купил там много борзых, и в том числе Быстрого (серо-пегого), будущего чемпиона, который стал родоначальником почти всех борзых Соединенных Штатов.

Селекция, которую вел на своей ферме (питомнике) Б. Томас, отличалась целесообразностью и велась с глубоким знанием дела. И борзые с «О'Валлей Фермы» Томаса стали знаменитыми на двух континентах.

В начале XX в. много борзых дал США действовавший с большим успехом завод полковника С. С. Ханкса. С 1931 г. также с большим успехом стала вести породу Е. Вортхинг. Она дала любителям немало прославившихся русских псовых борзых.

Швейцарская любительница и заводчица псовых Урсула В. Трюб[1], осмотрев в США русских псовых борзых на больших выставках, сделала вывод о распространенности в породе недостаточной выраженности угла скакательного сустава, порока, имеющего в СССР название «прямозадость».

Указывая на этот дефект (нередко просто порок), Урсула В. Трюб справедливо видит в нем причину не только нарушения характерных очертаний собаки, предназначенной для скачки, но и уменьшение ее быстроты и выносливости. Обычен у псовых борзых США и такой порок: псовина в мелком завитке. Еще худшее обстоятельство Урсула В. Трюб видит в том, что в последнее время мода на эту великолепную собаку создала в Америке настоящий «демографический взрыв», и это вызвало, как неизбежное следствие, значительное снижение ее рабочих качеств. Слишком некомпетентные люди, большею частью не потрудившиеся приобрести хотя бы минимальные знания по собаководству, «валят шутку на шутку» в условиях, совершенно не отвечающих делу. И это доходит до извращения типа псовой борзой и такого накопления множества пороков, что задаешься вопросом, не карикатура ли эти собаки на их предков?

Тем не менее русская псовая борзая Америки, как следует выведенная, сохраняет благородство и красоту породы. И нужно приветствовать усилия некоторых заводчиков, которые всеми мерами стараются хранить ее достоинства и добро-

---

[1] Урсула В. Трюб принадлежит к опытнейшим и эрудированным западноевропейским заводчикам русской псовой борзой.

совестно исправляют дефекты в процессе правильно организованной селекционной работы в своих питомниках.

В США (а также в Канаде), кроме охоты, борзые служат спорту: здесь популярны, подобно Западной Европе, скачки борзых. Они являются подспорьем для выставок, задача которых заключается в том, чтобы поддержать экстерьер на должной высоте и устранить пороки, в том числе и прямозадость, в немалой мере влияющие на рабочие качества борзой. Существенно и то, что в Америке в целом ряде штатов издаются специальные журналы, посвященные борзой собаке.

Есть и другие породы борзых, например, применяемые в странах далекого Юго-Востока Азии (Кампучия, Вьетнам, Лаос), но на них нет стандарта.

Достаточно редкая порода — африканский туарег — известна в Западной Европе, но стандарта, утвержденного Международной кинологической федерацией, на нее нет. Поэтому, называя эту породу, можно только сказать, что эта борзая крупного роста и по типу близка слюгги. Проект стандарта, созданный в Западной Европе, см. в приложении 2.

Более достоверные сведения имеются об индийской борзой рампур в книге К. Пржедзецкого «Борзые» (Париж, 1975). Вот что пишет о ней автор:

«Рампур — собака большого роста, похожая на слюгги. Получил он свое имя от столицы штата Уттар-Прадеш в верхней части бассейна Ганга. Его нередко рассматривают на Западе как тип индийской борзой. На деле он представляет одну из пород борзых, либо коренных, либо подобных более или менее древней собаке, когда-то существовавшей в Индии.

Документация не устанавливает характерные особенности индийских пород, дает только их бесполезное перечисление. Следует указать, что породы эти близки тазе или слюгги, особенно в Верхней Индии или у пастухов Мадья Прадеш. Есть еще в Индии породы, создававшиеся на базе парии, возможно, с каким-то процентом крови тазы или слюгги, которые встречаются в пустыне Тар, на левом берегу Инда. Наконец, есть группы, которые можно рассматривать как эволюционировавших парий. Поскольку рампур единственная порода, ныне хорошо известная, и ее генеалогия связана со слюгги, она могла бы проделать необычайное путешествие, подобно афганской борзой, и оказаться в Англии. В нашу эпоху рампур уже побывал в трудном положении на родине, едва избежав исчезновения. Некоторые линии его получили кровь разных английских борзых, что изменило по меньшей мере их окраску. Рампур одет светлой шерстью, такой короткой, словно он только что подстрижен, и различных оттенков, между тем как его глаза мрачны, как у хищной птицы. Эта борзая имеет уши очень плоские, сохраняя в то же время высокий рост (76 см), чтобы исполнять свое назначение охотника на сильных хищников, оленей и кабанов».

Таким образом, из двенадцати пород борзых, для которых имеются стандарты, принятые Международной кинологической федерацией, четыре породы созданы в Англии (грейхаунд, вольфхаунд, дирхаунд и виппет), одна в России (русская псовая), одна в Испании (гальго), одна в Венгрии (мадьяр-агар), две породы африканского происхождения (фараон и слюгги), две азиатского (салюки и афганская) и одна из Италии (маленькая итальянская).

Борзые Африки. Независимо от пород, признанных Международной кинологической федерацией, существуют и другие борзые, не принятые на Западе. Некоторые из них более или менее соответствуют понятию «борзая». Они упомянуты в сообщении о борзых Египта. Здесь нужно завершить перечень борзых, которых знают в Европе, чтобы список не остался неполным.

О борзой Кордофана. В XIX столетии в Германии, в Рентендорте (Тюрингия) жили два известных натуралиста: Карл-Луи Брем, орнитолог, автор «Чудес природы», и его сын Альфред-Эдмонд, большой путешественник, автор «Иллюстрированной жизни животных». В 1848 г. отцу был 61 год, сыну 19. Неизвестно, кто из них ездил в Египет, возможно, что и оба. Во всяком случае сын написал книгу о борзых, существовавших в ту эпоху в Верхнем Египте, точнее в Кордофане, на этом огромном плоскогорье, простирающемся на восток от Нила и пригодном для скотоводства. Брем в Кордофане, в селении Мельберс, прожил не одну неделю и имел хорошие возможности наблюдать борзых этого региона. Он дал прекрасный, яркий рассказ о «деятельности» этих животных, защищающих селения от набегов хищных зверей и на охоте прекрасных поставщиков мяса крупных животных (антилоп, оленей и т. п.). Брем писал: «... На севере (Африки.— *В. К.*) борзые очень разные по сложению и одежде, но в Судане они все, кажется, принадлежит к одной породе, которая представляет собой борзую степей. Это животное благородной породности с мягким характером; ее шерсть мягкая, шелковистая, светло-желтая, но часто окрасы темного цвета приближаются к козьему. Отметим: на древних египетских монументах эта порода представлена с другими окрасами (главным образом борзая пятнистая). По этим памятникам можно заключить, что это замечательное животное было выведено в глубочайшей древности. Я наблюдал его в Кордофане ... Все степные племена, как оседлые, так и кочевники, уважают борзую по-особому ... Некоторые обычаи, ставшие своего рода законами, определяют ценность, которая присваивается этой собаке. Вот пример: в Йемене традиция заставляет того, кто убил борзую, отдать как искупление такое количество пшеницы, которого достаточно, чтобы покрыть собаку, подвешенную на конце пики таким образом, чтобы конец морды касался земли...»

В конце XIX в. в книге «Собака и ее породы» Пьер Мегнен

начинает главу о борзых несколькими соображениями о происхождении этих животных, а затем очерком о борзой Судана, которую он считает представителем древнейшей породы, наиболее близкой к началу настоящей борзой. Пьер Мегнен пишет: «Крупная борзая Древнего Египта существует в Кордофане, где ее наблюдал Брем. Он ее не описал, но сказал, что это та самая борзая, которая представлена на памятниках Древнего Египта то в сплошном окрасе, то в пегом; он описывает, между прочим, один из четырех фараонских храмов в Нубии, где его навестил принц по имени Орсосат, губернатор этой провинции, предложивший королю Аменофису II подарки, среди которых находились борзые совсем такие же, как эти из Кордофана».

Далее Пьер Мегнен пишет о шкуре собаки этой породы, которую ему прислал маркиз Д'Ансерето де Бурдело, владелец, очевидно, характерного представителя породы, которого получил из Занзибара в 1885 г. и который у него погиб как-то случайно. Пьер Мегнен сделал промеры шкуры и зарисовал ее; и это, по его словам, заменяет описание, не сделанное Бремом.

Пьер Мегнен точно описывает эту занзибарскую собаку, иллюстрируя описание составленным им портретом. Остается неизвестным, к какой породе относится этот экземпляр борзой особого типа с мягкой полудлинной шерстью, пестрой как сорока, с ушами твердыми, лежащими на продолжении черепа, и с пушистым хвостом.

Так несколько строк Брема и шкура собаки из Занзибара, что в 2500 км от Кордофана, позволили через 80 лет после исчезновения этой борзой из Судана или Кордофана признать ее породность.

Борзая шиллуки. В записных книжках путешественников, посещавших страны в верховьях Нила, есть интересные заметки об осмотренных местах. Однако эти очерки недостаточны для точного представления о борзых данного района, хотя и дают некоторое понятие о них. Описанные Бремом борзые арабов «Шукуриен» на правом берегу Нила, у слияния Атбары и Нила, борзые арабов «Хассание» на левом берегу Нила и некоторые другие составляют с борзыми шиллуки одну группу.

Возможно, что шиллуки являются как бы ядром хамитской группы местных борзых. Можно констатировать лишь, что шиллуки — порода, выведенная хамитскими племенами, и что хозяева этих собак принадлежат к разряду людей, неспособных установить, идут ли их борзые, скажем, именно от тезема.

В XIX столетии шиллуки занимали территорию от южного края Кордофана до Белого Нила и Бар-Эль-Газали (как раз в зоне распространения шиллуки завершилась одиссея капитана Маршанда, который в 1898 г. водрузил французское знамя в Фашоде). Действительно, шиллуки перешли за Нил и захватили пространство 600—700 км на юго-восток до границ Уганды.

Доктор Швейнфурт (ботаник) исследовал родину шиллуки в 1872 г. и описал этих собак: «... они похожи на борзых несколько массивных, иногда достигающих роста наших собак (т. е. стандартных.— *В. К.*). Их окрас обычно сходен с окрасом лисицы. Морда очень длинная. Шерсть короткая и гладкая; хвост развернутый, напоминающий крысиный. Уши длинные, мягкие, наполовину в складках. Они обладают большой резвостью и легко догоняют газелей. Подобно кошкам, они взлетают на склоны и холмы термитников высотой в десять футов, их скачки, прыжки по длине в 3—4 раза превышают их собственный рост. Главные приемы борзой шиллуки мало отличаются от манеры бедуинских борзых из Кордофана или Сенаара».

Это описание вполне сходно с изображением, сделанным в 1892 г. Ричардом Штребелем де Мюних. Возможно ли поэтому видеть в ней породу азиатскую? Но так как ее не осматривали современные кинологи, то на этот вопрос ответить трудно.

Отметим указанные Зильвальдом и Шеком аналогии между шиллуки и салюки Йемена — породой азиатской. Напомним, наконец, замечание Брема по поводу йеменского обыкновения оплачивать убытки в случае убийства борзой, обычая, память о котором сохранилась у владельцев борзых шиллуки и который возник в Азии.

Борзая голубых берберов. В мимозных степях Южной Сахары, летом оживляемых сильными ветрами, с далями, окутанными голубой дымкой, во всех регионах, исхоженных кочевниками-туарегами, борзая была известна, как берберийская. Кто видел в ней просто собаку, кто считал, что она забава властителей и богачей; толковали, откуда она взялась, приписывая ей африканское происхождение. А туарегов она интересовала лишь как борзая ловчая собака, и они не задумывались над тем, насколько ошибочно считать происхождение их борзой африканским, так как эта собака не имеет ничего общего с теземом и, наоборот, представляет собой образец азиатской борзой.

Если сравнить борзую туарег со слюгги, то можно заметить, что у туарега череп более удлиненный, менее широкий, корпус более короткий, сочленения отчетливее, что есть некоторые различия в деталях, в положении и форме ушей и в манере держать хвост. Между этими двумя породами борзых наиболее очевидная разница состоит в одежде, которая у борзой туарег большей частью допускает белые чулки, как бы надетые на ноги; иногда продолжение белизны на ногах может достигать груди и белого ошейника. Все это приводит кинологию к признанию самостоятельности борзой туарега, по-настоящему «открытой» на западе.

Зоологически эта борзая кажется возникшей параллельно слюгги и салюки как вариант азиатской борзой. На этом на-

стаивает известный французский кинолог Ксавье Пржедзецкий, начиная свою книгу «Борзые» именно с азиатских борзых. В области кинофилии эти варианты признаны «породами» со своим стандартом каждая[1].

Присутствие этой азиатской борзой у туарегов в суданских краях окутано тайной. Без сомнения, в своих миграциях к Африке некоторые хамитские племена могли ввести с собой на этот континент и азиатских борзых. Это предположение пока недостаточно обосновано.

У всех хамитских племен Африки единственной борзой доисторической эпохи был тезем, и только Берберия была обиталищем Канис гетулус — одной из доисторических ископаемых собак.

Можно также думать, что туареги (ветвь берберийской народности, довольно поздно эмигрировавшая в Центральную Сахару) могли привести с собой слюгги Северной Африки. Между тем история народов Африки подвергает сомнению такую гипотезу, которая кажется слабой еще и из-за различий между слюгги и туарегом, отмеченных выше.

Существуют разные предположения и гипотезы по поводу происхождения и истории борзой туарег в веках. Когда-нибудь люди узнают больше. А пока существование варианта азиатской борзой у туарегов — это просто факт.

Для туарегов борзая —желанный товарищ на охоте, о котором они умеют позаботиться. Они его кормят дикими семенами, растолченными, разведенными в воде или молоке, продуктами охоты как необходимым дополнением к пище.

К моменту родов сука роет нору глубиной в один «локоть» и больше, ориентируясь так, чтобы солнце не проникало туда. Там она размещает своих маленьких, чаще всего двух, реже трех. В течение веков эта порода очень верно сохраняет свое сложение (gabarit) и отстаивает свою судьбу среди поворотов изменчивого времени.

Гармония этой борзой, образца степей, не могла не соблазнить европейцев, и они создали несколько гнезд этой породы во Франции и других странах. Но ясно, что животное этого типа не может существовать без физической деятельности, как большинство борзых. Борзая туарег распространена широко, особенно в республике Мали и Нигерии.

Другие борзые в Африке. Помимо северной зоны Африки несколько гнезд борзых слюгги отмечены в разных регионах этого континента. В частности, слюгги есть в Чаде, главным образом у кочевников Уад Симан и смешанных негритянских народностей. Равным образом можно найти слюгги у пастухов Галлас берберийского происхождения, проживающих на юге Эфиопии на границе с Кенией и Сомали. В послед-

---

[1] Утверждение стандарта туарега МКФ несколько запоздало по сравнению с другими породами борзых.

нем столетии арабы Шамбас из Занзибара имели также и слюгги, которых они импортировали из Moscato на Персидском заливе.

В Мавритании у племен Немадис существовала помесная резвая собака. Хозяйство этого племени основано исключительно на охоте, особенно на добыче антилоп (аддакс — 50 кг, орикс — 80 кг — оба вооружены мощными рогами). Охотники племени Немадис занимаются селекцией и правильно выдерживают собак для ловли дичи. Немады развивают их способности в одном из наиболее опустошенных районов Сахары (Джуф), где они преследуют антилоп при их миграции. Охотники, участвующие в общей охоте, ведут своих собак на сворах, стараясь приблизиться к стаду насколько возможно, и пускают собак, достигнув непосредственной близости. Собаки бросаются за бегущим стадом. Вожак своры (стаи) прыгает и хватает антилопу за нос (ноздри) или за уши, тогда как остальные вцепляются в ноги. По крайней мере километр все собаки стараются удержать, остановить антилопу, и охотник-немад подоспевает, чтобы помочь ударом копья. Все богатство немадов — это их собаки. Семья, имеющая пять-шесть собак, выплачивает приданое невесты собаками. Нередко немады кобелей кастрируют. Собаки немадов имеют кровь слюгги, однако они менее резвы и более сильны.

На выставке собак в 1972 г. были «борзые» бушменов из Калахари. Собаки беспородные, набежавшие из соседних стран, держатся около определенных кланов в качестве новичков, не участвуя в период группировки и сотрудничества на охоте. Здесь выручает исключительно опыт охоты с копьем, луком и отравленными стрелами.

ТРЕБОВАНИЯ К БОРЗОЙ ОХОТНИКА И ЛЮБИТЕЛЯ-СПОРТСМЕНА

Для успешной охоты, умелой ловли быстрого и увертливого зверя борзая любой породы прежде всего должна иметь соответствующее телосложение, предусмотренное стандартами, а затем и целый ряд качеств — от чисто физических до некоторой хитрости, сметки, а то и настоящей способности соображать. Для спортивной борзой, которая скачет не на охоте, а на кинодроме, участвуя в бегах, как в спортивном мероприятии, набор необходимых качеств значительно ограничен, но и к ней предъявляются серьезные требования.

Резвость — это самая главная, самая необходимая способность борзой любой породы — от русской псовой и английского грейхаунда до английского виппета, арабской слюгги, среднеазиатской тазы и киргизского тайгана. Собака без резвости — не борзая. Резвость борзой — это такая быстрота ее скачки, которая должна превышать быстроту зверя или хотя бы равняться ей, чтобы, в крайнем случае, добавив к такой своей рез-

вости настойчивость и выносливость, борзая могла бы заловить зверя, обессиленного долгой скачкой, превзойдя его силой (например, таза способна взять джейрана после скачки на 10—15 км)[1].

Резвость борзой вырабатывалась веками, а вернее тысячелетиями, в процессе направленного отбора. Пусть у древних пород борзых (слюгги, салюки) этот отбор на первых порах у доисторического человека был неорганизованный, не планомерный, но он все же существовал, и по мере развития человечества, по мере роста его культуры этот отбор (а вместе с тем и создание породы) становится все совершеннее. Примером такого удачного и высококвалифицированного отбора может служить английский грейхаунд, который достиг резвости, превысившей резвость всех ранее созданных пород борзых. Только с борзой, обладающей настоящей резвостью, возможна охота на быстрых зверей без помощи огнестрельного оружия, только такая резвость придает охоте с борзой настоящую красоту, до глубины души захватывающую борзятника. Нет охотников с борзой, которые охотились бы только из-за добычи и не дорожили бы прежде всего полетом борзой, неудержимо стремительным, страстным, полным удивительного изящества и вместе с тем поражающим силой,— полетом борзой за зверем.

Нет охотников «лишь бы добыть» и среди немалого числа борзятников, для которых охота с борзой — заработок; все они страстные, пылкие любители и ценители и скачки борзой, и самой собаки. Первый этап добычи таких зверей, как заяц и лисица,— так называемая «доскачка», т. е. стремительная скачка, чтобы «достать» убегающего зверя, достигнуть самой опасной для него близости, «доехать», как говорили борзятники, почти вплоть. Чтобы это произошло, борзая должна быть резвее зверя, ибо он, заметив преследование, отдает все силы, чтобы уйти от опасности. Зайцу ноги должны помочь оторваться от погони и тем самым спастись; лисица, чувствуя, что ее скорости не хватает для спасения, во всю прыть несется к какому-нибудь бугру или балке, где есть лисьи или барсучьи норы; волк изо всех сил старается убежать, потому что он, умнейший зверь, знает или догадывается, что стоит ему задержаться в схватке с настигающей сворой, как к драке подоспевает человек — для него самое страшное, что есть на свете.

Доскачка — это подлинное состязание между борзой и зверем. Н. Н. Челищев, в прошлом владелец комплектной псовой охоты, писал: «Определить быстроту доскачки борзой, т. е. резвость ее, временем, по секундам, до сего времени еще не удалось никому, но не подлежит ни малейшему сомнению, что версту или километр она делает в продолжение никак не более одной минуты».

[1] Теперь этой охоты нет, так как джейран занесен в Красную книгу СССР.

Н. Н. Челищев был прав в том, что в России, а затем в СССР еще не существовало определения резвости борзой. Близок к истине он был и в своей простой глазомерной оценке быстроты этой собаки. Но Николай Николаевич не знал, что на «бегах» борзых по искусственному зайцу, которые уже давно популярны в Западной Европе и Северной Америке, благодаря именно тщательной организованности этих состязаний, участию в них собак многих пород и наличию секундомеров резвость борзой как псовой (о ней одной писал Н. Н. Челищев)[1], так и всех других пород давно уже определена точными цифрами.

Особенно много занимались борзыми бегами в Англии. Там даже были организованы состязания — дерби, как на конских скачках. Правда, дерби устраиваются ежегодно только для местной породы Великобритании грейхаунд (это те самые короткошерстные собаки, которые единично бывали в псовых охотах русских помещиков под названием «английская»).

В книге К. Пржедзецкого «Борзые» даны сведения о победителях дерби с 1927 по 1972 г.

В 1952 г. победил на дерби кобель английской породы грейхаунд по кличке Эндисс Госсип, проскакав 480 м за 28,5 с; значит скорость его можно выразить так: 1 км за 59 с. Но не всегда на дерби такие высокие показатели. Например, в 1928 г. кобель той же породы по кличке Бочер Эш 480 м покрыл за 30,48 с и стал чемпионом. Значит, он проскакал бы 1 км за 1 мин 3,5 с; это один из слабых результатов дерби.

В швейцарском журнале «Друг борзой» (L'ami du lévrier), который издается на двух языках — французском и немецком, часто печатаются отчеты о бегах борзых. В номере 52, вышедшем в ноябре 1968 г., помещен отчет о бегах, состоявшихся в мае 1968 г. в Дюбендорфе. В этом документе есть данные, позволяющие сделать сравнение резвости борзых разных пород (цифры[2], относящиеся к дистанции 400 м, приведены наилучшие по каждой породе): русская псовая борзая — скорость 14,4 м/с, или 1 км за 1 мин 9,4 с; грейхаунд (английская) — скорость 16,7 м/с, или 1 км за 59,9 с; афганская борзая — скорость 12,8 м/с, или 1 км за 1 мин 19,1 с; слюгги (арабская) — скорость 14,5 м/с, или 1 км за 1 мин 9,0 с.

Наиболее резвыми являются английские грейхаунды, способные развить скорость до километра в минуту без надбавки секунд. Очевидно, не напрасно российские помещики считали английскую борзую (грей) резвейшей. Русская псовая на километре проигрывает грейхаунду несколько больше 9 с, практически равна ей и резвость слюгги.

---

[1] Челищев Н. Н. Борзая, ее воспитание и охота с ней. М., Всекохотсоюз, 1929. 62 с.

[2] Цифровые значения переведены автором данной книги в метры за секунду.

Наши старшие эксперты В. С. Мамонтов, Н. А. Сумарокова и Н. Н. Челищев (бывшие владельцы комплектных псовых охот) отмечали, что в крупных псовых охотах владельцы имели английских борзых (единицы), не взирая на их непригодность для работы по волку.

Подтверждением выдающейся резвости тогдашних английских пород русскими борзятниками может служить отчет о московских садках на резвость 19 октября 1890 г. и о петербургских садках 27—29 октября 1890 г. («Природа и охота», ноябрь, 1890, с. 66—92). Автор отчетов скрылся за литерами NN. В программе московских садок по русаку были состязания сук разных пород. Участвовали 8 собак — 4 псовых и 4 английских (попарно). Победили все 4 английские — Стрелка Д. Б. Голицына, Арабка и Слава его же и Искра П. П. Голицына. В садке для кобелей и сук по второй осени также разных пород скакал один псовый кобель Награждай В. Н. Чебышева. Ему пришлось состязаться с английской сукой Метелью С. Н. Глебовой, выиграла Метель. Были и другие садки на призы для разных пород, и все выиграли английские собаки. И вполне законным было замечание составителя отчета, что «владельцы псовых пока избегают встречи с «английскими» и что «многие из них предпочли участвовать в петербургских садках, где были... ценные призы для псовых отдельно от английских». Показательно и то, что на тех же петербургских садках в состязании на приз для всех пород участвовали только английские и хортые и не было ни одной псовой борзой.

Превосходство грейхаундов в резвости в XIX столетии было общеизвестно и неоспоримо. То же приходится видеть и в XX в. Однако непревзойденная злоба русской псовой борзой к волку и ее безграничная отвага в борьбе с этим хищником создали ей великую славу.

Арабские слюгги практически не резвее псовой, по волку не работали и для русских псовых охотников не представляли никакого интереса.

Особо высокая резвость грейхаунда неоспорима, хотя встречаются люди, убежденные в обратном и считающие русскую псовую борзую резвейшей породой, непобедимой в любых состязаниях с борзыми всех других пород. Вера в свою отечественную русскую породу, защита ее приоритета похвальны как проявление здорового патриотизма. Только вот, к сожалению, приходится признать таких поклонников русской псовой недостаточно осведомленными относительно достоинств нашей породы, а потому и не очень компетентными. Русская псовая прославилась своей работой по волку (об этом в дальнейшем будет сказано немало), но в отношении резвости, если она и уступает грейхаунду, то, во-первых, тут ничего позорного нет, и, во-вторых, для первенства грейхаунда есть причины.

Русская псовая борзая вот уже много веков, работая на охоте в России, добывала себе ту резвость, которая требова-

лась именно для охоты. При этом, когда в первые века русского государства, еще более многолесного, чем теперь, ей приходилось ловить зверя на нешироких открытых местах, сплошь да рядом на небольших лесных прогалинах, на нешироких полях среди лесов, она с успехом ловила накоротке и обладала необычайной «пруткостью», как тогда говорили, да еще знаменитым «броском». От нее тогда не требовали резвой скачки на большие расстояния (например, километр, а то и больше), а когда с развитием русского хлебопашества, да и вообще сельского хозяйства лесов стало много меньше, а полевые пространства стали несравненно шире, русская псовая борзая приобрела способность дальней скачки с такой резвостью, которая много ли, мало ли превосходила резвость зайца, не говоря уже о менее быстрой на бегу лисице. Единственно кого наша псовая не превзошла своей резвостью, это матерого волка. И это произошло не потому, что резвость псовой борзой нельзя было поднять на эту высшую ступень, а потому, что вся система псовой охоты по волку не требовала с нашей борзой длительной скачки в угон, а строилась на перехвате зверя «впоперечь», а то и почти встречном.

Если для выработки у русской борзой повышенной резвости и более долгой, чем прежде, скачки потребовалось подмешивание в породу крови других пород — горки и крымки, — то это нисколько не порочит русскую псовую породу, ибо в любой отрасли животноводства добавление в породу крови другой породы — прием, множество раз испытанный, узаконенный и проверенный.

Почему же все-таки резвость грейхаунда выше, чем у русской псовой? (Кстати, эта английская порода выведена из смешения нескольких пород.) Вряд ли трудно понять, как достигнута эта исключительная резвость. Ведь, если русская псовая борзая создана для охоты на разных зверей, то ей была необходима не только резвость. Для ловли зайца нужна была еще отменная зоркость, чтобы не затерялся он от преследования в степных травах, в полевых сорняках; нужна была и ловкость на угонках (по Челищеву «изворотливость»). Для работы по лисице, кроме резвости, нужна та же изворотливость, ведь лисица — настоящий мастер увиливать на угонках, да и злоба тут требуется, ведь лисица-то как-никак хищный зверь. А волк? Какая отчаянная ненависть, беззаветные злоба и отвага нужны собаке, вступающей в борьбу с этим хищником, действительно страшным для собачьего рода!

Русские псовые охотники готовы были мириться, если надежный злобач был не очень резв. А грейхаунд? Давно уж он не видит охоты, давно не волнуют его угонки и поимистость. От него требуется только резвость, да стремление скакать за воображаемой добычей. И вся работа заводчиков этой спортивной собаки и самих спортсменов сводится к достижению наибольшей резвости, да, пожалуй, и некоторой силы и настойчивости,

чтобы собака-спортсмен не слабела после первой же скачки, да нужны еще привычка и, пожалуй, вкус к состязаниям, стремление обогнать соперников.

Когда цель, в конце концов, одна — резвость, и ничто не может ее заслонить — ни злоба, ни ловкость на угонках, ни поимистость, такой цели проще достигнуть. Нечего говорить, англичане умелые животноводы, и не удивительно, что добились своего, вывели резвейшую борзую.

Но охотнику Советского Союза гораздо дороже своя русская порода — и страстная на охоте, и обладающая отличной резвостью, и ловкая на ловле зверя, и иной раз способная проявить недюжинную сообразительность, да ко всему этому еще и терпеливая к суровому климату и капризам погоды.

А что такое резвость матерого волка, мне пришлось видеть в хмурый день октября. После саратовских испытаний по вольному зверю как-то в начале 50-х годов мне вместе со вторым судьей (тогда это название практиковалось на испытаниях) П. Л. Романовым удалось выкроить денек для охоты. Лошадей и борзых (конечно с дипломами по зайцу) дал нам заведующий Энгельсским питомником, каждому по две собаки.

Ездили мы не близко от питомника, в местах, которых не коснулись проведенные испытания борзых по вольному зверю (русаку). Степь тут была непаханная, были участки ковыля, были и полынники и порядочные заросли бурьянов. Наши надежды на то, что здесь, где зайца в последние дни не беспокоили, мы легко найдем русаков и потравим досыта, не оправдались. Ездили мы час, ездили и другой — и ничего не подняли.

«Черт его знает», — сказал Романов, — может, русак непогоду ждет, забился в бурьяны. Да ведь в гуще, если и поднимешь его, как ты борзым покажешь? Разве только взять малый островок соров[1]. Если выскочит седой, сразу за ним рвануться на чистое, чтоб собаки пометили, пока не удалел».

Так и сделали. Въехали мы в гущу бурых сорняков, зашумел, захлестал по лошадиным ногам бурьян, хотя ехали мы, выбирая просветы, чтобы борзых не задерживали ременные своры, путаясь в жестких стеблях. И вдруг впереди зашумела чаща бурьяна, поднялся зверь — не чета русаку! Волк!

Тут и борзым показывать не надо, сами не слепые. Рванулись наши собаки, даром, что по волку не притравлены. Тут, конечно, действовал главный инстинкт борзой: «бежит — догоняй!».

Волк, выскочив на чистое, сразу стал нам понятен: «матерый!» Он поскакал полынным пустырем, раскинувшимся несколько отлого, вниз, к балке. Все четыре наши борзые, сброшенные со свор, помчались во всю свою резвость, не щадя сил. Мы с Романовым поскакали во весь мах. Скакали, а травля была видна нам, как на ладони. Борзые мчались, как

---

[1] Соры — сорные травы, бурьян.

могли, и нельзя было не понять, что отдают все, что могут,— впереди скакал серый Хан, остальные растянулись цепочкой. А волк скакал как-то мешковато, казалось даже, что скачет не спеша. Можно было только понять, что его словно бы редковатые скачки уж очень широки. Но все же было странно видеть, как зверь своим неторопливым, как будто даже неловким скоком уверенно уходит и уходит от погони. Сначала между ним и собаками просвет был совсем небольшой — ну, метров тридцать..., но он рос и рос, и, хоть не верь глазам своим,— когда волк скрылся в кустах по краю балки,— собакам оставалось до него метров сто!

Травля кончилась. Мы остановили коней, поджидая бегущих назад собак... А что было бы, если бы догнали?

— Да ни одна не притронулась бы...

Борзые собаки одной породы, разумеется, имеют резвость неодинаковую: одни быстрее, другие менее быстры. У русских псовых охотников прежнего времени была своего рода классификация собак по резвости. Тогдашние борзятники определяли способности собак словами: наглая или лихая, резвая, скачущая по охотке и, наконец, тупица.

Наглая — это собака, не дающая пощады зверю при всяких условиях грунта и времени года. Наглая не щадит себя и догоняет и ловит зверя так, словно бы это не стоит ей огромного напряжения. При доскачке наглой зверь кажется как бы остановившимся, так быстро сокращается расстояние между ним и собакой.

Резвая — это собака, также имеющая все лучшие качества борзой, но работает не до самозабвения. От резвой зверь почти никогда не спасается при условии удобного грунта и в благоприятное время (погоду). Резвые собаки бывают пруткие (пылкие) и тягучие. Пруткие сразу развивают всю свою необыкновенную быстроту, но зато этой быстроте они сразу отдают почти все свои силы. Считалось (с полным основанием), что пруткая собака хороша и ценна на коротких расстояниях, в лесистых местах. Н. Н. Челищев, вообще боготворивший русскую псовую борзую, считал, что «сердце у такой пруткой собаки должно быть соколиное». Резвые, но тягучие собаки, обладающие достаточной быстротой, чтобы догнать зверя, но не столь жадные до него и менее пылкие, приходится признать, лишены тем самым очень ценных свойств борзой. Тягучие менее дороги охотнику, хотя даже бывает, что они добычливее прутких. Они меньше увлекают своей ловлей, так как большей частью берут не подлинной резвостью, а силой, вымучивая зверя.

Скачущие по охотке — это собаки просто упрямые. Их скачка непостоянна. Один день они показывают настоящую резвость и даже лихость, а на другой — не желают скакать. Все зависит от настроения. Но бывают в этой категории борзых и такие, поведение которых зависит от какой-нибудь

скрытой болезни. Это обстоятельство охотник должен разгадать, чтобы при возможности помочь борзой.

Тупицы — собаки, неспособные догнать резвого зверя. Ими прежде иногда травили прибылых, совсем еще некрупных волков, если, конечно, у такой тупицы была злоба к зверю. Современному охотнику тупую борзую держать не имеет смысла.

Стоит отметить, что, так сказать, в массе суки резвее кобелей.

У тазы и тайгана есть свои особенные виды резвости. При охоте на сурков, обычно пасущихся вблизи своих нор, охотник (казах или киргиз) должен суметь незаметно подкрасться и подвести с собой собаку (ее обучают подползать). И когда он рассчитает, что зверек удалился на такое расстояние от норы, что борзая успеет в несколько прыжков догнать его, не дав нырнуть в нору, охотник приказывает собаке, и та бросается с такой скоростью, которая может сравниться разве только со знаменитым «броском» русской псовой борзой.

Наряду с этим при охоте на копытных (на джейрана или сайгака) среднеазиатские борзые должны были преследовать зверя с самой большой скоростью, на какую способны, да еще выдерживать быстрейшую скачку на несколько километров, чтобы ослабить зверя и заставить сдаться.

Жадность к зверю в старину имела еще и другое название — «сердце», то сердце, о котором говорят: «от всего сердца», «в сердцах» и т. п. «Жадность к зверю» — таких слов теперь не услышишь. А это неправильно. Ведь жадность к зверю, страсть к поимке его — это серьезный двигатель борзой, немалая сила, бросающая собаку в неистовую погоню и заставляющая к тому же хватать и ловить зверя. Именно теперь нужно бы вспомнить эту «жадность к зверю», которая терялась и угасала, когда почти все наши чистопородные псовые борзые были вынуждены забыть об охоте.

А к чему это вело, пришлось мне не раз видеть на испытаниях борзых. Особенно характерным примером может служить псовая сука Зазноба В. К. Амелунг. Эта собака сохранила благодаря тренировкам выдающуюся резвость. Помню, как по матерому русаку, вскочившему метрах в 60—70 впереди, она легко обошла других собак своры, в которую была поставлена. Любо-дорого было глядеть, как уверенно и быстро Зазноба спела к русаку и круто угнала его. Это дало возможность мне и Амелунг[1] подскакать наперерез травле и видеть дальнейшее с полной ясностью, не веря глазам своим. Быстро справившись на угонке, Зазноба вновь настигла русака. Не пытаясь схватить его сзади, она поравнялась как-то так деликатно, что русак не принял это всерьез, не бросился в сторону, а продол-

---

[1] В. К. Амелунг была на лошади как стажер, исполняющий обязанности второго судьи. В оценке Зазнобы она не участвовала.

жал бежать к недальнему лесочку. Так он и домчался до леса, словно под конвоем Зазнобы, которая скакала рядом с ним, как конь в дышловой паре. И несмотря на отчаянный крик хозяйки, на ее неумолкаемое атуканье, Зазноба не сделала ни одной попытки схватить русака. Добежал он до кустов на опушке леса и скрылся в нем...

Вот что значит потеря жадности к зверю.

С жадностью к зверю Н. Н. Челищев в книге «Борзая» связывал еще два свойства борзой: пруткость — исключительную резвость накоротке и бросок. В настоящее время термин «пруткость» ушел из обихода борзятника, и редко различаются борзые «пруткие» и просто «резвые». Но о броске, который искони считался свойственным только русским псовым и английским борзым (грей), приходится слышать споры: есть ли вообще бросок или его нет.

В 80-х годах XIX в. Г. Д. Розен писал: «Бросок присущ лишь русской псовой борзой собаке. Определить в двух словах бросок нельзя. Если вы заметите, что ваша собака, находясь в близком расстоянии от зайца, бросится к нему, как пуля, и убьет зверя грудью или покатится с ним через голову, это значит, что у нее есть бросок. В этот момент нельзя видеть, что делается с собакой, все происходит так быстро, что ног у собаки не видно, как говорится. Это удар молнии, выстрел, что-то сверхестественное. Слов нет для описания настоящего броска псовой собаки,— это может лишь инстинктом понять один истый псовый охотник»[1].

Н. Н. Челищев уточнял описание броска:

«Бросок это не есть один скачок, а совокупность нескольких молниеносных скачков подряд. Бросок делается собакой в то время, когда расстояние между нею и зверем достаточно сократится, обыкновенно метров до 20. Глазом нельзя уловить, как она проносится эти последние 20 метров а иногда и более, и только можно видеть, как она поймает зверя или, промахнувшись, проносится с такой стремительностью, что нередко не удерживается на ногах и катится колесом через голову...

...без броска не может быть эффектной ловли и поимки... Чтобы обладать броском, собака должна обладать, помимо могучего сердца, стальными мускулами, и эти-то мускулы дают ей возможность быстро справляться на угонках, и отсюда же вытекает новое ее качество — «изворотливость».

Не только Г. Д. Розен и Н. Н. Челищев, но и П. М. Губин, и П. М. Мачеварианов, и буквально все прежние корифеи псовой охоты, писавшие о ней книги и статьи, считали наличие у псовой борзой броска безусловной истиной. Не нам, совре-

---

[1] Г. Д. Розен — один из главных знатоков XIX века, писавших о псовой охоте, наличие броска у английской борзой и хортой не признавал, считая его свойством одной лишь русской псовой борзой. А работу других пород, например слюгги или тазы, он не видел, и поэтому его мнение о броске не универсально.

менным ценителям борзой, оспаривать утверждения прежних псовых охотников. Сколько охоты и работы борзой видели они и сколько удается видеть нам? Как много собак видели они в своих охотах да и какие возможности имели они для изучения способности своих борзых! Возможности очень большие, а у некоторых владельцев огромных псовых охот — почти безграничные.

Правда, современные эксперты, работающие на испытаниях борзых по вольному зверю, оценивают работу многих собак, но как оценивают? Каждую борзую лишь по одному зверю. А ведь даже лихая, «наглая» борзая может сработать плохо и проводить зверя, как форменная тупица.

Можем ли мы отвергать бросок? Но если не можем отвергать, но и не видим его, как быть? Впрочем, в последние годы на некоторых удачных травлях как будто можно говорить о реальном броске. И если он восстанавливается, то, конечно, не без причин. В годы после Великой Отечественной войны (с конца 40-х и начала 50-х годов) псовая борзая стала восстанавливаться у нас как охотничья собака. Немало псовых борзых находятся теперь в руках настоящих борзятников и стали работать на охоте по-настоящему (например, в Волгоградской и в других областях).

Всеобщая убежденность борзятников старого времени в существовании броска у русской псовой борзой не позволяет и нам, теперешним ценителям этой породы, не верить в бросок. По мере восстановления псовой борзой и ее замечательных качеств мы, хоть и не часто, но видим при травле такие ее порывы, что приходится считать их очень близкими к броску, описанному Н. Н. Челищевым, Г. Д. Розеном и другими авторами — современниками комплектных охот.

Но признавая бросок только у русской псовой породы, правы ли эти авторы? Если и английская борзая (грейхаунд), и крымки с горками признавались старыми борзятниками более резвыми, чем псовая, то как отказать этим породам в наличии у них броска?

В этом отношении представляется значительным высказывание К. М. Эсмонта. Он был не только кинологом, но и страстным охотником; прожил жизнь на Дону и на Северном Кавказе, много охотился с местными борзыми, приобрел огромный опыт по испытаниям местных борзых по вольному зверю и знал хортых и степных борзых досконально.

В статье «Хортые и степные борзые* на Дону» он пишет: «На испытаниях, которые обычно проводят у нас в октябре, собаки выступают без всякой подготовки и все же показывают очень хорошую резвость. Как хортые, так и степные борзые способны, завидев зверя, развивать ошеломляющую его скорость. Мало этого: заметив, что зверь стремится спастись

* Т. е. южнорусские.

в полезащитной лесополосе, борзые на последних 15—20 метрах перед полосой берут его без угонки таким стремительным порывом, за которым невозможно уследить. Очевидно, лесные посадки заставили собак... выработать ту вспышку скорости, которая у псовых борзых называется броском. Это новое качество местных борзых уже начинает передаваться по наследству, иногда его проявляют даже первоосенники».

Из выводов К. М. Эсмонта можно заключить, что у всякой ловчей собаки, имеющей огромную резвость, есть и бросок.

Ловкость на угонках (по Н. Н. Челищеву «изворотливость»). Угонкой называется момент, когда заяц или лисица, настигнутые борзой, бросаются в сторону, а собака, как бы промахнувшись, проносится мимо. Чем быстрее она справится после угонки, тем труднее зверю отделаться от нее и тем больше у нее надежды на успех. Редко удается борзой поймать зверя без угонок, поэтому ловкость на крутых поворотах очень важна. Это свойство при наличии известных физиологических качеств так же, как и умение ловить, более всего развивается у борзых практикой.

Поимистость — способность поймать зверя. Нередко это врожденное свойство собаки. Есть борзые, которые «бьют и бьют[1] зверя на угонках», а заловить долго не могут. Бывает, много поскачет борзая на охоте,— ну и научится ловить. Но встречаются и такие собаки, которым никакая практика, никакой опыт не помогают,— так и остаются они непоимистыми.

Однако непоимистую, но по-настоящему резвую борзую не следует браковать. Пусть она угонками не дает хода зверю, а ее напарница, хотя бы и «тупица», ловит. В настоящее время, как было и прежде, немногие борзые ловят в одиночку, поэтому большинство борзятников и теперь либо держат по 2—3 собаки, либо несколько товарищей, имеющих по одной борзой, охотятся вместе. Понимающий борзятник больше всего дорожит своим главным резвачом, хотя бы и не очень поимистым. Выработка поимистости у всех борзых — важная задача племенной работы.

Зоркость — это не только отличное зрение, но и неослабевающее внимание, и умение мгновенно заметить зверя, где бы он ни вскочил. К зоркости относится также и способность не потерять зверя на скачке, в высокой траве, оврагах и т. п. Зоркость борзой позволяет ей заметить зверя на таком большом расстоянии, на каком собаки других пород его не разглядят, а человек увидит лишь если у него с собой бинокль. Зоркая борзая иногда в бурьянах преследует зверя, не видя его, а лишь догадываясь, где он бежит по колебаниям верхушек травы или по его мельканию изредка в куртинах бурьяна или

---

[1] «Бить зверя на угонках» — значит давать ему угонку за угонкой. Возможно, что это образное выражение пошло потому, что издали похоже, что зверь полетел вбок как бы от удара.

тростника на пересохших болотинах. Зоркостью высокой степени обладают в особенности энергичные, сильные собаки, которых не может утомить постоянное строгое наблюдение за полем до появления зверя, а тем более их не затруднит наблюдение за зверем во время скачки, старание не упустить его из поля зрения или ловить малейшие признаки его движения, если он будет скрыт растительностью или складками местности. Лучше любых описаний и объяснений даст понятие о зоркости пример из жизни.

Октябри 60-х годов я отдавал испытаниям борзых по вольному зверю в разных полустепных и степных областях. А тот характерный случай был в Ульяновской области... Испытания шли по порядку, день за днем, и в предпоследний день одна хортая сука начала свою работу отлично, но довести ее до конца так же хорошо ей не удалось. Работать ей пришлось в паре с кобелем другого охотника. Равняжка, в которой шли полями две полные своры по три собаки и эта пара, двигалась по широкой стерне, а ограничивали поле спереди и справа балки, поросшие кустарником.

Прямо против пары, в которой шла та хортая, поднялся матерый, уже наполовину выцветший русак. Хозяин Лерки, высокий, плотный Петраков, и Пшенкин, владелец Разлета, напарника Лерки, сбросили собак со сворок, и обе заложились по русаку, катившему стерней, как по столу. Лерка оторвалась от туповатого Разлета и, показав отличную резвость, на первых же полутораста метрах швырнула зайца угонкой вправо. Пока Разлет срезал угол, Лерка вновь насела на русака и дала ему еще угонку. К этой угонке Разлет подоспел, да так неладно, что со всего разгона ударил грудью Лерку, сбив ее с ног. Сука так и покатилась по стерне, да еще с визгом. Пока она выправлялась, русак уже подкатил к балке и буквально из-под носа у резвой Лерки скрылся в кустах.

По этой скачке мне и моему товарищу по судейству нетрудно было судить о ценности Лерки, но особенно высокий диплом не дашь,— русак-то ушел! Ну и дали мы ей диплом III степени, расстроив Петракова, который, видно, хорошо разбирался в работе борзых, высоко ценя свою суку.

Петраков просил пустить Лерку еще раз. Мы рады были бы исполнить эту просьбу, да еще оставались неиспытанные собаки. У того же Петракова были записаны на испытания два кобеля-первоосенника — сыновья Лерки. Ну я и пообещал дать Лерке еще работу, если останется время; второй судья кивнул.

На следующий день было выведено на испытания восемь собак, две сборные своры (собаки разных владельцев) и пара петраковских молодых. Девятой повел Петраков уже расцененную Лерку. Переиспытать ее стоило. Но как же владелец станет водить свою тройку в полях и как, пустив молодых работать, удержит Лерку?

— Ничего, ничего! Молодых на своре поведу, а Лерку сзади к поясу привяжу, да ведь она умница, послушная.

...Две своры отделались быстро по прибылым русакам. Одного поймали, а другому повезло: скрылся в убранном подсолнухе, будылья которого подорвали резвую скачку. Затем, как это случается на каждых испытаниях, долго искали зайца впустую. Наконец мы с Петраковым попали на поле свекольника, лишь начатое уборкой. День был воскресный, и люди отдыхали, а на поле было пестро: где свекольник не тронут, где свекла в кучках — не успели вывезти, где голые площадки. Тут и поднялся русак, как говорится, «из молодых да ранний» — довольно крупный, но еще весь серый. Поднялся он недалеко — метрах в двадцати, но отпускать его было невозможно — он скрылся бы в свекловичной ботве. Второй судья, верховой как и я, ехал стороной. Совещаться — зайца упустить. И я скомандовал Петракову: «Пускай!». Молодые даже с визгом рванулись за русаком, но, проскакав каких-нибудь полсотни метров, потеряли зайца. С лошади мне было видно, как он то появлялся, где ботва была реже, то скрывался в ней. Ну ладно— я видел сверху, с коня, а как ухитрялся следить за русаком Петраков? А он все старался ободрить неопытных кобелей, беспомощно совавшихся туда-сюда.

Петраков взмолился:— Давайте, пущу!

Это он о Лерке. Да чего пускать? С подъема — и то не могла видеть. Взглянул я на нее, а она воззрилась куда-то и натягивала веревку... Неужели что-то видит, улавливает?

— Пускай! — скомандовал я.

Пока он развязывал затянувшийся узел, вовсе уж загораживая от Лерки воображаемый путь зайца, тот выбрался из свекольника на стерню метрах не меньше чем в сотне от нас и помчался на изволок, став[1] там на затравянелый межник, отделяющий взмет от хорошо зазеленевшей озими.

Наконец узел развязан, и Лерка вихрем помчалась по свекольнику. Не успел бы и ахнуть, как она — вон уже на чистине, вон взлетает на межник... И я просто не знаю, то ли хортячка была невероятно резва, то ли заяц там на пологом подъеме считал себя уже в безопасности, но она после столь дальней доскачки приспела к русаку и, бросив его угонкой на пашню, сама очутилась там... Русаку, видно, неудобно было скакать по пластам, и он повернул к славному межнику. Как сумела Лерка, не знаю, может быть, кроме резвости, она была и мудра, но не успел заяц проскакать межником два-три десятка метров, как очутился в зубах у собаки.

Ну, за такое чудо не жаль дать и диплом первой степени! В этой скачке хортой суки была и лихая резвость, были и от-

---

[1] Про русака, вырвавшегося на дорогу и помчавшегося по ней, борзятник скажет: «стал на дорогу». Так и здесь «стал на межник».

личная изворотливость и сметка. Но главное, что показала прекрасная борзая,— это была поразительная зоркость.

Сила необходима для резвой скачки. Недаром же у настоящей охотничьей рабочей борзой мускулы на бедрах (черные мяса) и на плечах выпирают буграми. А мало ли силы нужно борзой тратить на крутых поворотах угонок? Одно только торможение с полного карьера, одно, хоть на миг, прекращение отчаянной скачки требует силы и силы. И не случайно, что борзые тем меньше проносятся на угонках, чем богаче их мускулатура. Да и для самой скачки, для бросания своего тела на огромные прыжки тоже необходима очень большая сила.

Вот и развивалась, веками нарастала в породе огромная мускульная сила, без которой, конечно, вовсе невозможна была бы схватка нашей псовой борзой с волком, не то что с матерым, но и с нормальным переярком. Да ведь и прибылой волк тоже не какая-то лисица или собака, это зверь, к октябрю набирающий уже немалый вес, немалую мощь; большая сила не помешает борзой. Пусть наша борзая теперь уже не работает по волку, но та сила, которая собиралась в псовой породе для борьбы с волком, есть, пусть она скрытая, и собака пользуется ею на любой охоте.

Но и сама поимка даже такого зверя, как заяц, лисица, сурок и другие, тоже требует силы куда большей, чем при работе легавой, хотя любой охотничьей собаке необходимо обладать силой и сильно развитой и натренированной мускулатурой.

Нестомчивость (неутомимость) — качество, необходимое борзой, с которой охотятся. А приобретается оно постоянной работой, тренировкой. И нет его у борзой со слабой, неразвитой мускулатурой, нет и не может быть, так как слабая борзая не выдержит надлежащей тренировки и перестанет скакать, отстав от лошади или велосипеда, на которых охотник ездит со своей собакой или собаками на тренировки. Может и сильная, хорошо выращенная и натренированная борзая стать стомчивой. Это произойдет, если она долгое время проведет на лежке без охоты, без тренировки по болезни ли, по небрежности ли хозяина.

Если эта собака настоящая борзая, пристрастная к охоте не хуже самого охотника, ее хозяина, то взятая на охоту без соответствующей подготовки, она, завидев в полях побудившегося зверя, рванется за ним со всем азартом и даже, может быть, с присущей ей резвостью. Но, проскакав каких-нибудь сто-полтораста метров, словно бы отупеет — и куда денется ее лихая резвость! Протянется она сколько-нибудь уже тупо, да и вовсе остановится, провожая глазами уходящего зверя.

Борзая, об охоте с которой хозяин не забывает, а в неохотничий сезон помнит о необходимости постоянной тренировки, крепка настолько, что 3 дня изо дня в день готова скакать со всей своей резвостью, со всей жадностью к зверю. Скачет и остается веселой даже к вечеру. Конечно, случаются дни

охоты, особенно перегруженные работой,— то ли часто попадается зверь, то ли обстоятельствами требуются дальние скачки,— но и в трудных условиях хорошо натренированная, нестомчивая борзая способна активно работать на охоте хотя бы 2 дня.

Настойчивость — необходимое качество хорошей борзой. Настойчивость — это упорство в преследовании зверя, сколько бы зверь ни увертывался на угонках, как бы ни старался он отделаться от борзой, становясь невидимым в густых и довольно высоких бурьянах или неубранном свекольнике или иной растительности.

Бывает в полях, что матерый резвый русак, несколько оторвавшись от борзых в сорах, вылетит на шоссе или грейдер с хорошо накатанными гладкими колеями, да став на такую колею, еще наддаст ходу и, пока борзые выскочат из путаных зарослей к этой дороге, он укатит по ней так, что уже чуть виден. Ненастойчивая, в особенности неопытная борзая может тут бросить преследование зайца, очевидно, посчитав его безнадежным. Но по-настоящему настойчивая собака не смутится неблагоприятными обстоятельствами и, выскочив на дорогу, полетит за зверем, на первых порах даже не в силах сократить разрыв. Но потом, когда русак от встречной автомашины метнется опять в поле, такая борзая, не упустив благодаря зоркости этот выигрышный для нее момент, добьется своего и, насев на зайца, измотает его угонками и заловит.

От такой настойчивой борзой уход зверя, конечно, возможен — мало ли что может еще помешать собаке, но это с ней случается нечасто.

Рыск — манера собаки держаться возле охотника. Для этого термина понятного заменителя нет в разговорном языке. Одни борзые во время езды с ними верхом на лошади или хождения пешком постоянно стремятся быть впереди или рядом с охотником (у стремени). Такой рыск называется передним. При таком поведении борзая всегда готова к действию, т. е. к скачке за зверем, так как собаке, бегущей или идущей под рукой, всегда легко указать поднявшегося зверя. Подлинно в переднем рыску, т. е. впереди охотника, борзые могут быть без своры. Но если таких собак приходится брать на свору, они никогда но потянутся назад, а всегда будут проситься вперед и при необходимости быстро передвинутся, например, наперерез замеченному зверю. Они не помешают охотнику сделать маневр, даже если он поскачет галопом. Они никогда не свяжут его, упираясь всеми четырьмя ногами, так как понимают, что зверь где-то впереди. Такие так называемые «рыскучие» борзые, если им не удалось поймать зверя, и он скрылся в кустах балки или в лесу, немедленно возвращаются к охотнику во все ноги и таким образом не оставляют его в неопределенном положении, ведь из-под него может побудиться новый зверь. Это очень важно, особенно если охотник едет (идет) местами,

где рассчитывает травить не одну лису. Да ведь досадно упустить без травли и русака.

Передний рыск присущ породным псовым борзым и обязателен для тазы и тайгана, которые, как правило, сами находят и поднимают зверя. Несомненно, правилен порядок, выработанный охотниками Казахстана, Туркмении и других среднеазиатских республик, требующий, чтобы борзая рыскала впереди. Особенно это важно, когда в охоте участвует беркут.

Передний рыск связан с охотничьей страстью борзой (жадностью к зверю), что лишний раз подчеркивает важное значение этой страсти (жадности). Наиболее характерен передний рыск для борзых с наивысшей резвостью, «наглых», «лихих».

Встречаются, впрочем, и среди очень резвых борзых собаки, не имеющие этого ценного свойства, что может причинять охотнику постоянные неприятности. «Нерыскучие» борзые без своры обычно далеко отстают от охотника, а взятые на нее, тянутся на ошейниках, и их приходится чуть ли не тащить за собой. Зверя им показать трудно, и для них доскачка по зверю, поднятому самим охотником, оказывается более далекой и, разумеется, более трудной. С такими собаками можно ездить лишь шагом или ходить замедленно. А о том, чтобы, пользуясь конем, быстро переместиться, лучше и не думать, а то еще, упираясь, попадут они коню под задние ноги, и он покалечит их вовсе не по злости своей. Подобных собак раньше называли «задними» или «тупыми». В прежние времена в больших комплектных охотах этих «задних» старались не держать и сбывали на сторону.

Злоба — это смелость и готовность к борьбе с хищным зверем. В прежнее время от псовой борзой требовалась очень сильная и грозная злоба для работы по волку. На другие породы в европейской части России это требование не распространялось, так как считалось, что ни хортая, ни крымская и горская борзые (нынешняя южнорусская вислоухая) для охоты на волка не пригодны. Современная злоба русской псовой борзой значительно скромнее, и запросы охотников очень умеренны. Теперь злоба считается достаточной, если борзая (любой российской породы) хорошо берет лисицу. Работа по волку если и бывает теперь, то это случайность. Отдельные собаки русской псовой породы, оказавшись в необходимости как-то противостоять волку, вступают в борьбу с ним и даже небезуспешно, но такие случаи более чем редки, и опираться на них, видеть в них возврат былой злобы и беззаветной отваги былых героев псовых охот не следует.

Между тем, отдельные любители борзых выступают за возрождение охоты с русскими борзыми на волков, вовсе не считаясь с реальностью и не думая о том, как же практически исполнить замысел столь сложный. Злоба к волку тогда была настоящим, могучим качеством русской псовой борзой, когда она была присуща всей породе. И ныне злоба могла бы возродиться, если бы работа над этим возрождением была предпри-

нята во всей породе. Псовая борзая теперь разбросана небольшими группами по множеству областей и городов. А ведь говорится «что город — то норов»: где-то борзятники захотят биться над этим делом, где-то не захотят...

Возродить борзую, злобную к волку, если это было бы необходимо, а значит, и должно, сумели бы советские охотники. Однако нужды в охоте с борзой на волка нет, так как кроме старых надежных способов облавами с применением привады и флажков и других, теперь появились новые, куда более эффективные: с самолета и вертолета, с аэросаней, на вабу[1]. Ну, а если все же заняться обратным привитием злобы целой породе, то нельзя упускать из виду, каких больших денежных затрат это будет стоить.

Приведу пример прежней очень сильной злобы псовой борзой к волку. На садках на злобу 28 октября 1890 г. в Петербурге работала пара русских псовых борзых С. М. Медведева — Любезный и Вихра (обе — собак С. С. Кареева[2]). Когда вели собак, то один из борзятников придерживал Любезного за зад. Причина этого была в том, что Любезный слишком хорошо знал садочную обстановку и, завидев ящик с волком, так тянулся, что хрипел. Чтобы он не задохнулся, борзятник и сдерживал его за зад и не давал рваться вперед.

Волк, посаженный своре Медведева, пошел с места хорошими ногами. Первой подобралась к нему Вихра и подернула его, а спевший сзади Любезный сразу поместился в шиворот и очень эффектно приподнял волка кверху; взяла и сука, но как только навалился охотник, она оторвалась; зато с Любезным пришлось повозиться долго, пока удалось оторвать его от волка... На следующий день Любезный был пущен в одиночку.

Вывели его так же торжественно, как накануне: один борзятник вел на сворке, а другой удерживал за зад... К посаженному волку Любезный спел хорошими ногами. Живо подобравшись к нему, положил зверя, но не удержал (что, конечно, всегда может случиться). Вторично взял по месту и по обыкновению, приподняв волка, стал трепать. Волк был принят. И, конечно, Любезный с трудом расстался со своей добычей.

Вот такие неудержимые в своей злобе к зверю борзые и считались настоящими злобачами. Современные борзые, десятки поколений которых не работали по волку, не смеют броситься на него.

---

[1] В прежние времена ваба (подвывка) была только вспомогательным, хотя и необходимым, средством комплектной псовой охоты, но теперь настоящие мастера-вабильщики применяют вабу как один из способов прямой охоты (подманивание на выстрел).

[2] Борзые кареевские — одни из самых знаменитых в первой половине XIX столетия. Борзятники не говорили «завода Кареева», а вместо этого было принято выражение «собак такого-то» или «собак такой-то (например, першинской) охоты».

В октябре 1962 г. на съемках фильма «Война и мир», где я был консультантом по псовой охоте, были попытки заснять эпизод схватки собак Николая Ростова с волком. Мне удалось предварительно проверить по волку всех тридцать борзых, участвовавших в съемках (почти все московские). Но хотя волк был прибылой, да еще и сострунненный[1], ни одна собака не притронулась к зверю. Все бросались догонять еле бежавшего волчонка (ахиллесово сухожилие одной из его задних ног было перетянуто ремешком).

Но лишь борзая приближалась к волку, тормозила свою скачку, поворачивала на 180° и, приподняв правило, бежала к владельцу. По желанию хозяев собаки пускались на волка и поодиночке, и парами, а к паре подбрасывали другую — ничто не помогало.

А лет 45 назад мне еще пришлось видеть проявление настоящей злобы псовой борзой. В 1939 г. группа московских любителей попыталась проверить работу псовых борзых по волку на территории усадьбы Завидовского охотхозяйства Центрального совета Всеармейского военно-охотничьего общества, которое имело там в клетке двух матерых зверей — волка и волчицу. Всего собралось четыре московских владельца борзых — три со сворами по три собаки и один (точнее, одна — Вера Константиновна Амелунг) — с двумя кобелями. В качестве руководителя и консультанта был приглашен В. С. Мамонтов, судья Всесоюзной категории, имевший до революции комплектную псовую охоту. Приглашен был и я в качестве помощника Всеволода Саввича. Приемщиком был В. В. Красов, бывший борзятник мамонтовской охоты, работавший тогда доезжачим стаи гончих ЦС ВВОО.

Решили сначала, что надо пускать борзых на волчицу, так как она послабее и смирная. Самец-то был не только крупный и сильный, но еще и страшно злобный. Когда кто-нибудь из нас подходил к клетке, волк бросался на сетку (она была из очень толстой проволоки) и вся клетка ходила ходуном. Мне думалось, ну что тут можно сделать? А Красов вошел в клетку через заднюю дверь.

Оба волка отпрянули в дальний угол клетки. Красов стал подходить к волчице, рассчитывая «по-борзятнически» упасть на нее, быстро, сострунить, а затем связать ей ноги. Но стоило только Красову приблизиться кней, матерый понял замысел человека и бросился на защиту волчицы. Оскалясь и рыча, он стал между ней и Красовым, готовый кинуться на человека. После нескольких попыток Красов заявил:

— Всеволод Саввич, разрешите его взять, а ее он никак не даст.

— Бери его, если можешь, — отвечал Мамонтов.

---

[1] Сострунить волка значит, заложив ему в пасть специальную палку (струнку), обвязать его морду ремнем.

Красов попросил помочь ему; надо было жердью, пропустив ее между станинами решетки, загнать материка в угол.

— Вы только позабавьте его, — просил Красов меня и Амелунг. Ну, мы и зажали волка в угол, действуя жердью из-под низа, чтобы не мешать Красову подходить к зверю.

Все произошло мгновенно. Человек упал на волка, сбив его с ног и схватив за уши.

— Войдите скорей, подайте струнку, — попросил Красов. Мы с Амелунг вскочили в клетку, подали струнку, и Красов сразу сунул ее поперек волчьей пасти.

Дальше было просто. Он обмотал и обвязал морду волка ремнем. Мы помогли ему связать попарно ноги.

Я рассказываю здесь о работе Красова, чтобы дать понятие, какой смелостью и каким искусством должны были обладать настоящие борзятники при взятии волка. Не все были такие мастера, как Красов, но все дело знали...

Затем волку перетянули на задней ноге сухожилье над скакательным суставом и оставили длинный ремень, чтобы задержать зверя, если борзые не возьмут его. Положили материка на телегу и вывезли в поле. Там пускали его поочередно всем сворам и паре.

Три своры действовали, как одна. Каждая поначалу бросалась догонять, но едва приспев к волку и почуяв, чем пахнет, все резко задерживали скачку, поворачивали назад и бежали к владельцам, не без гордости приподняв правила.

И только два совсем некрупных кобеля В. К. Амелунг отважно работали по старому волку, в сравнении с которым они казались мелкими, слабыми. Правда, Карай хватал только за гачи, но крепко хватал! А серый первоосенник Рогдай — подчеркну, еле вышедший из щенячьего возраста, — брал лишь по месту и, влепившись как пиявка, волочился за старавшимся уйти волком. Удержать-то был не в силах — один да такого! А ведь сам-то едва еще вступил во второй год жизни! Вот это и была та беззаветная, страстная злоба к зверю, какую рад бы видеть у своих борзых любой охотник-волчатник былых времен.

И не только в 1939 г., но и в 40-х, и начале 50-х годов я видел русских псовых, сохранивших старую злобу и отвагу — единицы! В послевоенные 40-е и в начале 50-х годов удалось организовать проверку борзых саратовских питомников по волку. Впервые пробуя это дело в 1946 г., не приходилось думать о настоящих садках, ибо свободно пущенный зверь мог уйти от собак, и, пожалуй, не удалось бы его поймать в степи и вернуть в клетку.

На первых садках волк пускался сострунённым и с перевязанным сухожилием задней ноги. От этого узла за волком волочилась свора длиной метров семь. Волк, хотя и переярок, был не крупней октябрьского прибылого. А из всех собак двух питомников хорошо брал зверя Коротай (питомник Заготжив-

сырья), да еще хватали более или менее удовлетворительно собаки три-четыре.

Все же первый опыт показал, что в питомниках есть борзые, способные по крайней мере задержать волка. Поэтому в 1947 г. пускали волка (крупного прибылого) несоструненным и без перетяжки сухожилия, а только с ошейником, за которым тащилась веревка длиной метров пять. Это была известная страховка на случай, если приемщику придется брать волка, не взятого собаками. И вот тут показал настоящую работу Кинжал (питомник Заготживсырья), сбивший зверя с ног, поместившийся в глотку и плотно державший его до приемщика. Недурно работал еще Азарт — первоосенник питомника Облпотребсоюза. Коротай, прошлогодний победитель, брал волка неудачно, но не отстал даже тогда, когда волк дал ему хватку. На последующих садках отлично показал себя блесткий по экстерьеру Грозный, внук вывезенной из Германии Фемины. Недурно работали и еще несколько собак, но тут не было надежности.

А что злоба к зверю, так сказать, скрытая, потенциальная живет в русской псовой породе, может подтвердить и такой случай. Мне сообщил о нем охотник Ю. А. Ансеев из г. Прилуки Черниговской области, уроженец Порецкого района Чувашской АССР (бывш. Алатырский уезд Симбирской губернии). Места эти прилегают к бывшим владениям знаменитого в свое время псового охотника П. М. Мачеварианова.

По словам Ю. А. Ансеева, много русских псовых борзых с мачевариановской псарни после помещика попали к жителям окрестных селений. И охота с борзой, прежде недоступная крестьянам, распространилась в Чувашии среди сельских жителей. Борзых здесь стало много. Во время поездки на родину Ю. А. Ансееву довелось узнать о ярком проявлении злобы далекими потомками мачевариановских псовых.

Местный колхозный пастух, горячий охотник, имеющий пару борзых, отправился на охоту полями своей деревни, взяв с собой вопреки обыкновению ружье. Долго не мог он поднять ни зайца, ни лисицы и повернул обратно домой, идя, конечно, другим путем.

Когда он шел полем между рекой Сурой и довольно большим по площади лесом (Анастасовской рощей), то заметил в опушке, в негустом лиственном насаждении какое-то движение. Ему показалось, что бежит там что-то рыжее — ага, лиса! (А кто же еще мог быть там?).

Борзятник поднял перед суки (она была у него главной работницей) вровень со своим плечом и стал показывать ей зверя. Она тихонько заскулила, значит, пометила. Охотник опустил ее наземь. Она резво поскалала к зверю, за ней помчался и кобель.

Очень быстро собаки настигли зверя и бросились на него. За дальностью расстояния охотник так и не мог разглядеть зверя; да и чего разглядывать — ясное дело лиса!

Но что же это? Собаки никак не могут справиться со зверем! А ведь с лисой у них расчет мгновенный. Зверь-то, должно быть, никакая не лисица! И охотник со всех ног побежал к схватке. И вот увидел он: шерсть летит, кругом набрызгано кровью! Грызня, рычанье, рев! Но борзым никак не растянуть зверя!

Набежав вплотную, охотник понял: да это же рысь, и крупная! Схватил он с плеча ружье и, уловив момент, как бы не попасть в собаку, одним выстрелом прикончил зверя (это был крупный, матерый кот). У суки оказалось распоротым брюхо, видны были кишки; и еще было несколько больших и малых ран. Кобеля зверь тоже сильно изранил, но он еще мог идти самостоятельно. Суку пришлось охотнику нести на руках. Нелегкое дело нести такую большую собаку — и весит она немало, и, главное уж очень неудобно. Все же человек донес свою трудную, но дорогую ношу. В деревне он сразу же взял колхозную лошадь и на ней отвез собак в районный центр — село Порецкое. Ветеринарный врач тотчас сделал им необходимые операции и перевязки, и немало дней пришлось ему лечить собак. Обе собаки поправились и снова стали работать на охоте.

Эта борьба со страшным зверем, вооруженным не только сильными и острыми зубами, но еще и длинными, мощными когтями, бесспорно, свидетельствует о незаурядной злобе борзых. Израненные, истекающие кровью, они готовы были насмерть биться с противником, пожалуй, не менее опасным, чем крупный волк. У этих борзых сохранилась и знаменитая злоба к зверю их славных предков, и беззаветная отвага. Встреча с рысью, зверем больших и глухих лесов, конечно, редчайший случай и не может служить основанием для утверждений о необходимости восстановления всех былых качеств русской псовой борзой и об охоте с ней на волков (говоря о породе в целом).

Другое дело — злоба к волку при добыче его с тазами и тайганами. Эти породы всегда работали по волку (правда, больше с беркутом), и снимать с них эту обязанность не следует. Наоборот, нужно бы ради укрепления ценного качества устраивать испытания по подсадному зверю (садки) и организовывать, даже строить, огороженные площадки для таких садок. Приходится указать, что правила таких садок, предложенные в 1980 г., годны лишь для псовых борзых, а для среднеазиатских нужны другие с учетом совсем иных приемов работы по волку тазы и тайгана.

Вежливость — это спокойное отношение борзой к скоту и домашней птице. Стремление гоняться за всякой живностью свойственно щенкам всех охотничьих пород. Легче всего отучаются от этого баловства легавые и спаниели, хотя бы по одному тому, что они находятся в постоянном общении с хозяином, с людьми, и любые их попытки гонять кур или овец сразу же замечаются и так или иначе пресекаются. Встречаются

щенки, которые даже без всякой «науки», по собственной инициативе ведут себя с овцами и курами деликатно.

Один мой спаниель еще в возрасте 5—6 месяцев полюбил встречи с овцами. Когда стадо пригоняли и еще некоторое время небольшие группы овец бродили по деревне, этот спаниель, заметив кучку овец, бредущих посередине деревенской улицы, выходил им навстречу, ложился на дороге и ждал. Овцы подходили вплотную, и какая-нибудь из них постарше, посмелее, а, может быть, полюбознательнее, протягивала морду к спаниелю, и тот принимался тщательно облизывать ее... С легавыми и спаниелями справиться нетрудно, да они и мало опасны.

Другое дело борзая. Если она смолоду набаловалась гонять овец, то повзрослев станет хватать, ловить их, а при силе ее челюстных мускулов и зубах настоящего хищника ей ничего не стоит задушить овцу. А если, раз-другой испытав эту забаву, борзая возьмется скотинничать при всяком удобном случае, забава превратится в страшный порок, и подавить эту ужасную привычку будет невозможно даже с помощью самых крайних, чрезвычайных мер.

Борзые сельских охотников со щенячьего возраста привыкают к скоту и птице. Да если деревенская собака попробует гоняться за телятами, овцами, курами, гусями, ей так попадает от хозяина или случайного свидетеля, что щенок после одного-двух уроков потеряет вкус к такой гоньбе. Поэтому среди деревенских борзых скотинников нет.

Особенно подвержены опасности заразиться пороком скотинничества борзые городских любителей. Тут необходимы специальные поездки в сельские местности: в деревни, в поля, где пасутся стада. При таких поездках охотник сперва водит свою молодую собаку на удлиненной сворке, показывает ей скот и при попытках собаки броситься к животным, резко одергивает и кричит «отрыщ» или «назад», или «нельзя». По мере того, как борзая усвоит запрет бросаться за скотиной или курами, ее можно отпускать, не отстегивая длинной сворки от ошейника, чтобы легче было при необходимости поймать собаку. И как любой элемент обучения собаки требует повторения, так и в этом случае нужно несколькими уроками довести борзую до того, чтобы она ходила без сворки мимо стада или птицы на сельской улице, не обращая внимания на домашних животных (даже кошек, так как и из-за них могут быть неприятности!).

В понятие вежливости входит еще и поведение борзой с пойманным зверем. Она не только не должна рвать или хотя бы мять пойманного зайца или лисицу, но обязана лечь около задушенного ею зверя и ждать охотника. С одной стороны, так достигается охрана добычи, а с другой — по собаке легче пешему охотнику найти пойманного зверя в густых травах, бурьяне и т. п.

Если по каким-либо причинам дело дошло до крайности, и борзая фактически сделалась неисправимым, страшным скотин-

ником, жалеть такого зверя не приходится и надо испробовать последнюю, небезопасную для собаки меру.

Приготовив в ближнем поле или перелеске овцу, наводят на нее скотинника как бы случайно. На собаке остается ошейник со своркой, чтобы ее было легче поймать. Пусть борзая нападает на животное, его нужно тут же быстро отнять. Затем, связав собаке ноги и надев на щипец намордник или сострунив борзую, следует положить ее на землю. Поймав овцу, провести ее через скотинника так, чтобы она толкала врага, топтала, а хорошо бы и боднула.

Пусть собаке будет больно и страшно из-за своего бессилия (конечно, следует по возможности оберегать собаку от тяжелых ушибов и травм). Известно несколько подобных случаев «лечения» скотинничества, и каждый раз одного такого урока бывало достаточно для полного исцеления. При этом ни разу собака не получала заметного вреда для своего здоровья [1].

Мастерство или сметливость необходимы для хорошей борзой. Среди неспециалистов, знакомых с борзой только в чужих руках, бытует мнение, что борзая «глупее других собак», что она вообще не умна. Подобное мнение следует считать выдумкой. Людям, хорошо знающим борзых, известно, насколько деликатна бывает борзая в обществе людей, как она привязана к хозяину, как ласкается к нему и как готова защищать его при необходимости. Эти черты уже свидетельствуют об уме борзой собаки. А сколько ума проявляет борзая в разных сложных случаях! И на охоте не так уж редко приходится наблюдать ее сметку, какую-то удивительную и необъяснимую интуицию. Например, к мастерству или сметливости следует отнести умение борзых мгновенно «угадать», как ей сократить расстояние до зверя, если впереди появляется, например, автомашина на шоссе и т. п., что должно заставить его изменить направление своего бега. Борзая, обладающая мастерством, как бы интуитивно угадывает, вправо или влево повернет зверь и бросается срезать дугу еще до его поворота.

Мне пришлось видеть, как борзая на некороткой доскачке, видя впереди полосу лесопосадок, заранее помчалась к ее правому концу, словно не обращая внимание на зверя и как будто зная, что он нырнет в посадку и, повернув внутри нее, выскочит в поле именно около правого конца. И русак выскочил в поле там, где ей было нужно.

Вот еще случай. На испытаниях борзых в Ульяновской области русак, не дав борзым догнать себя, успел нырнуть в неширокую полосу не очень крупного бурьяна. Псовая сука, скакавшая впереди других собак своры, скрылась в сорах вслед за русаком. И вдруг борзятники, наблюдавшие эту работу

---

[1] По поводу этого способа автор данной книги консультировался в «Уголке Дурова», и там отнеслись к нему с одобрением (есть письменное заключение).

борзых, зашумели: «Вон она — Вьюга-то! Вон она!» Сука вспрыгнула над бурьяном и, заметив на прыжке шевеление бурьяна, выскочила из соров точно там, где ушел на чистое русак, увидела его, быстро достала и дала ему хорошую угонку, а другие собаки замешкались в бурьяне, не сумев проследить ход зверя (чутьем они, разумеется, не пользовались, так как все были русские псовые, для которых пользование чутьем — только тормоз, неизбежное снижение резвости, а значит, серьезная помеха в ловле).

Чутье используют при погоне за зверем среднеазиатские борзые — тазы и тайганы. На территории Казахстана и Киргизии грунт, растительность, да и все условия совсем не те, что на русских полях; не тот, конечно, и зверь. А особенно нужно чутье тазе или тайгану, когда они сотрудничают с беркутом. Тогда их дело прежде всего разыскать зверя по следу, заставить его вскочить и тем самым подставить под удар беркута. «Беркутчи» — охотники с беркутом — добывают множество зверей, если имеют чутьистую тазу. Она, конечно, в соответствующем случае и сама ловит зверя, но львиная доля добычи — дело птицы.

В старину для русской псовой борзой пользование чутьем считалось пороком. О такой собаке борзятники с презрением говорили: «Смрадничает!» Да и для других пород борзых европейской части России пользование чутьем было не характерно, и, безусловно, нежелательно. И объясняется это просто: борзая, занимавшаяся розыском зверя, разнюхивая его следы, почти всегда упускает момент подъема зверя и неизбежно проигрывает в травле, а то и вовсе не увидит зверя.

ВЕДЕНИЕ ПОРОДЫ

Ведение породы — это, собственно, результат племенных действий и соображений для получения от имеющейся суки наилучшего потомства. Первое и важнейшее дело в ведении породы — подбор производителей, т. е. подбор наиболее подходящего кобеля для данной суки, достижение того, чтобы не только подбираемый производитель был особенно хорош, но чтобы оба производителя — кобель и сука — наиболее подходили друг к другу и можно было ожидать, что потомство превзойдет родителей.

Подбор производителей. При подборе производителей руководствуются тремя категориями соображений: о происхождении обоих производителей (по родословным); о качестве их экстерьера, об охотничьих качествах каждого члена пары.

Подбор по происхождению заключается в изучении родословных, в выяснении степени родства подбираемых производителей, если в родословных оказываются общие предки, затем выясняется наличие среди предков выдающихся собак, особенно если они были надежно проверенными, отличными производи-

телями. И, наоборот, устанавливается участие в родословных подбираемой пары собак нежелательных, известных передачей в потомство некоторых отрицательных черт и качеств. Особое внимание при этом уделяют тому, нет ли у кандидата для вязки недостатков, подобных тем, которые были у предков подбираемой пары.

Подбор производителей по всем показателям среди пород борзых, разводимых в СССР, возможен только для породы русской псовой борзой, так как только в этой породе родословные ведутся издавна, и собаки, принадлежащие к этой породе, имеют твердо установленное и проверенное происхождение. Почти все они имеют оценки экстерьера на выставках и выводках. Кроме того, большой процент собак этой породы участвует в полевых испытаниях и имеет полевые дипломы.

Борзые афганской породы в большинстве имеют установленное происхождение и оценки экстерьера на выставках, но подбор по рабочим качествам в этой породе невозможен, так как полевые дипломы здесь пока большая редкость.

Хортая — это достаточно твердо определившаяся порода. Хортые борзые нередко имеют высокие оценки экстерьера и работы, но родословные в этой породе только еще начинают формироваться, и поэтому подбор по родословным у хортых пока исключен. Здесь можно до некоторой степени опираться лишь, так сказать, на «устные родословные», на личное знание охотниками родителей того или иного производителя, реже на знание его дедов и бабок, а дальше этого второго поколения предков, как правило, уже ничего не узнаешь.

О планомерном подборе производителей для пород тазы и тайгана пока думать не приходится, так как в Казахстане, Узбекистане и Киргизии регистрации борзых в широком масштабе пока нет, а на выставках и выводках бывают единицы этих пород.

Следует оговориться, что совсем недавно — каких-нибудь 15—20 лет назад, несмотря на уже существовавшие установки в племенной работе и, в частности, на обязательность подчинения московских владельцев русских борзых плану вязок, составленному на каждый год руководством (бюро) секции любителей борзых, было немало нарушений.

Некоторые владельцы производителей-кобелей, пользуясь их успехами на выставках и испытаниях, а также вообще малым числом «конкурентов», вязали этих кобелей со всеми суками, чьи владельцы обращались к ним, не считаясь ни с планом вязок, ни со степенью родства их кобелей с приводимыми к ним суками.

Они довели московскую группу псовых до крайней степени инбридинга, до явлений настоящего вырождения. Я помню, например, молодую суку, вполне хорошую по экстерьеру, с прекрасными темными глазами, из которых... видел только один, а другой, внешне безупречный, был совершенно слеп. Среди мно-

гих случаев вырождения помню рождение шестиногого щенка, рождение щенка без ушных щелей...

При современном росте численности псовой породы и ее все большем географическом распространении есть теперь у нас пункты с малочисленными группами псовых. За такими группами нужен особенно строгий надзор областных кинологических секций, чтобы и тут не возникло вырождения из-за трудности поездки с сукой к иногороднему производителю, чтобы избежать слишком родственной вязки. Проверив производителя со стороны родословной, владелец суки, конечно, не с безразличием осматривает его. Правильность сложения и породность, подчеркнутая красивым экстерьером, разумеется, привлекает заводчика (владельца суки), но вряд ли можно запросто найти кобеля без недостатков экстерьера. С некоторыми можно мириться, например с некрасивым окрасом псовины, с легкой грубоватостью головы, с немного светловатым глазом и т. п. Важно только (и это следовало бы считать обязательным правилом подбора производителей), чтобы недостатки кобеля не повторялись у суки. Например, суке, отличной по всем статям, кроме сильно сваленного правила, нужно подыскать в пару кобеля с беспорочным правилом, прощая ему какие-то недостатки, отсутствующие у суки.

У псовых охотников XIX столетия были свои вкусы и убеждения в том, каковы должны быть производитель и производительница, причем иногда совершенно неправильные. Например, такой авторитет, как Ермолов, считал, что псовая сука должна быть прямостепой, скамьистой, т. е. без той «напружины», которая характерна для нестарой русской псовой борзой суки и наличие которой безоговорочно требует современный стандарт. Прямостепость теперь считается серьезным недостатком, считается даже признаком слишком значительного постарения. От обоих производителей и, пожалуй, особенно от кобеля требуется абсолютная правильность ног. При осмотре спереди и сзади нужна их полная прямизна, чтобы не было ни намека на кривизну передних, ни хотя бы в незначительной степени сближения скакательных суставов задних (коровина). И особенно строго надо требовать от производителя развития мускулатуры, как бы даже бугристой.

Подбор по полевым качествам облегчают дипломы на полевых испытаниях. Однако из-за того, что данный кобель сам не имеет полевых дипломов, его не обязательно браковать. Если его родители имеют дипломы, да еще высоких степеней, это вполне может рекомендовать данного кобеля со стороны полевой работы. Если же вдобавок среди его дедов, бабок и прадедов, прабабок были выдающиеся работники, то тут и думать нечего. Такой кобель по своим предкам (по крови) — ценный производитель.

Правда, по существующим правилам племенной работы для включения в план вязок сам кобель должен иметь полевые дип-

ломы (или один высокой степени), но здесь имеется в виду использование бездипломного производителя там, где борзых данной породы мало, и полевые испытания не производятся.

Н. Н. Челищев в своей книге «Борзая» дает список недостатков, которые порочат русского псового производителя и заставляют избегать его использования в породе. Среди них есть действительно важные дефекты, опасные в смысле возможной порчи породы, но есть и такие, из-за которых в настоящее время не бракуются производители. К первым относятся искривление, хотя бы и незначительное, ног, прямизна задних ног в скакательном суставе (прямозадость), грубая или жесткая псовина, прилобь. Все это либо указывает на нечистопородность борзой любой породы, либо отрицательно влияет на резвость. Такие недостатки, как круглая лапа у псового кобеля или сваленное правило, разумеется, не прощаются, если они выражены в сильной степени. Однако при этом мы вынуждены относиться снисходительно к кругловатой лапе и небезобразно сваленному правилу, так как собак с этими чертами среди современных псовых борзых слишком много. Сваленное правило порочит не только псовую, но и любую борзую.

Что касается суки, так ведь и не от всякой стоит брать щенков. Такие пороки, как кривизна передних ног, прямозадость и коровина задних, резко порочат борзую. Равным образом спина, хотя бы и немного провислая, тоже отрицательно характеризует суку как производительницу, указывая на слабое сложение, общую слабость организма (только суку тазу не бракуют из-за переслежины, так как она свойственна породе).

Пустовка. Пустовка, или «охота», у суки начинается с появления «краски», т. е. с появления первой кровянистой капли, выделяющейся из полового органа. В дальнейшем это явление усиливается и продолжается около 10 дней довольно интенсивно, потом почти прекращается, появляясь лишь в отдельные дни. Нормальная общая продолжительность пустовки 23 дня, в том числе способность повязаться с кобелем 13—15 дней, начиная с 9—11 дня, но бывают и отступления от этого срока. Я знал совершенно здоровую и неоднократно щенившуюся суку, у которой в случае отдержки после 18 дней от начала пустовки охота (способность к вязке) сразу обрывалась.

Обычно суки пустуют дважды в год. Среди русских псовых борзых нередки суки, пустующие только 1 раз в году и даже 1 раз в 2 года. Но подобные слишком редкие пустовки не отражаются на ходе щенности и самом щенении.

Вязка. Наилучшим моментом для вязки справедливо считается 11-й день от начала пустовки, но вязка бывает возможна на 10-й и даже 9-й день. Придя в полную охоту, в полную готовность к вязке, сука способна вязаться до конца пустовки, только вязка в поздние сроки у суки в расцете сил может оказаться безрезультатной или дать одного-двух щенков.

Сколько раз вязать? Заводчики старого времени, такие как

Челищев, Ермолов, Розен и другие, считали необходимым вязать собак трижды по одному разу в день, а всего, значит, выделять для вязки 3 дня. Наши предшественники действовали на основании опыта и имели для занятий собаководством неограниченное время. Мы теперь более скупы на трату времени, и у нас считается достаточным повязать собак два раза. Немало бывает и одноразовых вязок, дающих вполне нормальный результат.

Вязаться собакам лучше всего натощак — это общеизвестно, так же как и то, что лишь только произойдет склещивание, следует снять перед кобеля с суки, перекинуть его заднюю ногу через зад суки, чтобы он стоял на всех четырех ногах, находящихся по одну сторону от суки. Чтобы собаки не тянулись в разные стороны, на них следует надеть смычок (парный ошейник, соединенный цепочкой в три-четыре звена). Состояние собак в положении вязки длится от 10—15 мин до часа, и тут владельцы собак должны проявить терпение и обеспечивать собакам покой до тех пор, пока они сами не разойдутся.

После вязки кобеля и суку нужно развести по разным помещениям, предоставить покой, потом поднять и вывести обоих порознь в разные стороны на прогулку. Через полчаса-час можно собак покормить, конечно, порознь.

Время года, желательное для вязки, — зима, чтобы щенки родились к весне, подросли и набрались сил в теплое летнее время. Таким образом, они будут способны легко перенести и осенние непогоды и зимнюю стужу, а мать, откормив их, перелиняв и оправившись от нелегкого дела рождения и выкормки щенков, будет готова к работе на осенней охоте.

Подготовка к вязке заключается в приведении обоих производителей в рабочее тело, т. е., если собаки жирны, надо согнать с них жир усиленными тренировками или охотой, а если слишком худы — подкормить.

После вязки с кобелем можно охотиться в любое время. Суку во все время пустовки брать на охоту нельзя, чтобы не получить ее помет от случайного кобеля, может быть даже и не борзого. Если сука через неделю после вязки не допускает того же кобеля, с кем повязана, то ей можно поскакать на легкой охоте без перенапряжения, но не более 2 недель после вязки. Первая в жизни суки пустовка наступает обычно, когда ей всего 10 месяцев. В эту пустовку суку не вяжут, так как она еще не вполне сложилась. Первая вязка, первая щенность рекомендуются, когда ей около 2 лет.

Щенность. В период щенности в псарнях помещичьих охот стремились дать суке по возможности полную свободу, чтобы она не залеживалась, чтобы она побольше была в движении, хотя бы и ограниченном. И это было правильно, так как у суки, запертой в помещении, лежащей и только лежащей, роды нередко бывают трудными, тяжелыми. Щенной суке порядочные проводки еще более нужны, чем нещенной. С этим необходимо считаться, сокращая их по мере приближения срока щенения.

Щенность продолжается 62—63 дня, но нередки отступления от этого срока. Бывают суки, перенашивающие щенков каждый раз 5—6 дней, или наоборот, недонашивающие дня 2—3. Если у охотника всего одна собака и живет она с ним в его квартире, хозяин обычно отводит ей место в каком-нибудь тихом углу. Там, на привычном месте ей и следует щениться. Если она от природы нервна, то надо стараться поменьше бывать в той комнате, где ее место. Для наибольшего спокойствия роженицы лучше на период щенения и выкармливания сукой щенков отгородить ее ширмой или какой-нибудь мебелью, например диваном с высокой спинкой и т. п. Подстилка здесь — какой-нибудь чистый, но жесткий коврик, чтобы сука не могла его комкать.

Если у охотника несколько борзых и он держит их в общем загоне или вольере, то ценную суку, убедившись в ее щенности, он помещает в особом хлевке или закуте, в стороне от общего загона. В этом отдельном помещении суке обеспечен покой, да и чистота, конечно, полная. В таком закуте кроме двери должно быть и окно для света и проветривания помещения. Пол в родильном закуте лучше всего земляной, а подстилка — часто сменяемая солома.

Щенение, щенки. Близость щенения обычно нетрудно определить. В основном сигналом служит отказ щенной суки от еды. В большинстве случаев это происходит за сутки до щенения. Наступление момента щенения указывают потуги, у некоторых сук сопровождающиеся подвыванием, что вовсе не следует считать признаком тяжелых родов. Настоящая тревога возникает, если потуги, то усиливаясь, то ослабевая, идут уже целый час, а первый щенок все не рождается.

Вот тут наши современные приемы резко расходятся с правилами дореволюционных авторитетов собаководства. И Губин, и Розен, и Челищев, и другие требовали, чтобы во время щенения к суке никто не входил, чтобы ее не нервировать. А возникающее у суки беспокойство, тревога может, мол, дурно повлиять на ход щенения и даже погубить всех щенков. Это, очевидно, было правильно в условиях псарни, когда у собак не было такой дружбы с хозяином, как теперь, не было такой привычки к нему и членам его семьи.

Современные условия диктуют иное. Теперь следует считать необходимым присутствие при щенении владельца суки или кого-то из его семьи, с кем сука в наибольшей дружбе, чтобы следить за правильностью родов и по возможности выправить положение, если что не так.

А нормальный ход таков. После потуг, продолжающихся иногда до получаса, рождается щенок, мать разрывает «рубашку», если она еще не разорвалась сама, съедает ее и весь послед, и по окончании щенения никаких остатков совершенно нет.

Но случается, дело идет не так просто. После нормальных потуг высунулись задние ножки и хвост щенка, высунулись и

остановились, и новые сильнейшие потуги не могут вытолкнуть щенка. Если суке сразу же не помочь, начнется отек влагалища, щенку еще трудней будет освободиться, да и следующим щенкам сузившийся канал станет затруднять выход. Стоит хоть немного задержаться еще одному щенку, отек еще усилится, и в конце концов нормальный выход щенка станет невозможным, и неразродившаяся сука погибнет, если не удастся срочно вызвать ветврача.

А выход — простой. Вымыв начисто руки, владелец суки аккуратно вводит указательный и средний пальцы правой руки во влагалище со стороны брюшка застрявшего щенка и, нащупав бедра щенка, подводит пальцы в его паха и осторожно, без рывков, вытягивает злополучного щенка, который и застрял-то, вероятно, потому, что пошел не головой вперед, а задом.

Если щенение идет по всем правилам природы, то щенок за щенком являются друг за другом минут через 20—30. Если щенков много, не меньше шести-семи, в середине щенения бывает перерыв примерно на час (не потому ли, что из двурогой матки суки сперва освобождается один рог, а потом другой?).

Если щенение проходит правильно, и щенки родятся здоровыми, то они принимаются за соски матери, лишь только она их оближет, а некоторые даже не дожидаются конца этой процедуры.

Когда щенков в помете много, тем более нужно присматривать за щенением, особенно, если щенки идут друг за другом быстро. Тут даже опытная, непервородящая сука может задавить часть щенков. Хорошо в таких случаях отобрать у суки несколько щенков незаметно для нее и уложить их в корзинку с мягкой подстилкой, а если в квартире прохладно, то и с одеяльцем. Затем по мере появления новых щенков следует класть их в корзинку, подкладывая к матери тех, которые уже побыли там и проголодались. Нужно, чтобы у матери все время было 2—4 щенка. Они не дают ей беспокоиться и в то же время не мешают производить новых.

В месячном возрасте щенков необходимо проглистогонить.

Ведение породы — это воспроизводство и даже количественное увеличение ее. Мало этого. В разведении породы собак (да и любых домашних животных) есть и еще одна важная цель — улучшение породы. Удается оно или нет, но цель живет и зовет. С нею связан и выбор щенков для дальнейшего содержания породы, пользования ею. И, конечно, выбирая в помете щенка для себя, хозяин этого помета стремится выбрать такого, какой и по экстерьеру, и по работе превзойдет родителей.

Когда знакомишься с рекомендациями былых владельцев комплектных псовых охот, удивляешься. Там выбирали щенков в первые же дни их жизни и главным было выбрать самых сильных, самых здоровых и жизнеспособных, как будто такие щенки и будут обладателями наилучших охотничьих качеств.

Если человек выбирает щенка по окрасу (а ведь для всех наших пород борзых характерно разнообразие окрасов), тут спорить не стоит. Но против отбора и выбора щенков по их размерам и силе с предпочтением самых больших и сильных, да еще когда делается это в первые неделю-две, — возражения серьезные. Ведь щенок самый сильный физически может оказаться тупицей без настоящей резвости и злобы к зверю. Так не лучше ли, не надежней ли выбрать щенка самого шустрого, живого, игривого?

Вот мать накормила трехнедельных детей и все они улеглись спать — куча мала. То ли раздастся звонок у входной двери, то ли телевизор повысит голос, то ли кто-то войдет к щенкам — вдруг, словно выброшенный какой-то пружиной из спящей кучи выскакивает щенок, вслушивается, оглядывается и, убедившись, что ничего особенного не случилось, отправляется к братьям и сестрам досыпать. Конечно, ручаться за его резвость в будущем нельзя, но его быстрая и точная реакция на какое-то внешнее явление наверняка обещает большую сообразительность, замечательную зоркость, изворотливость и другие качества. Возможно, не в каждом помете найдется такой выдающийся щенок, но если он объявился, выбравший его не будет в накладе.

Остается сказать еще об особых случаях вязки, щенения, выкармливания щенков. Прежде всего об ожирении суки. Если она залеживается и при этом жадна на корм (народное слово — «солоща»), то она может зажиреть чрезмерно. Пустовка пойдет нормально, вязка состоится хорошо, но сука чаще всего остается пустой.

Ко мне обращались за советом «с кем вязать» еще в самом начале пустовки. И, увидев непомерное ожирение, я сразу сказал: «Ни с кем. Сгоните с вашей суки сало, тогда и повяжете». Я это знал по книгам, разговорам с опытными собаководами. А тут пришлось увидеть все самому. Оба владельца производителей оказались слишком упрямы. Не поверили мне и повязали собак, конечно, впустую.

Еще обстоятельство, к счастью, довольно редкое. Роды нормальные, сука заботлива, а щенки пищат и пищат — значит, голодны, значит мать у них не молочная. Если сука щенилась первый раз, то владелец не мог предусмотреть эту беду. Ну и придется подкармливать щенков кипяченым и теплым коровьим молоком. Конечно, дело это канительное, суетное и в прежних комплектных охотах решалось просто: половину щенков уничтожить! Но теперь так не делается, и щенки отлично поднимаются наполовину на материнском, наполовину на коровьем молоке. Зная особенность своей суки, к следующему щенению охотник подыщет кормилицу — щенную суку любой породы, щенков которой можно раздать еще слепыми.

И еще одно нелегкое обстоятельство. Вот как о нем писал Н. Н. Челищев: «Бывало, что некоторые суки, особенно очень злобные, поедали своих щенков немедленно по их рождении!

Ничего не сделаешь с сукой первородящей, но на следующий год надо охотнику присутствовать при щенении и на первое время отбирать щенков в корзину с мягкой подстилкой... отбирать всех до последнего и, закрыв сверху чем-нибудь теплым, унести из помещения суки. Через час или два можно щенков подложить под суку, предварительно сострунив ее... Держать под сукой надо до тех пор, пока наедятся и смолкнут, а затем унести».

Так надо поступать 2—3 дня, а потом можно смело оставить щенков под сукой. Она их не тронет и начнет ухаживать за ними.

СОДЕРЖАНИЕ, УХОД, ТРЕНИРОВКА

Щенки. Заботы о содержании собак начинаются со щенков. Когда борзая сука щенилась в комплектной охоте помещика, первым вставал вопрос, всех ли родившихся щенков оставлять, или произвести сокращение. Если производительница принесла 3—5 щенков, не требовалось уменьшать их количество. Точно так же оставляли на выкормку всех щенков, если их мать, и, может быть, еще и отец, по работе своей и происхождению считались особенно ценными, сумели выделиться резвостью или злобой, а то оказались отличными производителями. Если весь помет мать не могла выкормить (слишком много щенков или просто она была немолочной), владелец охоты старался достать, по возможности, одновременно щенившуюся суку, пусть беспородную, но заведомо богатую молоком, чтобы использовать ее в качестве кормилицы.

Заводчики прежних времен старались держать отобранных щенков под матерью месяцев до двух, справедливо считая, что для хорошего роста сильного и бойкого щенка нет ничего лучшего, чем материнское молоко.

В условиях конца XX столетия оставлять щенков при матери до 2-месячного возраста трудно. Содержание таких щенков невозможно в благоустроенной квартире в городе и даже на селе (в совхозах и колхозах), где жилища работников сельского хозяйства по чистоте и обстановке равны квартирам жителей города нельзя держать подростков под матерью слишком долго. Теперь стало повсеместным и обязательным в месячном возрасте распределять щенков и раздавать их новым хозяевам. Также вышло теперь из обихода и уничтожение части щенков, чтобы оставленные питались более полноценно и имели наилучшие условия для роста. Для борзых, от которых требуется напряженнейшая физическая работа, выращивание сильного молодняка важнее, чем для любых других охотничьих пород. Уничтожать щенков русской псовой борзой, которая долгое время была у нас малочисленна. недопустимо. Если нельзя достать кормилицу, то большой помет нужно подкармливать теплым коровьим молоком.

Особенно важен вопрос о сохранении щенков тазы и тайгана. Нельзя уничтожать всех родившихся сучек, чтобы не сдерживать рост породы. Необходимо в Казахстане и Киргизии наладить учет местных борзых и строго следить за сохранением родившихся щенков. Нужно вместе с тем ввести поощрение хороших заводчиков и, наоборот, уничтожающих сучек лишать права на охоту.

При выращивании щенков необходимо внимательно следить за их ростом и состоянием. Во-первых, нужно полноценное и правильное кормление: 2-месячных кормят 6 раз в день, 3—4-месячных — 5 раз, до 6 месяцев — 4 раза; в 6—8 месяцев кормят 3—4 раза, затем до 11—12 месяцев — 3 раза. Годовалый молодняк приравнивается к взрослым борзым и кормится 2 раза в день.

Корм щенкам должен быть свежий и питательный: молоко, каша, овощи (желательно сырые) и обязательно мясо сырое: маленьким в виде фарша, а когда подрастут (до 4—5 месяцев) — рубленное на мелкие кусочки; с 8—9 месяцев можно молодым собакам давать и целые куски мяса даже с костями, только не мелкими, не такими, какие щенок может проглотить[1].

Главное правило кормления щенков — не перекармливать, а кормить несколько впроголодь, чтобы не привыкли подолгу спать, а были подвижны и игривы. Относительно норм корма для охотничьих собак есть немало указаний в специальной литературе, есть тщательно рассчитанные в граммах нормы по отдельным частям корма и по месяцам жизни щенка (табл. 1).

Подобные расчеты применимы в питомниках для более или менее значительных групп собак, а в практике охотника-спортсмена для одного-двух щенков, которые растут у него, он никакими расчетами и весами не пользуется, а большее или меньшее количество корма дает и по наличию продуктов у него, и по тому, как ведут себя его щенки — голодно ли им или, наоборот, переедают. Охотник регулирует кормление по тем результатам, которые видит. Нередко подрастающему молодняку дают остатки со стола семьи. Это допустимо, лишь бы не было пересола и острых приправ (перец, лавровый лист, уксус).

До года щенков желательно держать на полной свободе, чтобы они как можно больше бегали и играли, что очень помогает их нормальному развитию. А если нельзя дать им такую свободу, то нужно стараться как можно больше гулять с ними, по возможности ездить с ними за город и там пускать на волю, конечно, в стороне от селений и стад (за исключением специальных поездок для ознакомления с домашними животными).

---

[1] Чье мясо, какого животного неважно. Известный пойнтерист-кинолог А. А. Чумаков рекомендовал стрелять для щенков ворон и, выпотрошив, пропускал сырые тушки через мясорубку, которая размалывала и птичьи кости.

1. Суточные нормы кормов в граммах (по Шерешевскому [12])

Возраст собаки	Мясо или рыба	Хлеб, крупа	Овощи	Молоко	Животные жиры	Соль	Костяная мук	Число кормлений в день
Месяц								
1—2	200 или 300	200	100	500	10	10	10	6
2—3	250 или 375	250	150	500	10	10	10	5
3—4	300 или 450	300	200	500	15	10	10	4
4—6	350 или 525	400	300	500	20	15	10	4
6—8	375 или 460	450	350	300	20	15	15	3
8—12	400 или 600	500	400	300	20	15	15	3
Старше года	400 или 600	400	400	250	15	15	15	2

С самого раннего возраста щенков нужно держать в чистоте. Однако мыть их с мылом часто не следует, так как это может неблагоприятно сказаться на развитии псовины. Мыть рекомендуется 1 раз в 2—3 месяца. Щенков русской псовой породы необходимо ежедневно расчесывать, что содействует росту шерсти и сохраняет ее особые качества.

Такой же уход за псовиной нужен и для щенков афганской породы. Щенки хортой породы в расчесывании не нуждаются, а щенки тазы, тайгана, южнорусской борзой требуют ухода за шерстью по мере развития уборной псовины. Псовые щенки к четырем месяцам при хорошем уходе обычно перелинивают, сбрасывают щенячью шерсть, и на них нарастает настоящая псовина. Тут необходимо ежедневное вычесывание нечастым металлическим гребнем. Чесать нужно не только молодых собак, но и старых, каждый день: на спине, шее и боках — против шерсти, а на бедрах, ребрах (внизу) и задних сторонах передних ног — по шерсти. Вычесывание и вообще уход за псовиной русских псовых борзых необходимы, так как шерсть для этой породы — один из важнейших элементов экстерьера. Она должна быть не только достаточно густой, но и мягкой, шелковистой и «вилой», т. е. волнистой вплоть до крупного завитка (мелкий завиток нежелателен).

У тазы, тайгана и южнорусской борзой, одетых в общем небогато, следует вычесывать уборную псовину на ушах, правиле и задних сторонах ног. Если щенки живут всю зиму на воле, то мыть их не требуется, так как, играя и катаясь по снегу, они тем самым очищают свою шерсть.

Воспитание, высворка, обучение. Общие для щенков всех охотничьих пород правила выращивания (не перекармливать, кормить почаще и полноценными кормами, предоставлять моцион и т. д.) для борзых имеют особенно большое значение. Правильное физическое развитие решает судьбу борзой. Борзая даже только со следами рахита для охоты не годна.

Курс наук для щенка начинается с приучения к кличке при кормлении. Приучать щенка к дисциплине следует с 2-месячного возраста. Перед кормом нужно удерживать его, приговаривая «отрыщ» (нельзя), а затем разрешить взяться за еду словом «возьми». Понятие «нельзя» необходимо накрепко привить молодой собаке, так как это понадобится ей в течение всей жизни и дома, и на охоте.

К ошейнику и движению на поводке щенка начинают приучать с 2—3-месячного возраста. Борзой щенок должен привыкнуть не только ходить, но и бегать, и скакать на поводке или своре. Если готовят к совместной охоте несколько борзых, то уже примерно полугодовалых щенков следует брать на одну свору, сначала по две, а когда освоятся, то и по три собаки. Очень хорошо сосворивать учеников с опытными борзыми. Если охотник будет ездить верхом, нужно молодую собаку приучить к лошади и натренировать ее в движении на своре на всех аллюрах, от шага до быстрого галопа. В обучении необходима постепенность. Сперва борзой молодняк привыкает ходить на своре в одиночку и при пешем охотнике, а затем его сосворивают, т. е. берут на одну свору с другой собакой, и, наконец, приучают следовать на своре при конном борзятнике. При обучении борзятник должен следить, чтобы молодая собака шла немного впереди и несколько в стороне (слева), слегка натягивая свору, т. е. должен вырабатывать у борзой передний рыск.

Для высворивания и охоты нужны свора и ошейники особого устройства. Свора — это длинный (около 7 м для конного и не менее 3,5 м для пешего борзятника) узкий ремень без швов и узлов или прочный ровный шнур. На одном конце своры делают широкую петлю. Этой петлей борзятник надевает свору через правое плечо и затем пропускает под пояс с левой стороны. На другом конце ременной своры делается небольшой продольный прорез. На свору нанизываются кольца ошейников собак и ее свободный конец возвращается к охотнику. Прорез своры надевается на большой палец левой руки борзятника. Для спуска собак охотник сбрасывает конец своры с пальца, и борзые, рванувшись за зверем, сами сходят с нее. А всадник на скаку собирает свору и затыкает за пояс.

Ошейник борзой состоит из ремня, к концам которого пришиты треугольники из тонкого железного прута. В треугольники до их запайки вставляют «рыскало» — удлиненное звено цепи, закругленное на одном конце и прямоугольное на другом. В прямоугольный конец рыскала вставляют на стерженьке «вертлюг» — вертящееся кольцо. В это кольцо продевают свору. Если борзая не рвется и не тянет, железные треугольники и пришитые к ним концы ремня расходятся на всю длину рыскала, и ошейник становится свободным. То же происходит, когда собака спущена и скачет за зверем или рыщет на свободе. Если же собака натягивает свору, треугольники сближа-

ются в закругленном конце рыскала, ошейник суживается, и собаке уже невозможно выдернуть голову из него. Вертящееся кольцо предохраняет свору, чтобы она не закручивалась и не путалась.

Не следует брать борзую на охоту слишком рано, пока собака еще не вполне сформировалась. Если молодняк, выросший в деревне на полной свободе, хорошо развит, его можно допустить к работе с года, а то и с 10-месячного возраста можно начать осторожно приучать к скачке за зверем. Приучение борзой к охоте называется притравкой. Обычно инстинкт заставляет борзую преследовать зверя и стремиться поймать его. Остальные успехи зависят от практики: чем ее больше, тем быстрее борзая становится дельной рабочей собакой. Притравка с участием опытных собак самая быстрая и надежная. Если представится случай достать живого зверя еще до выхода молодой борзой на охоту, следует его использовать для притравки.

Перевязав русаку бечевкой заднюю ногу повыше скакательного сустава (чтобы убавить резвости), пускают его на глазах молодой борзой или заставляют ее искать зайца, залегшего в траве. Бросившуюся за зверем собаку следует подбодрить атуканьем («ту его!»). Пуская заготовленную лисицу, ей обязательно не только перевязывают ногу, но и обматывают морду прочным шпагатом, концы которого завязывают за ушами, чтобы повязка не сползла. При скачке борзой за лисицей улюлюкают («Улюлю! Улюлю!»).

Первого пойманного зверя собака обязательно должна задушить, хотя бы при помощи охотника. Лисицу при этом следует тащить за задние ноги, подставляя борзой горло зверя, чтобы приучалась брать по месту. Первого зверя можно дать собаке немного потрепать и затем спокойно и мягко отобрать у нее добычу, обласкать и побаловать кусочком мяса (если станет есть). Обязательно с самого начала нужно следить чтобы борзая не мяла и тем более не рвала пойманного зверя.

Бывает, что щенок сначала не бросается за вскочившим зверем, у него как бы дремлет инстинкт преследования. Если не с первого и не со второго раза, то с третьего — пятого молодая борзая бросится за убегающим зверем, и стремление ловить у нее пробудится. Если это затянется, то большую помощь может оказать опытная борзая, которая своим примером увлечет молодую собаку. Нужно, чтобы такой «учитель» был не злобен к собакам, не грыз «ученика» и не отнимал добычу, когда тот постарается вцепиться в русака или лисицу, пойманных старшей борзой.

Изредка встречаются среди молодняка и такие собаки, которые бросаются за выскочившим зверем и благодаря хорошей резвости быстро догоняют его, но не проявляют стремления схватить и, скача с ним рядом, не знают, что делать. В этом случае, как и в предыдущем, лучше воспользоваться

примером опытной, хорошо ловящей, жадной к зверю борзой. Если же такой собаки нет, то надо постараться добыть живого зайца или лисицу (можно подранка) и натравливать щенка, всячески стараясь заставить его схватить зверя. Для этого таскают его перед молодой собакой и задевают щенка ногами, хвостом, тушкой зверя, чтобы раздразнить и, может быть, даже озлобить.

Если не удается добыть живого русака или лисицу, можно в крайнем случае обойтись и убитым зверем, быстро таща его на бечевке перед молодой собакой и играя с ней.

При втягивании в ловлю собаки на первых порах пассивной не следует бояться того, что молодая борзая, разыгравшись, изорвет зверя. Это не беда, так как главное втравить, а когда разбуженный инстинкт станет проявляться в полную силу, тогда можно будет заняться и обузданием излишней страсти и ввести необходимую дисциплину.

На волка в настоящее время с борзыми охотятся в виде редчайшего исключения. Однако бывают условия, когда использовать борзую для борьбы с этим хищником целесообразно. Поэтому может возникнуть и необходимость в подготовке борзой к работе по волку.

Для «привалки» по волку необходимо иметь молодого зверя, лучше всего добытого волчонком и выращенного при полной изоляции от борзых, чтобы он был дик и незнаком молодым борзым. Удобное время для привалки — август, когда прибылой волк уже достигает роста некрупной собаки, но еще не опасен. Лучше всего устраивать привалку при опытной борзой. Молодую собаку должен держать на своре один человек, старшую — другой, а третий выпускает волка из ящика или укрытия. Когда волк побежит, первой пускают старшую борзую, а молодую несколько позже, чтобы опытная завалила зверя и взяла, а молодая, подоспев, влепилась по примеру старшей. Волка отбивают[1] быстро, чтобы собаки его не задушили с первого раза. После нескольких привалок при старой молодую борзую пускают в одиночку. Если она станет брать не по месту, надо тащить волка, как и лисицу, за задние ноги, подставляя собаке (или собакам, если молодых несколько) горло зверя. Если для привалки нет опытной борзой, работающей по волку, то молодых лучше пускать для смелости и азарта не в одиночку, а парой или тройкой, и при надобности поспешить помочь собакам, придержав зверя за веревку, привязанную к его задней ноге. Тут общепринятым способом нужно добиваться, чтобы собаки брали волка по месту, т. е. за шею.

Если с борзой охотятся пешком, очень важно, чтобы она привыкла ждать охотника у добычи, а не бежала к нему, бросив пойманного зверя, которого в траве, бурьяне или высокой стерне труднее заметить, чем стоящую или сидящую над ним

[1] Отбить зверя у борзой — отнять, отобрать.

борзую, особенно если травля получилась дальней, затяжной. Приучать к этому борзую следует во время притравки, а то и до нее, используя тушки зайцев или лисиц или хотя бы чучела этих животных.

Для выработки привычки ждать при поимке зверя следует поспешить к собаке, отобрать у нее добычу и положить на землю. Затем, приговаривая «стоять, стоять», отойти в сторону и, если собака осталась возле зверя, поощрить ее прикормкой. Раз за разом надо отходить все дальше и дальше и задерживать борзую у добычи более долгое время, пока собака не привыкнет ждать у пойманного зверя столько времени, сколько потребуется охотнику. Разумеется, при обучении охотник должен следить, чтобы борзая не играла с добычей, а тем более не трепала ее.

Тренировка и подготовка к работе. Редко бывает так, что борзая постоянно натренирована и в любой момент готова работать. Чаще к охоте собаку нужно готовить. Тренировку следует начинать по возможности заранее, не позже чем за 2 недели до начала охотничьего сезона. У неподготовленной борзой в первый же день охоты срывается кожа на подушках лап, и собака надолго выходит из строя. Резвости у нетренированной собаки, может быть, хватит на первого зверя, за вторым она поскачет без надежды достать, а от третьего и вовсе откажется.

Если борзые за лето исхудали, то хотя бы за месяц до охоты им нужно по возможности дать усиленное питание, не боясь даже излишне раскормить: работа сгонит с них лишний жир. Перед началом усиленной тренировки следует осмотреть ноги и лапы и, если обнаружатся ранки, залечить их, а слишком отросшие когти следует осторожно обрезать, чтобы они не заломились на первой же скачке и не была сорвана тренировка.

В начале тренировки, а это бывает в сентябре, в период солнечных теплых дней, для псовых борзых, имеющих густую псовину, скачка тяжела. Поэтому усиленные проводки устраивают рано утром, когда еще прохладно и случаются морозцы-утренники. Полезно борзым напомнить свору и движение на привязи на разных аллюрах. Но, поводив собак на своре минут 15—20, следует отпустить их на свободу, так как на воле борзая может привыкнуть к настоящей скачке, пусть даже у нее и не будет случая развивать свою полную резвость.

Тренировать лучше всего верхом на лошади. Так удобнее регулировать движение: проехав рысью километр-полтора, можно перейти на шаг, а затем снова ехать более быстрым аллюром. Если лошадь идет хорошей рысью, собакам приходится скакать, пусть и не резво. Пустив коня в галоп, легко заставить борзых развить еще большую резвость, так как ускоренное движение вызывает у собак стремление вырваться вперед. Кроме лошади для тренировок можно пользоваться велосипедом или мотоциклом. В крайнем случае надо делать проводки хоть пеш-

ком. Тут может помочь делу совместная тренировка двух или более собак. Дорвавшись до свободы, даже немолодые борзые сколько-нибудь погоняются друг за другом, поиграют. Если у борзятника одна собака, он тренирует ее с собакой другого охотника, лишь бы их борзые не были враждующими кобелями.

Когда борзые залежались, да еще зажирели, не имея даже небольших регулярных проводок, начинать тренировку приходится с небольших расстояний и с короткой скачки. Но для борзых, хоть немного подготовленных, пробежать 10—15 километров ничего не стоит. Примерно такой моцион и желателен каждое утро, чтобы вечером он повторялся хотя бы в виде небольшой прогулки. Чем больше борзая будет бегать и скакать, тем лучше она подготовится к охоте. Но не у каждого охотника найдется достаточно времени для проводок на десятки километров, особенно если ему приходится тренировать свою собаку пешком. Но и при этих обстоятельствах охотник должен стремиться предоставить собаке больше движения, используя всякую возможность, даже небольшие отрывки свободного времени, так как и это пойдет на пользу.

Если предстоит ставить борзых на полевые испытания, следует особо заняться с ними, не забывая о требованиях правил испытаний. Прежде всего тех борзых, которые привыкли на охоте рыскать свободно, надо приучить подолгу ходить на своре при охотнике. Чтобы собака проявляла передний рыск, большое внимание и зоркость, будучи на своре до подъема зверя, следует на охотах, предшествующих испытаниям, водить ее присворенной, почаще возбуждая тихим атуканьем, как будто вот-вот вскочит зверь. Это заставит борзую быть непрерывно настороженной. Решив поставить борзую текущей осенью на испытания, охотник (если срок испытаний приходится на время после открытия охоты), должен беречь собаку и не переутомлять ее.

Перед самыми испытаниями обязательно нужно дать борзой отдых от охоты на 1—2 дня. Этот отдых не должен быть полной лежкой; следует в эти дни раза по два в день делать короткие проводки по 1—2 км или оставить собак на свободе (если, конечно, они не привыкли уходить в поля без хозяина).

Готовясь к испытаниям, нужно проверить прочность ошейников и свор и удобство спуска с них собак. С большим вниманием необходимо добиться дружности в движениях борзых на общей своре. Целесообразно, чтобы охотники, готовящие к испытаниям по одной борзой, заранее договорились и составили сборные группы по три собаки, приучив борзых друг к другу. В этом случае очень полезно провести несколько совместных охот, причем собак разных владельцев водить на сворах следует рядом, а еще лучше на одной общей своре. Именно на охоте собаки проще всего осваиваются друг с другом и даже у них заводится дружба. Важно только проследить, чтобы у первого пойманного зверя, пока еще знакомство не укрепи-

лось и не установилась иерархия (первенство и подчинение), собаки не подрались.

При подготовке к испытаниям очень важно привести борзых в рабочее тело, с одной стороны, заблаговременно улучшив питание, а с другой — усилив тренировку. Если борзая начнет жиреть при подготовке к охоте, — не беда; работая, она сбросит запасы жира. Но перед испытаниями собака должна быть в самой лучшей форме, чтобы ни вялость мускулатуры, ни лишний жир не помешали ей показать свою максимальную резвость и ловкость на угонках в те считанные минуты, когда судьи дают ей оценку.

Содержание. С борзой охотятся и поздней осенью, и зимой, и по голой земле, и по снегу, и в сушь, и в дождь, и в мороз. Поэтому борзой нужна закалка, чтобы она не боялась никакой погоды и работала по любому грунту: по мокрому, мерзлому как камень, по сухому, крепкому и как бы сжигающему кожу на подушках лап, неподготовленных для быстрой скачки. Для борзой нежелательно комнатное содержание. Самое лучшее, если борзая живет всегда на свободе возле дома и привыкает ко всякой погоде. Мускулатура такой собаки тверда и сильна, лапы собраны в крепкий комок. А если борзая засидится взаперти, она вся ослабевает, ее мускулатура становится вялой, энергия падает. Такую нужно много тренировать, чтобы вернуть ей силу и бодрость. Очень опасно отрастание когтей, так как частое заламывание и стрижка могут так испортить их, что собака станет негодной для поля. У собаки, живущей на воле, когти всегда в норме, так как они стираются о землю.

Борзым, не имеющим постоянной свободы, необходима ежедневная тренировка (проводки). Молодежь даже в загоне или в сарае часто играет, но борзые старше 2 лет играют редко. Поэтому об их прогулках нужно заботиться так же внимательно, как о молодняке в период роста. Даже для борзых, живущих вольно, хоть изредка нужны проводки при коне или велосипеде, так как без этого у них не будет, хоть и небольшой, практики скачки. Собаке, содержащейся на воле, нужно дать укрытие от непогоды: лазейку во двор, в сарай или, наконец, будку.

При невозможности держать борзых на полной свободе нужно иметь во дворе, в саду или вообще где-нибудь вблизи дома загон или вольер площадью не менее 20 м^2. Ограду можно сделать из жердей, деревянных реек, горбыля, а еще лучше из проволочной сетки и, наконец, в крайнем случае из самана. Однако ограда из самана нежелательна, так как затрудняет проветривание загона. Высота ограды должна быть не менее 2,5 м. В загоне делают просторную будку со съемной крышей для удобства чистки и с деревянным полом. Размеры будки должны быть такими, чтобы на каждую борзую приходилось не менее 1 м^2 пола. Грунт в загоне должен быть жестким; полезно утрамбовать его щебнем, так как это нужно для огрубления

подушек лап борзых, а также и для того, чтобы им было трудно подкапываться под ограду.

В холодное время в будку кладут солому, в теплое никакой подстилки не требуется. Зимой для утепления будку обкладывают соломой или снегом. На лаз в будку вешают занавеску из мешка или толстой дерюги.

Взрослых борзых можно держать в сарае. Он должен быть оборудован дощатыми нарами высотой 40 см. Для щенков и вообще растущего молодняка сарай, особенно темный, непригоден как постоянное помещение. Если все же неизбежно содержание щенков в сарае, обязательно следует как можно чаще выпускать их на волю, на свет. Держать щенка на цепи недопустимо, так как это верное средство вырастить рахитичного калеку. Взрослых борзых держать на цепи допустимо при условии регулярных проводок.

Взрослая борзая должна есть 2 раза в день, утром полагается давать ей поменьше, а вечером — «до отвала». Особое внимание борзятник должен уделять ногам и лапам своей собаки и при необходимости уметь оказать ей первую помощь, которая может потребоваться борзой чаще, чем какой-либо другой собаке.

При ушибах помогают в первые часы холодные примочки (тряпка). При растяжении связок, которое вызывает опухоли суставов, следует накладывать плотную повязку, предоставив собаке покой. При вывихах иногда удается самому охотнику вправить ногу, но лучше обратиться к ветеринарному врачу. Если собака захромает, надо осмотреть ноги и лапы: занозы и предметы, застрявшие между пальцами, следует удалить. С собакой, у которой сильно потерта кожа на подушках лап или совсем сорвана, охота недопустима до полного заживления ран.

ОХОТА С БОРЗОЙ В СССР

В чем заключается охота и что на ней происходит? Ответ простой: собака ловит зверя благодаря своей резвости. Ответ правилен, а в самой охоте, судя по нему, ничего особенного нет. Если так, то почему же столь азартны, так пламенно увлекаются ею любители, которых мы называем борзятниками? Нет охотников, более влюбленных в свою охоту, чем борзятники! Не городские любители, а настоящие охотники, знающие охоту, умеющие найти зверя, и, что особенно важно, знающие, как воспитать борзую для охоты, как добиться от нее наивысшей резвости.

Оказывается, многим-многим не чуждым охоте людям стоит увидеть настоящую работу породной борзой, находящейся к тому же в рабочей форме, стоит полюбоваться страстной стремительностью хоть русской псовой, хоть хортой борзой, и залюбуется человек, испытает горячее желание еще и еще видеть красоту великолепной собаки, несущейся за зверем.

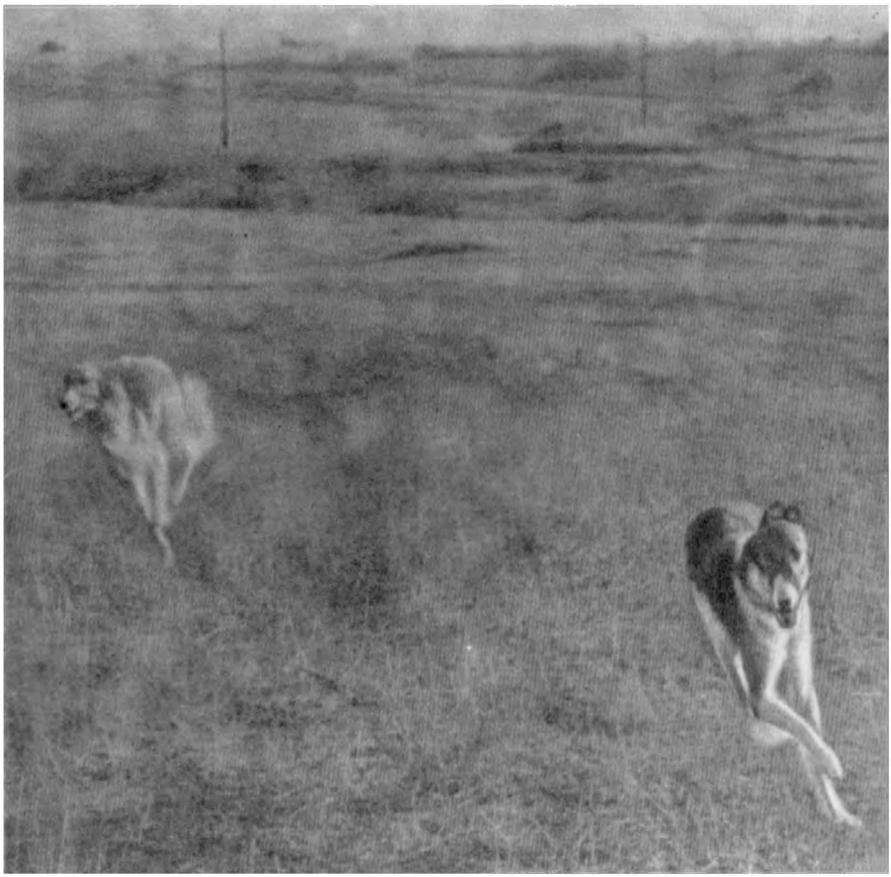


Рис. 1. Русские псовые борзые на охоте. Фото П. А. Яровицкого

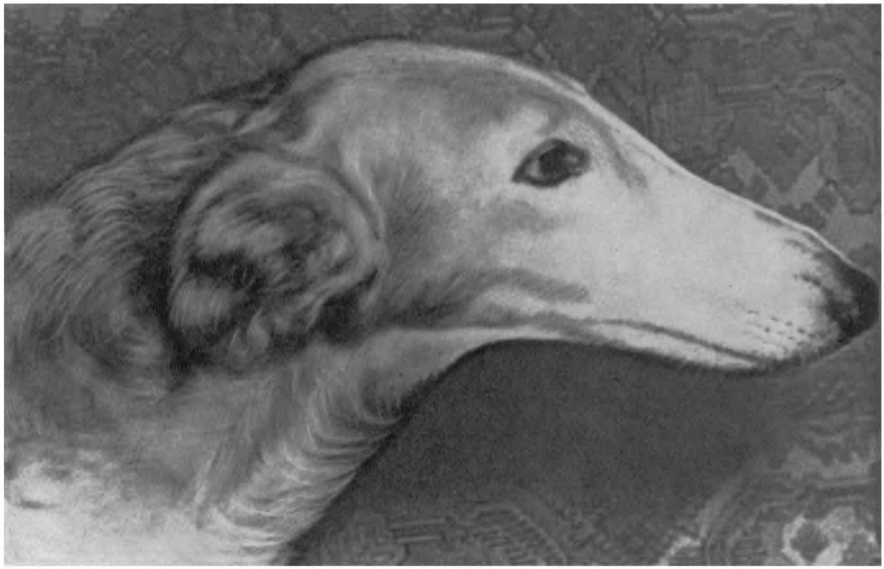


Рис. 2. Голова русской псовой борзой Плутовки. Владелец Г. В. Зотова. Из собрания автора

Рис. 3. Русские псовые борзые в возрасте 10 месяцев. Из собрания автора

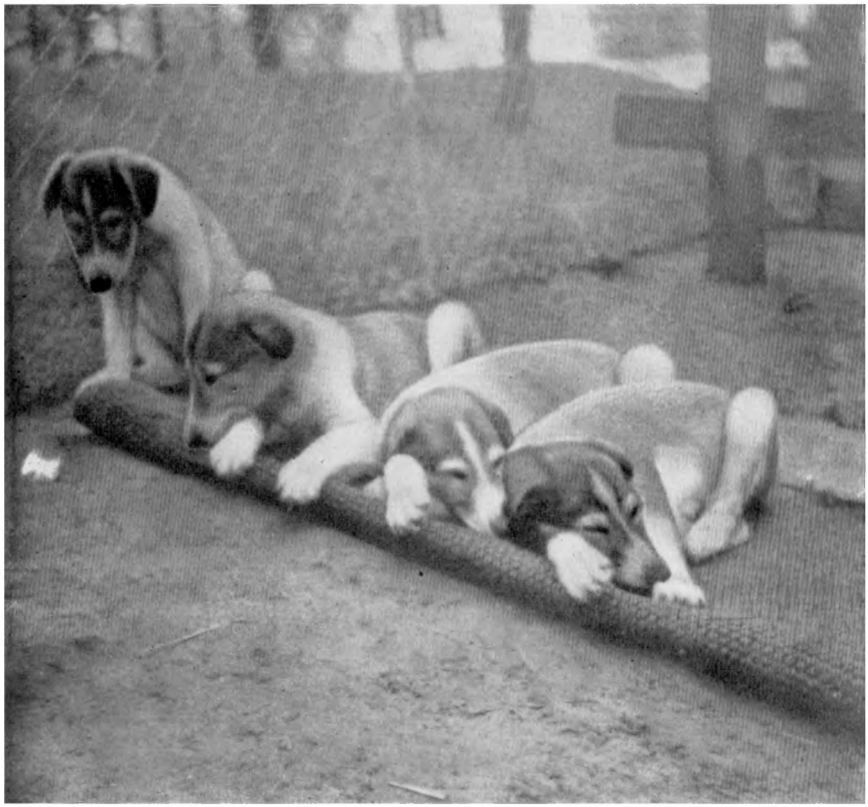


Рис. 4. Двухмесячные щенки русской псовой породы.
Владелец Урсула В. Трюб (Швейцария)

Рис. 5. Голова хортой суки Пальмы. Владелец К. М. Эсмонт. Фото К. М. Эсмонта

Рис. 6. Казахские тазы на охоте. Из собрания автора

Рис. 7. Виппет — английская порода. Фото из журнала „L'ami du levrier". № 56 (Швейцария)

Рис. 8. Хортая. Фото П. Ф. Шаповалова

Рис. 9. Русская псовая борзая Сайга. Владелец Урсула В. Трюб (Швейцария)

Рис. 10. Промысловая борзая из Тамбовской области (помесь псовой с хортой). Из собрания автора

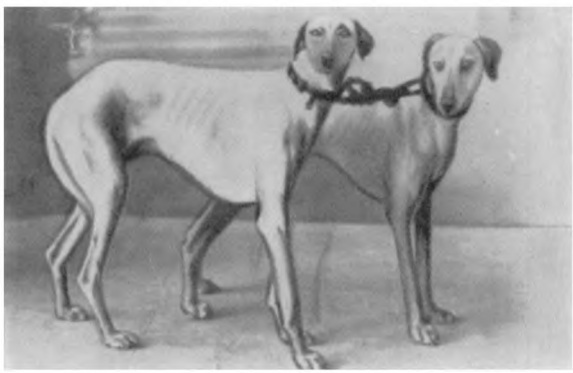


Рис. 11. Слюгги — древнейшая порода борзых Азии (по мнению некоторых ученых, более древняя, чем тезем). Фото Пьера Дюреля (Франция)

Рис. 12. Салюки — группа, по экстерьеру очень близкая к тазе казахской (тип конца XIX — начала XX веков). Из собрания автора

Рис. 13. Русская псовая борзая — кобель Разбой, чемпион породы. Владелец Я. А. Невежин. Фото И. А. Невежина

Рис. 14. Английская борзая грейхаунд. Фото из журнала „L'ami du levrier", № 40 (Швейцария)

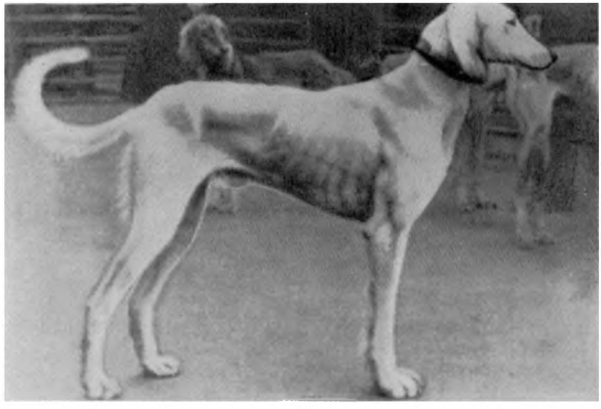


Рис. 15. Таза казахская. Из собрания автора

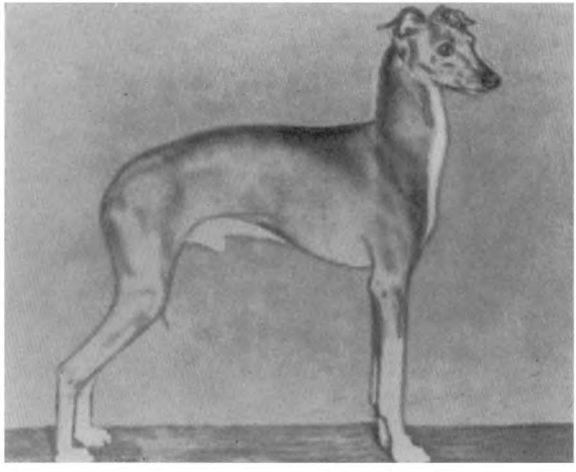


Рис. 16. Итальянская маленькая борзая. Фото из журнала „L'ami du levrier", № 50 (Швейцария)

Красота собаки красотой, а хороша и ее добыча — чалый, побелевший понизу лихой скакун русак или выкуневшая к зиме огненно-рыжая пышная лисица. Есть у охоты с борзой и еще ценное свойство: у нее нет подранков, нередко омрачающих охоту с ружьем. Здесь так: либо борзая поймала лису или русака или сурка (таза) и мгновенно покончила со зверем, либо он, лавируя на угонках и ловко ускользая из-под щипца борзой, отделается от нее в балках-оврагах, а то в густых зарослях бурьяна, в кустах, оказавшихся на пути травли, или, наконец, в полезащитной лесополосе, а бывает и в норе.

И еще важная положительная сторона есть у охоты с борзой. В открытых пространствах, где работают борзые, будь то культурные поля, будь то целины или полупустыни, охотникам удобнее наблюдать друг за другом, видеть, чьи собаки резвее скачут, лучше ловят. Уже в таких совместных охотах есть подлинно спортивный элемент, а еще значительнее он на испытаниях борзых по вольному зверю и особенно высоко поднимается на состязаниях собак, заслуживших дипломы на обычных полевых испытаниях.

Нечего и говорить, насколько важны для совершенствования породы эти соревнования, сравнение охотником своих собак с чужими. И это не только в отношении добычливости тех и других, а значит, и выгодности охоты с ними: главное — померить собак в отношении красоты скачки, их ловкости на угонках, а если понадобится, то и их силы, неутомимости. Современный сельский охотник, пожалуй, не согласен держать неловящих борзых за одну их стройность и пропорциональность (т. е. за красивый экстерьер), подавай ему и чудесную красоту и увлекательность их скачки. Он прежде всего дорого ценит именно эти качества, и спортивная сторона охоты с борзой всегда на первом месте, а добыча на втором. Много раз в обществе сельских борзятников приходилось слышать жаркие обсуждения той или иной травли, скачки тех или иных собак. И горячность спора ничуть не умалялась, если зверь был не взят, не пойман. Не раз приходилось слышать и восхваление особенно резвого и сильного русака или необыкновенно верткой лисицы, опять таки независимо от исхода травли. Пусть зверь ушел, спасся — молодец!

Есть в охоте с борзой что-то такое завлекательное, что, узнав ее, втянувшись в эту охоту, человек не может расстаться с ней многие, многие годы, пока у него хватает сил. А сил этих нужно много для большинства борзятников. Очень немногим из них удается охотиться верхом на лошади — лишь конюхам, табунщикам и другим работникам конезаводов да некоторым категориям работников животноводческих совхозов. И большинство теперешних борзятников — пешие; а ходить на этой охоте приходится больше, чем на любой другой. И все равно борзятник не расстается с борзой. По мере накопления опыта он добивается все больших успехов. Все больше внимания уде-

ляет он борзой. Он ищет производителя-кобеля, отличного по экстерьеру и работе, чтобы повязать с ним свою суку и получить на смену ей еще более типичных, резвых и поимистых собак. Охотник все богаче опытом, все глубже его понимание охоты. Он знает, где искать зверя в зависимости от времени года и погоды. Удач на охоте все больше, а привязанность к ней все крепче...

Районы и способы охоты с борзой в СССР. В нашей стране охота с борзой распространена как бы в трех очень обширных, можно сказать, огромных по площади районах, отличающихся один от другого природными условиями, способами охоты, породами борзых и перечнями добываемых зверей.

Первый район — это области европейской части России от северных границ лесостепи до северной части настоящих степей юга России. Здесь была выведена всемирно знаменитая порода — русская псовая борзая, здесь она в прошлом занимала исключительное положение, здесь она снова выдвинулась в настоящее время как основная, такой останется и в будущем. В этот же русский лесостепной район вошли в период после Великой Отечественной войны лесостепные области Западной Сибири и Алтая, обзаводясь все в более широком масштабе русской псовой борзой. Прежде охота с борзой была в этом краю менее распространена, а чистопородной псовой борзой здесь не было. Охотились с разными помесями. С борзыми в европейской части охотились на волка, лисицу, русака и беляка. Из этого списка в наше время выпали волк и в европейской части района беляк. Волк был доступен борзой благодаря ее злобе и силе, а еще и благодаря гончим комплектных охот. От работы по волку она оказалась отстраненной в связи с переменами, внесенными 1917 годом в жизнь страны и в условия охоты в частности. Беляк, попадавший в зубы борзым, когда из-под гончих перебегал из одного лесного острова в другой, теперь не попадается им на глаза, так как в охоте с борзыми теперь гончие не участвуют. Именно в европейской части этого района, которую можно назвать краем русской псовой охоты, много псовых борзых попали к сельским охотникам-крестьянам; потомки этих борзых вскоре утратили чистопородность и стали ядром промысловых борзых средней полосы России.

Вторым районом охоты с борзой является вплотную прилегающая к первому району территория степей юга России, включая предгорья Северного Кавказа. Здесь основными породами издавна стали хортые и южнорусские, т. е. смешанные потомки горской и крымской пород. С борзыми здесь охотятся на лисицу, корсака, зайца русака и в отдельных случаях на волка. Борзятников в этом районе особенно много.

Третий район — среднеазиатские республики. Он резко отделен от южнорусского района Каспийским морем. В этом районе все иное, чем в первых двух. Климат здесь жаркий и сухой, почвы очень жесткие, требующие особенно прочной лапы

у борзой: пески полупустыни, целина с жесткими травами. Борзая здесь во время травли может попасть на солончак — и жесткий, и едкий. А в предгорьях и нижних ярусах отрогов Тянь-Шаня в Киргизии борзой приходится работать даже на каменистом грунте. Все это могут выдержать выведенные здесь породы — тазы и тайган. Охотятся с ними на многих зверей: обычна охота на лисицу, сурка, с тазами на зайца (с тайганами на зайцев не охотятся). Добываются здесь с борзыми еще корсак, дикая кошка, хорь, некоторые копытные и даже волк, если охотник, кроме тазы, имеет еще и беркута.

Прежние способы охоты в северном районе. Комплектной охотой называлось все множество борзых и гончих собак, лошадей, охотничьей прислуги, построек для псарни, конюшен, жилых домов для псарей разных рангов. Большая комплектная охота была принадлежностью богатых помещиков, так как содержание ее требовало немало денег. Борзые играли роль главной части псовой охоты; второй, также важной и необходимой силой, была стая гончих. Комплектная охота развилась в условиях лесостепного ландшафта, где среди полей разбросаны некрупные участки леса (острова).

Точных исторических сведений о том, как в нашей стране начиналась охота с борзой, у нас нет. И не можем мы установить, как она развивалась, формировалась и совершенствовалась. Есть у нас, как отдельные вехи этого пути, очень скудные упоминания о борзых, об охоте с ними князей и бояр в летописях и других литературных источниках. О развитии псовой охоты приходится догадываться по тому, например, что при Великом князе Василии III псовая охота его была поставлена широко, были заведены огромные псарни. Его охота обставлялась очень пышно, участвовали в ней до трехсот охотников. Очевидно, псовая охота уже тогда приобрела облик столь известной нам «островной езды» со стаей гончих и множеством свор борзых.

Возможно, что охота у Василия III была отражением многолюдных и роскошных охот, широко распространенных среди знати стран Западной Европы, а может быть вкусы русской знати развивались независимо, но в сходном направлении. Во всяком случае находились князья и бояре, содержавшие огромные псарни, огромные охоты с множеством борзятников, выжлятников, с доезжачими и ловчими, руководившими всей охотничьей прислугой и по существу организаторами всех псовых охот и самой главной — на волчьи выводки. Истребление волков, кстати сказать, самым непосредственным образом касалось всех господ, людей высшего общества, так как все они владели землями, поместьями и как люди, связанные с сельским хозяйством, а в том числе и со скотоводством, волка считали своим лютым врагом.

В XVI в. при Великом князе Василии III и при Иване Грозном псовая охота, несомненно, была распространена, если

уж государи Руси занимались ею с немалым пристрастием. Про царя Алексея Михайловича и говорить нечего. Он был охоч до всякой охоты, от псовой до голубиной. Поэтому была в немалом уважении псовая охота и среди бояр, знати и людей, близких к знати. Не случайно и фон Лессинг потрудился написать для царя «Регул» о псовой охоте. И Петр Великий, и последовавшие за ним на престоле императрицы (особенно Анна Ивановна) тоже держали большие псарные дворы, большие псовые охоты.

Если царская охота содержалась при некоторых царях не потому только, что они сами были любителями травли, а и ради полноты дворцовой пышности, то вельможи не считали псовую охоту обязательным атрибутом своего высокого положения. Зато те из высшей знати, кто обладал великой страстью к борзым и травле ими зверя, с не менее великой щедростью вкладывали свои богатства в охоту, создавали огромные псарни со множеством псарей всех рангов от ловчего до корытничего и устраивали огромные и роскошные «съезжие» охоты с участием соседей.

О такой охоте среди произведений старой охотничьей литературы есть очень яркий рассказ Р. Л. Маркова «Волчиный князь» (рассказ старого псаря), помещенный в литературных приложениях журнала «Нива» за 1896 год. Выдержки из этого произведения приведены ниже[1].

Старый псарь, а точнее, борзятник, в 1829 г. попал со своим барином на «съезжую охоту» в Польше у пана Тышкевича:

«Пребогатеющий был пан, вроде царька... А еще подошли и именины его. Съезд... был необыкновенный. Он объявил по всей округе, что охота будет в Пуще. Ведь вы и сами изволите знать (обращается псарь Семеныч к слушателю, барину-охотнику), туда с нашей охотою нечего и соваться... Вот и стали сходиться большие охоты, потому и те паны-соседи богачи были не абы какие. Это еще не совсем большая охота, коли приходило двадцать свор борзых, да сорок смычков сочейных.[2] А у самого-то у Тышкевича и сметы не было собакам да народу при них: доезжачим, выжлятникам, подгонщикам, ловчим да псарям. К тому же и помимо больших охот к нему собралися и одинокие шляхтичи мелкотравчатые... Кто три, кто четыре своры привел с собою, а один между ними пан Стоцкий приехал один, как перст, да и на своре у него было всего два кобеля: сероухий длинный, да муругий Грубиян, здоровеннейший кобель широкозадый. И лошадка под паном Стоцким была не мудреная, и сам-то он из себя непоказной...

... Глядя на его скудость псари-то панские взялись смеяться над ним, а он прямо и запустил большим козырем и по

---

[1] Некоторые моменты для краткости даны пересказом.
[2] Сочейные — гончие.

псарям, и по всем охотам, да и самого Тышкевича прихватил туда же.

«Эх вы, — кричит, — такие-сякие, тоже хвалятся... а того не знаете, что если и все ваши охоты продать, да и вас туда же на придачу, — так и то не хватит купить одного моего кобеля, хоть бы вот этого Грубияна! Жив, — кричит, — не хочу быть, ежели изо всех ваших охот хоть одни ноги поравняются с моим кобелем!»

А на тот грех вышел к нам панский дворецкий да и услыхал эту похвальбу. Он и поставь себе в обиду, что над его паном мелкий шляхтич насмехается. Теми же пятками побежал он во дворец... «Так и так: шляхтич Стоцкий... осрамил... А все господа (за обедом.— *В. К.*) были уже в переборе[1]. Даже в лице переменился Тышкевич... ударил золотой кубок об пол, закричал во всю голову... Паны повскакали, стали было и шаблюги свои вытаскивать... немного не дошло до ножей. «Веди сюда Стоцкого и кобеля его тащи во дворец!»

... В один секунд их поставили перед его (Тышкевича.— *В. К.*) очи. И точно, кобель сильно хорош был, словно из чугуна вылит. Однако господа стали спорить. Кто кричит: «Моя сука лучше!», кто свою свору выставляет. Один говорит: у Грубияна голова велика; другие кричат, что у него задние ноги коровьи, а иные, прихмелевши, и невесть что кричат.

Стоцкий же запустил руки за кушак кунтуша, задрал усы кверху, да и ходит петухом... вдруг подскочил к Тышкевичу, как взялся себя в грудь кулаком колотить да кричать!... Если хоть одна собака ваша поравняется на зайце с Грубияном, али прежде моего завалит матерого волка, я, — говорит, — согласен, чтобы и самого меня затравили собаками, и лишусь я фольварка и своей шляхетской вольности. Только и вы, господа, выставляйте заклады какие следует!»

Через какой-нибудь час вся усадьба, да и все местечко пана Тышкевича тронулось в поле, куда повели свор до сорока лучших собак и повезли садок с зайцем. Заяц тот был не абы какой, а такой бегун, что уже два года ото всех собак отыгрывался, ... резвяк да увертник! Его еле-еле в тенета поймали. Поставили садок на жнивьях, сравняли охотников (борзятников), а паны верхами — во они куда отъехали, чтобы им виднее было; и паночки, кои верхом, кои в каруцах[2]. Смотрим, и пан Стоцкий трусит рысцою со своими кобелями... словно его не касается. Скомандовали: «раз, два, три!» и пустили зайца,... как крикнули на него, ухнули, о боже мой милостивый!— воскликнул старый рассказчик, охватив голову руками. — Чисто вроде анчихриста понесся заяц! Собаки вложились за ним со всех свор, кучей спеют к нему... Сперва и стали было спеть, особливо панские... одна сука половая — и-их, удалая! — даль-

---

[1] В переборе — пьяные.
[2] В каруцах — в экипажах.

ше всех откатилась, совсем было угнала[1]... да пронеслась. А там еще два кобеля... совсем было присунулись к нему... нет! Куды тебе! ... завольничал, куцая шельма, ничего в резон не принимает. Протравили! Срам! А заяц стал подхватывать к кустам... без угоночки ото всех свор отыгрался! Глянул я так-то, а Стоцкий своих кобелей и пускать не думал, сидит в седле, пригнулся, закуривает трубочку. Все так и дались диву. Заяц чуть виден и все сорок свор за ним веревочкой вытянулись. Тут Стоцкий и показал удаль. Долго, батюшка, я на свете живу, — восторженно воскликнул Семеныч — насмотрелся, живучи на свете, — но такой оказии по сие время не видал! Только гикнул Стоцкий — и пропал! И откуда что взялось, до сих пор понять не могу. Лошаденка его соколом сорвалась с места — и нет никого! А оба кобеля, ухо в ухо, рядом лезут, уже взялися обходить передних собак... всех пересчитали. А Грубиян сильно зазлобился и стал резво выдвигаться из-за сероухого. Да и заяц на одних задних ногах несется, словно на крыльях летит. Совсем злыми ногами стал Грубиян допрашивать его, подобрался, разом добросился и вздернул кверху (русака.— *В. К.*). Тут уже всякий мог понять, кобели Стоцкого с ушей оборвали всех собак, а особливо Грубиян. Один пан с великой досады тут же застрелил пару лучших кобелей, а пан Тышкевич... за Грубияна давал пятнадцать тысяч чистою монетою и любую свору в придачу. А Стоцкий только в грудь себя колотит да кричит: «Легче мне жизни лишиться, нежели такого сокровища!..» ...Паны взялися... Стоцкого величать, пьют, гуляют... Так всю ночь и прокружились с ним.

Наутро пошла охота в Пущу, верст за двадцать. Обоз и фургоны раньше были там, кричане давно были расставлены, где следует, и тенета протянуты поперек леса. Несколько стай гончих с их доезжачими, выжлятниками, отхлопщиками тоже стояли в разных местах. За главного доезжачего объявили Крюка, что шел при стае самого Тышкевича.

Охота вышла на славу: зайцам и лисицам сметы не было, захватили и коз диких порядочно, двух оленей, лося, молодого зубренка, трех кабанов, а об волках и толковать нечего... Стали станом на полях, разбили палатки, распалили костры и началось гулянье-пированье. А тем временем Крюк донес, что недалече в острову он ночью подвыл волков, откликнулись три матерых и два прибылых.

Чуть утро — охота уже была на месте. Верховые борзятники в два ряда обсыпали отъем, и пошла потеха. Барин тоже и меня взяли. Ну и я стал на виду его милости, по левую руку. Хорошо затаился в гущавинке со своей сворой, в кусточках как раз проти лазу. Все, что было в отъеме, выбрали: и лис, и коз — лес словно веничком подмели. И волков взяли: двух матерых и двух прибылых. Одного прибылого и мне довелося при-

---

[1] Угнала — дала зайку угонку.

нять на зубах своей своры — лихо растянули собачки его, как перчатку. Пан Тышкевич ударил в рог, подал сигнал на обед. Стянулась охота к становищу... Глядь — слух прошел, что пан Тышкевич осерчал на своего доезжачего, на Крюка.

«Что это значит, — кричит, — ты же хвалился, что волков матерых трое откликнулось, а заторочили всего двоих?»

Прямо и приказал ворочаться с охотою на прежнее место, а гончим в подмогу дать еще сорок смычков из запасных. Конечно, все удивились: что, дескать, искать в том отъеме, когда ничего нету — гривенник брось, и то был бы виден... Однако дело-то вышло иначе. Крюк опытный доезжачий был, взял главную стаю да и завел совсем с другой стороны — из самого гущара, где была приболоть, бурелом, да гущарь страшенный, от самого заразистого места. И не успел сделать напуск, как гончие захватили, помкнули и повели по горячему, а там перевили голоса и почти от напуска вся стая залилася по зрячему. Даже сердце захолодало у меня... Нешто в пустом острову можно так-то гонять?

Прибылые волки иногда твердо держатся к своему месту... Иной раз в лесу стая совсем сгоняет прибылого, а он ни разу не высунется в поле к борзятникам. Будь то переярок, он бы сразу полем куда-зря норовил бы проскочить в чужой остров, а уж матерый — дело другое: тот редко даст и два-то круга, а больше со второго норовит, как бы ему слезть куда-нибудь в поле и нехорошим, плохим лазом — по гриве лесной, по порубке, абы перевалиться как-нибудь.

А тут на-поди! Кто-то сидит середь леса да и шабаш!... Помру, а того дня не забуду! И остров-то был голосистый, да уж и стаи были подобраны под голоса на славу... По лесу словно серебряные гусли играют, и каждый человек не может слышать той музыки простым сердцем. Глядь, из опушки выскочил подгонщик. Лица на нем нету, кричит мне: «Беда! Крюк сказывает, что напоролись на Волчиного князя!» Дюжины две гончих уже перекалечены, бегает по своему следу и давит отсталых. Крюк сам, вишь, видел, как тот волчище перекусил ногу двум выжлецам и заскочил в тайник да и прогнал невесть куда.

Добавили в лес еще стаю смычков полсотни, т. е. сто собак. А из лесу опять подали голос: «Беда! Давайте подмогу».

Еще часик — уж который! — прошел. Заиграли по лесу гусельки звончатые! Слышу совсем близкий гон... обвела стая кого-то по логу, снеслась было, — и заревела вся в один голос ... то вплотную ко мне, то со слуха уйдет... Похоже было: какой-то сильно огромный зверюга хорошо обложился в лесу, да сам садится на свой же след и гоняется за собаками. Слышу, подают голос: «Береги!» и в ту же секунду совсем против меня, почитай, вся стая, ревя в один голос, вывалилась из лесу на поле и силóм выпихнула невиданное чудище... Зверюга был белый, не в меру лохматый, а под животом в красноватой жел-

тизне. Велик же был — упаси, царица небесная! Видал я бирюков, но перед этим и матерые показались бы щенятами.

Как завидели его борзые, так и оторопели. Молодые закинули головы кверху и завыли на страшные голоса. Однако немало кобелей бросились к нему со всех свор, потому что, видемши такое дело, все борзятники стали сваливаться к одному месту...

Кинул я свою свору, гляжу, а впоперек им уже режут два муругих кобеля из своры самого Тышкевича, а за ними полным карьером валят и господа, и псари, да и все своры черкают кто откуда, как есть все поле захватили.

А был не прост зверь, но сам Волчиный князь. Потому все своры, как доспели до него, осыпали его даже кругом, но ни одна не поскоромилась, даже не присунулась...

Улю-лю! Улю-лю!.. а они не берут. Беда, да и только! Улюлюкают, травят — ни одна! Волк сидел, сидел, приподнялся да и пошел, прямо лбом на собак полез. А те — во все стороны от него... Глядь, из-за угла леса Стоцкий заскакивает и уж куда лихо спеют оба его кобеля. Как завидели они волчище и заложились во все ноги. Только Грубиян опять вынесся вперед, прутко приспел он и сразу вклеился волку в правое ухо мертвою хваткой. Лязгнул волчище зубами, словно крюком железным подхватил Грубияна за пах и сразу вывалил ему черева наземь. Однако в тот же миг и еще два черных кобеля влепились волку в гачи, а там уже и все взялись мясничать: кто — в шиворот, кто в щипец, кто в пахи, мой Удар тоже прихватил в ухо, чей-то муругий кобелище даже и в глотку — насилу — насилу-то завалили ногами вверх — словно муравьи кишат над волком собаки. Однако и волчище справился скоро; сперва приподнял зад, а там так тряхнул кобелей, что все разлетелись как рукавицы. А мою суку клыком снял со своего паха — так и разворотил ей лопатку. Но и тут ему Грубиян не уважил, совсем зазлобился, ощетился весь, трясется, своими же ногами в своих кишках путается, а со зверюгою на грудную схватился. Страшно мотал его Волчиный князь туды-сюды, а Грубиян впился словно клещук. Видемши это и другие накинулись... А тут сам пан Тышкевич слез с лошади и принял волка — прямо под левую лопатку засадил свой ножик...

А Стоцкий?...

Как уходили Волчиного князя, псари разогнали собак арапниками, тогда и Грубиян приподнялся с земли, прямо и пошел к хозяину и правилом виляет, а кишки за ним волокутся по грязи. Как глянул Стоцкий на своего друга, прямо и вдарился оземь замертво...»

Такую картинность, яркость и страстность имела большая псовая охота. Автор рассказа «Волчиный князь» Р. Л. Марков еще включил в свое занимательное повествование элементы романтики, придающие оттенок героизма борзой собаке и делающие рассказ еще более интересным.

Уместно дать сведения о комплектной псовой охоте и островной езде в, так сказать, «деловом ключе», рассказать, как организовывалась псовая охота в России во второй половине XIX столетия[1]. Это был конец ее существования. О комплектной островной охоте тем более нужно дать основательное представление, что о подобной охоте у галлов писал еще в I в. н. э. римский писатель Арриан, и, значит, система выставления гончими зверя из леса на открытое пространство под своры борзых действовала два тысячелетия, а может быть и больше.

Очень реально писали о последнем этапе комплектной псовой охоты Н. Н. Челищев в книге «Борзая» (1929 г.) и Г. Д. Розен в статьях, опубликованных в журнале «Природа и охота» (1888 г.). Особенно отчетливо представляется псовая охота русских помещиков в статьях Г. Д. Розена. Он дает даже конкретные сведения о величине расходов, которых требовало содержание комплектной псовой охоты в конце XIX столетия, о размерах псарни и о необходимом штате псарей. Г. Д. Розен пишет о расходах по охоте, которую держал сам, и о штате служащих у него охотников: «жалованье доезжачему — 360 р. в год; выжлятнику — 75 р.; борзятникам двум по 60 р. — 120 р.; борзятнику третьему — 120 р.; корытничему — 72 р.; 365 пудов овса для собак — 182 р. 50 к.; овес для лошадей — 255 р.; мясо для собак (конина) — 100 р.; непредвиденные расходы — около 500 р.; всего — 1785 р.»

Г. Д. Розен заключает эти подсчеты такими словами: «... как видите, расход не так уж велик, а охотился я приятно и весело...»

Если учесть разницу между рублем 1888 г. и современным, то станет ясно: «расход не так уж велик» — это точка зрения человека настолько богатого, что его не смущает такая весьма значительная трата. Однако эти почти 2 тысячи рублей в год были необходимы для содержания охоты очень скромных размеров. Ведь если в охоте всего лишь три десятка борзых и гончих, то стая гончих в охоте Розена состояла не более чем из шести смычков (12 собак). И скромность охоты Розена особенно видна на фоне мнений Н. Н. Челищева, который писал, что в псовой охоте «стая... должна быть никак не менее 7 смычков (14 собак). Менее этого количества может быть только при охоте на зайцев и лисиц, по волкам же меньшая по количеству стая недопустима».

Очевидно, если такой помещик, как Розен, и был богат, то все же через 27 лет после освобождения крестьян и потери помещиками даровых работников он вынужден был в известной степени ограничивать свои траты.

---

[1] Об организации псовой охоты и действиях участвующих в ней помещиков — хозяев охоты и всех слуг ее — крестьян с большой точностью и достоверностью написано в «Записках мелкотравчатого» Е. Э. Дриянского.

Во всяком случае теперь, почти через 100 лет после Розена, отчетливо видно, что даже самая скромная комплектная охота стала дорогим удовольствием, доступным очень немногим помещикам, а большинство тогдашних помещиков — любителей борзых переходило в разряд «мелкотравчатых».

Порядок и характер подготовки к охоте и производство самой охоты изложены Г. Д. Розеном толково и тщательно, что дает хорошее представление об этом сложном и увлекательном деле. Очень важной для успеха охоты являлась подготовка гончих и борзых собак.

За месяц до «езды» (т. е. охоты) борзым меняли летний корм на более питательный, увеличивая количество мяса. Прогулки делались продолжительными и обязательно при верховых, а не пеших, как летом, охотниках. Старались ездить такими местами, где можно встретить зайца, чтобы кроме прогулочного бега у собак была и скачка, и вообще предоставлять им как можно больше возможностей движения. Утренний корм понемногу уменьшали и приучали борзых есть один раз в день «до отвала» на вечерней кормежке. Во время осенней езды борзых перед охотой не кормили по системе, принятой Г. Д. Розеном, однако по методу Н. Н. Челищева, хотя и немного, но кормили густой овсянкой с мясом утром.

Подготовительная тренировка продолжалась месяц до 1 сентября (14 сентября по современному календарю), не пропуская ни одного дня. За это время борзые сбрасывали лишний жир, движения их становились особенно легкими, а скачка резвой.

Подготовка стаи гончих бывала продолжительнее. Как сойдет снег весной, стаю проваживали сначала пешие доезжачий и выжлятник, а потом на лошадях, постепенно увеличивая расстояние и проезжая часть прогулки рысью, чтобы гончие сбрасывали жир. На проводках гончие ходили на смычках, их старались проводить около стад, чтобы заранее внушить им вежливость к скоту, особенно к телятам и овцам.

Когда в лесу подрастала трава, шла нагонка, гончие гоняли зверя в нежаркое время, в основном ранним утром. Нагонка повторялась ежедневно часа по три-четыре и продолжалась до середины июля по современному календарю (по старому стилю до Петрова дня — 29 июня). В эту пору гонять трудно из-за высоких цветущих трав, и залавливали гончие зайцев редко.

В общем подготовка стаи имела своей целью, как и подготовка борзых, сбросить с гончих жир, накопленный за зиму, втянуть их в работу, натренировать мускулатуру. Для молодых гончих-подростков эти проводки играли роль нагонки, т. е. обучения гоньбе, приучения к рогу и общей дисциплине. В конечном счете, когда стая входила в рабочее тело, и молодняк приобретал опыт работы в стае, доезжачий отрабатывал вождение стаи лесом без смычков, в первое время с участием выжлятника и его арапника, а потом и в одиночку — так, как ему придется на охоте вести стаю на волчьи логова.

Подготовка зверя к осени или, вернее, разведка волчьих и лисьих выводков, да и наиболее зайчистых «островов» имела очень большое значение. Доезжачий должен был узнать, где именно логово каждого выводка волков, где их водопой, каков остров и где основные лазы зверя из него. В начале июля (по современному календарю в середине июля) доезжачий объезжал острова и вообще места, где были известные волчьи выводки. Разведка делалась и путем расспроса крестьян, особенно пастухов, — не видят ли волков, а если видят, то где, сколько, каких; а главная разведка — проверка подвывкой, причем доезжачий должен был сам уметь подвывать на три голоса: басом материка, таким же протяжным воем матерой, тоже одной нотой, но только повыше, чем у материка, и голосом переярка, который воет так же, как волчица, но в это время как будто что-то жует. Уметь подражать этим трем голосам необходимо, так как иногда выводок (волчата) не ответит на голос старика, но ответит на голос матери или переярка.

Для верности определения места логова при доезжачем на подвывке бывал помощником кто-нибудь из служащих охотников, который отслушивал направление на логово, находясь где-нибудь в стороне.

Подвывка — дело не простое, и мастерство подвывалы состояло не только в правильном подражании звукам волчьего воя, но и в умении понять, почему волки не ответили сегодня, если отвечали вчера, в умении рассчитать, сколько раз можно дать голос, чтобы не вызвать у «стариков» подозрений. Основой подвывки бывали не только определенные правила, но и настоящее знание характера зверя, умение сварьировать подвывку и угадать, когда лучше уехать (доезжачий и его помощник ездили на подвывку верхом). Если выводок ответил, то дальнейшее откладывалось до утра: доезжачий с помощником шли пешком по замеченному направлению и отыскивали логово по ряду примет: помятая трава, целые тропы в ней, натасканные свежие кости и т. п. Таким способом доезжачий проверял все известные ему выводки, если после прошлогодней охоты «старики» уцелели. Волки очень привязаны к месту, и выводки обычно бывают из года в год примерно в одном месте (в одном острове), меняя лишь пункты логовов.

Подготовка лисьих выводков гораздо проще. Тут все дело в расспросах и в осмотре нор, которые обычно доезжачий знал наперечет.

Уже одно то, что на доезжачего возлагалась разведка выводков, делало его главным лицом в охоте: он вел стаю, руководил ею. Выжлятники помогали ему и были в полном его распоряжении. При обращении с гончими доезжачий должен был оставаться терпеливым, добрым, но твердым и настойчивым. Арапником он никогда не наказывал собак, это была в случае нужды обязанность выжлятника.

Постановка дела была такая, что гончие должны были любить доезжачего за его ласку, за кусочки прикормки, за всегда ровное, спокойное отношение. Конечно, если на глазах доезжачего гончая бросилась на овец, забыв о дисциплине, тут уж и доезжачий, если ему ближе и удобнее, остановит собаку арапником.

Доезжачий производил напуск стаи на работу, он же и вызывал рогом гончих при окончании охоты и должен был добиться, чтобы все собаки явились на рог, и не уходил со стаей на ночлег, пока не выйдет из острова последняя гончая к стае.

Езда по волкам в комплектной охоте была самой трудной задачей, требующей от борзятников большого внимания и сообразительности. Вот как Г. Д. Розен излагал свои знания, свой опыт езды с комплектной охотой по волкам.

Накануне охоты доезжачий с одним из охотников отправлялся к острову, где разведан выводок, и старался на вечерней заре отслушать его, т. е. услыхать его вой. Если воя волков не слышно, а стало уже темно, то доезжачий подавал голос сам и, если волки отзовутся, ехал домой, а на утренней заре повторял то же самое; если и утром волки отзовутся, то, значит, выводок в острове.

Но не всегда это бывало так удачно; могли представиться разные осложнения. Выводок мог покинуть остров и перейти в другой — тогда следовало посвятить 1—2 дня розыскам его. Обыкновенно волки уходят недалеко, и все дело в терпении охотников.

Выводок может быть распуган, тогда разыскать его труднее и надо караулить по утренним зорям нескольким охотникам в разных направлениях, — не услышат ли где воя или, еще лучше, не увидят ли где молодых, возвращающихся на логово. Тогда немедля вся охота собирается и едет к тому острову, где видели волков. В обоих случаях много могут помочь расспросы у пастухов и осмотр дорог: осенью большею частью земля сыра, и на дорогах отлично можно различить волчьи следы. Знание места водопоя тут-то и может пригодиться; волки по старой привычке часто отправляются пить к известному уже им месту.

Но и тут не всегда бывает удача: осень может быть дождливая, воды везде много, и на старый водопой большого внимания обращать не следует.

Самое неприятное — это возня с бродячим выводком, что часто случается в местности, не имеющей крепких или довольно крупных островов. Тут подвывка ни к чему не ведет и ее даже следует избегать.

Бывает также, что выводок, кем-либо обеспокоенный на своем обычном месте, перекочевывает в большой лес, если он недалеко; это самая неудобная вещь; тут только два средства взять волков; оба основаны на выслеживании ходов выводка, куда он ушел из леса вечером. Если ему на обратном пути предстоит проходить каким-нибудь отъемным островом, то можно

занять переход из этого отъема в большой лес и, подставив на нем караул, дать знать охоте. Выводок, заметив верховых, наверно, задержится в острове настолько, что охота успеет прийти.

Когда такого отъема нет, то охота должна с ночи занять опушку леса с той стороны, где ожидаются волки, и на заре травить встречных, когда они будут возвращаться со своей ночной кормежки.

Во всяком случае, так ли, этак ли, выводок найден, доезжачий вернулся домой с проверки около восьми-девяти часов утра. Охота должна уже быть совершенно готовой и ждать его возвращения. Доезжачий садится на свежую лошадь, и все двигаются к острову, где находятся волки; не доезжая примерно на полкилометра, стая гончих останавливается, а борзятники едут занимать места. Все должно происходить в полнейшей тишине. Волк до того умен, осторожен и сметлив, что стоит одному из «стариков» заметить охотников, как он, собрав весь выводок, скроется из острова в ту сторону, в которую всего менее можно было ожидать.

Места борзятникам должны быть известны заранее, чтобы им прямо ехать на них и становиться скорее, а не ездить по полю взад и вперед, отыскивая, как бы лучше стать.

Дело доезжачего — рассказать, как и где кому стать; вот почему возникает необходимость полного его знакомства с островом. Увидав, что борзятники на своих местах, доезжачий трогается к острову, на опушке размыкает гончих и, соблюдая полнейшую тишину, ведет стаю прямо на волчье логово.

Осенью логово может измениться против лета, но свежее логово всегда заметно самому охотнику и еще более собакам. Зачуяв свежие следы волков, они сейчас же начинают беспокоиться и шерсть на загривках у них подымается; лишь тогда доезжачий посвистом позволяет им рассыпаться и начать гоньбу.

Все старание должно быть обращено на то, чтобы не дать собакам сорваться ранее, чем они будут на логовах, и чтобы вся стая погнала бы вдруг прямо с логовов, разбивши волков во все стороны разом. Иначе может случиться, что волчица примет всю стаю на себя и уведет ее в сторону от молодых; при удачной же разбивке выводка волки побегут в разные стороны и никогда не выйдут табуном на какой-нибудь один лаз.

Как только первые волки будут выставлены в поле, должно гончих собрать опять на логово и дать им отыскать остальных: волки, особенно молодые, очень неохотно покидают логова и их окрестности. Вообще молодого волка трудно выбить из острова: в поле он идет очень неохотно.

При выводке, не имеющем постоянных логовов или вовсе их не имеющем, доезжачему следует ездить по острову, наблюдая за гончими, пока не заметит, что они почуяли свежие волчьи следы, и только тогда позволить им гнать, стараясь громким порсканьем и хлопаньем арапника напугать волков и

заставить их бежать в разные стороны. При таком выводке правильной гоньбы добиться трудно: гончие, разыскивая по острову волков, могут наткнуться и на другого зверя, и забрать весь выводок удается редко.

В случае задержки выводка на ходе к большому лесу гончих всегда следует бросать с опушки, ближайшей к лесу, куда ход волкам. Делать это надо потому, что волки, задержанные в своем желании перейти в лес, от шума на опушке никогда не бросятся назад, а разбегутся по всему острову и будут стараться поодиночке перебраться через поле, отделяющее их от уймы.

Все сказанное относится к местности лесистой, с крупными островами и уймами. В полистых же и степных местах, где острова малые, а больше болота и овраги, всех вышеозначенных приемов не требуется; лишь бы быть уверенным, что волки тут, а гончих как ни брось, выводок все-таки будет взят. Борзятники стоят у волков на виду, и они уже ни за что не бросятся гурьбой на один лаз, разве что доезжачий очень будет шуметь, чего делать не следует, а надо всю гоньбу вести на свистках. Всех случайностей предвидеть и описать нельзя, и вся удача охоты зависит от сметки и опытности доезжачего с выжлятниками.

Отправляясь на выводок, никогда нельзя вперед знать, будет охота удачна или нет; она всегда гадательна. Волк такой умный зверь, что от него можно ожидать всякой выходки, способной расстроить весь план охоты.

Борзятникам на охоте по волкам нужно обладать отличной сметкой и смелостью: малейший зевок — и все дело испорчено. При занятии мест они заранее должны знать, где и как кому стать; ехать на места как можно тише и становиться от острова дальше, чтобы быть хорошо скрытым, но так, чтобы ему видно было все кругом себя, а волк бы из острова его заметить не мог. При проезде на лазы не нужно ехать близко от опушки; бывали случаи, что старые волки с опушки следили за охотниками и тотчас же уводили весь выводок из острова.

Углубление в почве или кусты служат хорошим местом для прикрытия охотника с лошадью и собаками. Стоять на месте должно не двигаясь и отнюдь не следует курить, особенно если ветер дует от охотника к лесу.

На то место, где ожидают матерых волков, нужно поставить своры несколько ближе одна от другой; хорошо надежную свору поставить сзади линии борзых, чтобы в надлежащую минуту бросить собак матерому в лоб. Собаки при езде по волкам должны быть все на сворах.

Молодого волка можно травить и на дальнем расстоянии, лишь бы он сам был подальше от острова и не успел бы кинуться назад; матерого же волка или переярка травят всегда в лоб, так как его вернуть назад в остров трудно, особенно старого волка; он всегда идет напролом по раз принятому направ-

лению, не очень-то обращая внимание на препятствия; да и борзым легче поспеть, если будут спущены навстречу. Матерый волк страшно резв, и взять его в угон на далеком расстоянии немыслимо.

Во время травли охотник должен скакать, не отставая от борзых, и как только волк будет ими взят, то сейчас же колоть его и дать собакам, особенно молодым, хорошенько потаскать волка, что развивает в них азарт и злобность.

Некоторые охотники струнят волков и привозят их домой живыми. Если нет настоятельной небоходимости иметь живых волков, делать этого не следует; струнение волков уменьшает злобность собак, так как их при этом сейчас же отнимают от волка, не дав им хорошенько помять и порвать его. Струнят же волка так: один охотник садится на него верхом и крепко держит уши, а другой вставляет ему в рот короткую палку, к концам которой привязано по бечевке, и заматывает их кругом морды и шеи, завязав концы на затылке волка, чтобы палка не могла выскочить из рта; ноги волку связывают веревкой и взваливают его на седло.

Колоть волка, а особенно матерого, следует как можно скорее, потому что борзые держат его лучше и крепче всегда с первого раза и все слабее и слабее в последующие. Старый волк, если его не зарезать сейчас же, дав собакам несколько утомиться, легко стряхивает их с себя и уходит, несмотря на отчаянное улюлюканье охотника. Настоящий борзятник сразу бросается на волка с ножом; если же на это не хватает смелости, то лучше и на охоту не ездить,

Пока все волки, находящиеся в острове, не будут затравлены или выставлены в поле, борзятникам с мест съезжать не надо. При большом выводке охотники могут и не торочить сейчас же принятых волков, а лучше скорее забрать собак на свору и становиться на лаз, а волков можно подобрать и после, когда подадут голос к вызову гончих. Волки иногда бегут следом друг за другом, и пока охотник будет второчивать одного, можно пропустить другого. При езде в малых степных островах борзятникам нечего прятаться, а можно становиться на виду вблизи острова, конечно, если их достаточно, чтобы окружить лес со всех сторон, или, по крайней мере, стеречь несколько лазов, чтобы в случае надобности поспеть и туда и сюда.

Когда охота происходит на выводок, остановленный на дороге к большому лесу, охотникам надо занимать всю опушку этого леса и становиться гуще. Можно быть вполне уверенным, что волки пойдут только этим местом; остальные стороны могут остаться незанятыми.

Большое количество гончих при охоте на волков необязательно, — писал Розен, — хороших двенадцать, двадцать гонцов совершенно достаточно при ловком доезжачем для успешной охоты. С этим утверждением были не согласны Н. Н. Челищев и Н. А. Сумарокова. Да и по классическим «Запискам

мелкотравчатого» можно видеть, что стаи гончих в 50—60 собак были не лишними в псовой охоте на волков.

Бывают случаи, что волчица старается отвести стаю от выводка, для чего бросается прямо на глаза гончим и, собрав их, уводит за собой. Этим смущаться нечего; выжлятникам надо сбить тогда гончих, а доезжачему звать в рог и, собрав гончих, вести стаю на логова. Конечно, при этом произойдет замедление, но тут ничего не поделаешь — гончие не на вожжах у доезжачего и остановить их нельзя, когда волчица вертится у них на виду.

Так как охота на выводок кончается рано, следует сейчас же ехать домой и не увлекаться попадающимися по дороге островами. Надо дать отдохнуть доезжачему после бессоной ночи, часто проведенной в поле, под дождем, на холодном ветру.

Охота на встречных волков происходит без гончих, а лишь с несколькими загонщиками. Нельзя заранее рассчитывать на все количество выводков, приготовленное с лета. Самым верным будет, — считал Розен, — удачно взять половину всего выводка, и то хорошо. Вообще охота на волков — вещь очень трудная и сложная, и начинающий охотник не сразу усвоит все нужное в этом деле.

Осенью мешают дождь и ветер, особенно ветер, при котором никак не удается услыхать волков и который необходимо переждать. Не только при отзыве волков, но даже днем при травле ветер портит дело; борзятникам не слыхать гончих и надо надеяться на одно зрение; гончим не слышно друг друга и рога доезжачего,— вообще ветер производит большую неурядицу.

Зато как бывал вознагражден терпеливый охотник, когда выехали на верный выводок в хороший, тихий день! Все двигаются в порядке, степенным шагом. Борзятники заехали по местам и скрылись из глаз — кто за кустами, кто в каком-нибудь углублении; все ожидают с нетерпением начала гоньбы.

Видно, как доезжачий со стаей скрылся в опушке острова; кругом такая тишина, что слышно, как мыши бегают по утоптанному жниву. Лошадь начинает дремать, опустив голову; лишь борзые сидят, насторожив уши; кажется, что никогда эта тишина не прервется.

Но вдруг лес оживает: точно оркестр, разражается в нем гоньба; каких голосов не услышишь тут, и все это покрывается басистым, хриплым улюлюканьем доезжачего.

Стая удачно брошена на свежее логово; до вас доносится то там, то сям улюлюканье борзятников, и вы каждую секунду ожидаете увидать волка. Вот он показался на опушке, поглядел по сторонам и тяжелым галопом несется прямо вам в ноги. Лошадь и собаки ожили; вы сами чуть дышите. Волк близко; злобные борзые спущены, и через мгновение вы видите, как из них и волка образовался какой-то клубок; борзятник бросается принять зверя. Этой-то минутой псовый охотник и вознаграждается вполне за все невзгоды, которые претерпел.

Езда по лисицам и зайцам характеризуется Г. Д. Розеном как значительно более простой способ охоты по сравнению с охотой по волку.

Езда по лисам хотя и требует предосторожностей, но все же это не то, что волк. Логова у лисиц нет, а есть норы и, если они доезжачему известны, то, конечно, лучше перед напуском гончих кому-нибудь заткнуть эти норы и не дать лисицам понориться.

Стаю бросают прямо с опушки, но громко порскать и хлопать арапниками не следует. Лиса, услыхав шум, живо обежит всю опушку острова и скроется каким-нибудь лазом, ей одной известным. Гоньба по лисам для гончих легкая, пока она не начнет хитрить: взбираться на упавшее дерево, или прятаться в воду — ее обыкновенные штуки.

Если ей понориться нельзя, то доезжачему зевать некогда, надо вести стаю так, чтобы не дать кумушке опомниться. Тут уже подзадоривание гончих необходимо, чтобы лисе не дать возможности оглядеться, а выставить ее скорее в поле.

Борзятники, конечно, занимают лазы до наброса стаи и становятся как и по волку, стараясь чем-нибудь укрыться.

Если окрестные острова и вообще вся местность изобилует лисицами и если борзятников достаточно, можно поставить несколько свор за ближайшим, еще не взятым островом. От шума лисицы, находящиеся там, пожелают скрыться заблаговременно, чему и надо помешать. Лиса бежит из острова, стараясь быть незамеченной, какой-нибудь высокой межой, рытвиной или высокой травой и жнивом; охотникам очень зорко надо оглядывать поле, чтобы не прозевать хитрого зверька.

При травле у неопытных собак лиса часто уходит невредимой. Она то обманет их своей пушистой трубой, то вдруг упадет на полном бегу и, когда борзые пронесутся, возвращается благополучно в остров. Со старыми опытными собаками, конечно, все ее штуки ни к чему не ведут, и она живо попадает в торока.

В степной местности ездят еще и без гончих, с одними борзыми, разравниваясь в линию. Это довольно скучная охота, требующая огромного терпения и отличнейшего зрения. Лисицу лежащую наехать почти не случается, а следует высматривать ее вдали на ходу; вся охота, конечно, двигается в полнейшей тишине. Заметив лису, охотники стараются окружить ее. Крайние на рысях заезжают вперед, и если она не подается в круг, то стараются указать ее собакам уже на авось; в противном же случае середина линии наезжает на нее. Когда она запала где-нибудь, заметив опасность, то съезжаются ближе и высматривают, куда она скрылась.

Во время травли лиса, казалось бы, большого интереса не представляет, так как бежит тупо и собакам сопротивления оказать не может. Несмотря на это, охотники всегда с большим удовольствием травят этого хитрого зверя. Его хитрость и труд-

ность добычи составляют всю прелесть охоты. Второченный, он красивее всех других зверей своей красной шкуркой и пушистой трубой.

В российских областях зайцев два вида — русак и беляк; помесь между ними называется тумаком, который часто обладает качествами того и другого вида. Травля его очень интересна: он резв, как русак, увертлив, как беляк.

Охота на зайцев во времена комплектных охот представляла много интереса для настоящего охотника трудностью гоньбы и резвостью этих зверьков. Производилась она двумя способами: из-под гончих, где травился больше беляк, и в наездку, где попадался почти исключительно русак.

Заяц — зверь, который держится везде. Во всяком острове с подлеском непременно есть зайцы. Больше всего они любят частый кустарник с полянами или обитают вблизи хлебных полей. На зайцев большое влияние имеет погода. В сухую погоду они предпочитают травянистые острова, особенно, когда начнут сбрасывать летнюю шерсть — затираться, т. е. линять; в дождь держатся больше в кустах; во время ветра или тумана предпочитают ложиться в поле, в какой-нибудь рытвине или под межой; их тогда в лесу очень беспокоят шум и большие капли воды, висящие на всяком сучке.

Приготовлений к охоте на зайцев не нужно: идут просто от одного острова к другому; гончих бросают с опушки и сразу начинают порскать, хлопать и вообще производить как можно больше шума, чтобы поднять зайца с лежки и заставить дать свежий след, на который гончие могли бы натечь (т. е. найти его).

Борзятники, уже не скрываясь, становятся недалеко от опушки острова, так как своим видом зайца напугать не могут. Самый надежный лаз будет на том месте, где остров ближе подходит к другому острову. Вот и все, что следует наблюдать.

Доезжачий должен следить, чтобы собаки не гнали врозь по нескольку зайцев зараз, конечно, при известной возможности. При обилии зверя невозможно заставить всю стаю гнать по одному следу: она непременно разобьется, и гоньба пойдет по всему острову.

Если гончие стеряют зверя, то на месте, где это произошло, доезжачий должен поездить, подозвать к себе собак и похлопать, возбуждая собак порсканьем, пока запавший заяц не будет найден. Вот и все, что можно сказать о езде по зайцам из-под гончих.

При охоте в наездку на хлопки все борзятники, имея собак на сворах, вытягиваются в одну линию шагов на пятьдесят друг от друга и равняются полями, хлопая арапниками по межам, кустам и овражкам, вообще не пропуская ни одного места, где можно предположить присутствие зайца.

Травит лишь тот охотник, из-под которого вскочил зверь, а остальные продолжают равняться в линию, разве что попа-

дется особенно резвый русак, для которого понадобится помощь другой своры.

Иногда можно увидать лежащего на логове зайца. Тогда охотник должен остановиться, поднять кверху арапник и протяжно сказать: «Ату его». При желании тут можно померить молодых собак с собаками знакомого охотника, если это съезжая охота.

Езду по зайцам следует начинать в половине осени, когда они окрепнут после линьки и приобретут настоящую силу и резвость. В самом начале осени заяц всегда слабнет и теряет много резвости.

Самый же приятный для травли русак — в конце осени, когда совсем выцветет и сделается серебряным; тогда он и резв, и силен до крайности.

Зимняя езда по волку, лисе и зайцу также имеет свою прелесть.

Волк как осенью, так и зимой остается верен себе. Для зимней езды по волку нужны те же приспособления и предосторожности, что и осенью. Вот так проходила зимняя езда по волку во времена помещичьих охот.

Прежде всего следовало озаботиться привадой. На месте, далеко видном со всех сторон, а особенно из усадьбы, вдали от проезжих дорог, еще с осени выкладывают крупную падаль — лошадь или корову. Съеденную сейчас же заменяют новой. Волки скоро привыкают к даровому корму и уже без боязни приходят по ночам кормиться и ловить тут дворовых собак, до которых они большие охотники. Приваживание это продолжают и по снегу вплоть до полного прекращения охоты.

Как только выпадет первый снег, следует рано утром, чуть свет, ехать верховому на приваду и осмотреть ее. Если волки почему-нибудь будут еще на приваде, что, впрочем, можно заметить и из усадьбы, нужно как можно скорее закладывать сани, седлать лошадей и ехать. Если волков на приваде нет, то нужно подъехать к ней и поглядеть, были ли они. Наехав на след, верховой едет по нему до того места, где они скрываются в острове. Сосчитав по следам число волков, охотник объезжает остров: если выхода нет, значит, волки легли, и тогда надо спешить ехать домой и снаряжаться на охоту, не медля ни минуты.

Иногда волки проходят первый остров и ложатся в какомнибудь из последующих; тогда нужно объехать все эти острова, пока не будет найден тот, в котором они легли. При этом необходимо считать входы и выходы волков; тогда только узнаешь точно численность зверя и место его лежки. Часто это очень длинная процедура; во избежание траты времени можно посылать несколько верховых. Зимний день короток и следует сильно торопиться.

Сани следует приспособить к езде. Это простые крестьянские розвальни, лишь на несколько более высоких копыльях

и хорошо обшитые. В них, смотря по надобности, можно запрячь одну, две и три лошади. К головяшкам на нахлестках прикрепляют две доски, по одной на каждой стороне, в виде лавочек. Вот и все устройство. На одну из лавочек садится кучер, на другую охотник. Собаки на коротком ремне помещаются между людьми на дне саней. Брать с собой в сани можно от двух до четырех собак, чтобы они не могли видеть волков, а волки их. Борзых чем-нибудь накрывают с головой, и вообще приучают их лежать смирно, чтобы не рвались и не визжали. Таких саней может быть сколько угодно, смотря по желанию и средствам хозяина охоты. При этой езде должны быть два-три верховых для загонки зверя.

Если застанут волков на приваде, сани едут по ближайшей дороге, растянувшись по ней шагов на пятьдесят друг за другом, а верховые, заехав с противоположной стороны, растягиваются в линию и стараются нагнать волков на сани. При этом вести дело следует так, чтобы волки бежали не очень быстро и вообще не были напуганы. Волк, привыкший видеть крестьянские сани и лошадей, безбоязненно подбегает к ним; тогда охотник быстро открывает собак и спускает их; сам же в санях скачет за собаками, пока они не завалят волка, и закалывает его скорее, чтобы он не покалечил собак, что часто бывает на этой травле.

Таким же образом проходит охота не на приваде, а всякий раз, когда волки попадутся на открытом месте и будут в виду у охотников. При нескольких волках каждые сани едут за своим волком, а верховые стараются помочь и тут, и там. Травля эта очень картинна.

Когда волки лежат в острове, охота производится несколько иначе. Сани с собаками заезжают вперед и становятся, как обыкновенные своры, на лазы, а верховые загонщики исполняют роль гончих собак: один едет непременно следом, другие же равняются по сторонам, вблизи опушки острова. Все время они хлопают и покрикивают, равняясь с загонщиком, едущим по следу. Волки, поднятые с логова, бегут в сторону, противоположную крикам, и наталкиваются на сани с борзыми.

Охота эта довольно трудная, и предвидеть все случайности нельзя. Обязательно должен быть некоторый навык и в травле, и в загонке. Навык этот иначе как опытом приобрести невозможно, и много будет промахов и ошибок, прежде чем охота пойдет успешно. Особенно трудно загонщикам в больших островах. Волки из большого острова идут неохотно, а вертятся на одном месте, и при неопытных загонщиках это может продолжаться до вечера без всякого толка.

При загонке в поле опыт да охотничья сметка могут подсказать, когда следует погнать быстрее, когда приостановиться. Едущим в санях тоже необходимо сообразить, когда подвинуться вперед, повернуть назад и вообще уловить минуту, когда спустить собак, и не потерять их из виду при пересеченной

местности. Особенно трудно управиться при глубоком снеге: свернуть в целину нельзя и нужно ездить взад и вперед, ожидая ту минуту, когда волку вздумается перебежать дорогу.

Охота продолжается всю зиму, но становится все труднее и труднее по мере накопления снега.

При таких условиях трудностей можно избежать, загоняя волков пешком на лыжах.

Молодых, ненадежных собак на эту травлю брать не следует. Иногда собаки повалят волка, а скоро к нему по глубокому снегу не доберешься; минут пять пройдет, а молодые собаки за такое время могут ослабнуть и спустить зверя.

По лисам зимой ездят так же, как и по волкам, с той лишь разницей, что по глубокому снегу охоту прекращают совсем, так как лису снег держит, а собак нет, и она всегда от них уйдет.

Можно зимой по первым порошам при полистой местности ездить просто в одну лошадь, в маленьких санках и с одной собакой. Лиса в это время мышкует по полям и подпускает к себе сани довольно близко; тогда ее указывают собаке и при мало-мальски хорошей резвости борзой травят всегда успешно.

По первым порошам можно ездить по красному зверю и с гончими, но делается это в местах, где его очень много, особенно лисиц. С утра посылают нескольких верховых для объезда ближайших островов и подсчета входов и выходов зверя. Берут эти острова со стаей, как и при осенней езде.

Езда по зайцу довольно трудна. Он так путает свой след, называемый охотниками маликом, что непривычному человеку ни за что не разобрать, куда он направился. Обычно заяц делает двойку или тройку, т. е. два или три раза пройдет взад и вперед по тому же следу, и сделает скидку — прыжок в сторону иногда метра на два, и опять пойдет или ляжет тут же. А то отправится на жиры — место, где ночью несколько зайцев играли и кормились, и ляжет там, или опять сделает двойку или сметку.

Охотнику надо быть настороже при первой двойке или тройке: заяц где-нибудь да близко и надо зорко смотреть по сторонам, не видать ли сметки. Иногда он делает в снегу нору и лежит там, несмотря на крик и хлопанье арапником, так что приходится вытаптывать его ногами. Иногда же вскочит так далеко, что и не увидишь его.

При езде на зайцев, большей частью верхом, надо более осторожно выбирать порошу, чем при езде на красного зверя. На русаке собаки скорее могут испортить себе ноги, чем на волке или лисе. Пороша может считаться хорошей, когда снег покрывает землю по крайней мере на вершок или два и лежит везде ровно. При таком снеге и по мерзлой земле собаки ног не портят; по жесткой же пороше собаки, может, и поймают зайца, но зато обдерут себе ноги, вырвут когти и будут хромать долгое время.

Приготовлений для охоты по порошам не надо. Просто садятся на лошадь или в сани и едут по первому же заячьему следу, который попадается. При первой двойке или тройке внимательно осматривают, нет ли следа, и осторожно подвигаются вперед, оглядывая все ямки и рычки: заяц недалеко. Попав на жиры, следует искать выход с них, объехав кругом; если его нет, значит заяц лег где-нибудь тут.

Пороши бывают длинные и короткие. Лучшая пороша та, когда снег перестанет часа за два до света; такая пороша будет и не длинна и не коротка. Случается, что в первую порошу, если она глубока, зайцы совсем не встают ночью и остаются на старых логовах. Это ничего не значит, на следующую ночь они непременно встанут покормиться, и пороша все-таки будет, хотя и длинная.

Ездить с гончими по пороше можно, но прежние охотники предпочитали ездить без них, так как гораздо приятнее травить русаков, чем беляков, да и стоять на лазу верхом в мороз не очень приятно, а добычливость та же, если не больше.

Мелкотравчатой охотой занимались в основном небогатые помещики русских степных и полустепных губерний. У таких охотников бывало по нескольку свор борзых, по 3—4 лошади и 1—3 слуги-борзятника. Гончих большей частью не держали и охотились преимущественно по лисицам и русакам в наездку, иногда объединялись в компании. Островная охота на волчьи выводки была таким охотникам недоступна, и если и травили они волков, то это было делом случая.

Была еще односворная охота: по одной своре, по паре борзых держали совсем уж обедневшие помещики. Они травили своими борзыми русаков и лисиц. В лесных местностях иногда применялась травля волков в наездку на заре и травля их с подъезда на санях. Травля волков на утренней заре в комплектных охотах применялась лишь для притравливания молодых борзых, а также у мест «уймистых» (больших лесов), откуда нет возможности наждать волков из-под гончих в чистые поля. Пользовались этим способом и мелкотравчатые охотники, для которых он был единственным более или менее прямым средством добычи волков с борзыми по чернотропу.

Охота на заре возможна только по выводку волков. Поэтому прежде всего точно разведывали выводок, устанавливали место логова и изучали ход волков на добычу и возвращения к гнезду.

Во время наездки на заре молодые борзые бывали на сворах (на ремне) и вообще соблюдалась строжайшая тишина, даже громкое улюлюканье на травле не допускалось. Старых опытных волкодавов иногда оставляли и без своры, если можно было надеяться на их полную выдержку и послушание.

Борзятники занимали места затемно и расстанавливались по опушке острова, в котором было определено гнездо волков, или по полю метрах в 200 от этого острова под прикрытием

кустов, деревьев, в лощинах, отвершках и т. п. Выбирали, конечно, лучшие для волчьего хода лазы. Занимая места по краю острова, борзятники становились метрах в 150—200 друг от друга со стороны волчьего хода (поля) и стояли в опушке так, чтобы иметь возможность обозревать местность, через которую ожидалось возвращение волков к гнезду.

Для этого борзятники становились в опушку, осадив лошадь внутрь леса (головой к полю), чтобы из-за кустов не было видно ни охотника, ни лошади. В таком положении борзятники начинали показывать собакам волков, идущих в остров, на расстоянии не ближе 200 м от занимаемой опушки и непременно осторожно, т. е. свистнув или тихонько улюлюкнув. Иначе волк или успел бы прошмыгнуть в остров или, моментально повернув от крика охотника, уйти от борзых, даже и не показавшись им.

Травля волков в наездку с саней применялась мелкотравчатыми охотниками в лесостепной полосе, где возможно приучить волков к приваде и тем самым удерживать их в определенном месте. Эта охота, в которой участвовали несколько саней (со сворой борзых при борзятнике в каждых) и несколько верховых загонщиков, бывала успешной, когда удавалось застать на приваде волков, если они еще затемно не ушли на дневку в остров. В безлесных местах волков удержать на месте привадой нельзя; поэтому степные борзятники считали слишком трудным розыск волков на санях в степных просторах, где зверь ничем не привязан к месту и бродит чрезмерно широко.

У мелкотравчатых охотников при охоте с одними борзыми были еще такие ее виды, как: «наездка на хлопки по зайцам», когда вспугивали русаков частым хлопанием арапника; «наездка по чернотропу в равняжку» — коллективная охота, в которой каждый борзятник, имея борзых без своры, самостоятельно обыскивал местность, издали равняясь по другим охотникам, едущим в общей, но достаточно растянутой линии; травля русаков по пороше одиночным борзятником с парой борзых, «съезжавшим» (разыскивающим) русака по малику (концевому следу). Травля лисицы по пороше проводилась при участии трех борзятников, из которых один ехал около следа, а прочие равнялись по обе стороны от первого на расстоянии до полукилометра, забирая несколько вперед, непременно шагом, придерживаясь лощин, оврагов и других крепких мест и зорко наблюдая за местностью. При езде по лисицам борзые большей частью рыскали без своры.

Существовала еще травля лисиц «в узерку» как разновидность добычи лисиц по пороше. Таким способом охотились на лисиц, когда в течение долгого времени не было порош и выслеживать зверя было невозможно из-за односледицы. Эта охота была сходна с «ездой в равняжку» с той лишь разницей, что охотились не по черной тропе, а по белой.

Изредка травили волков, съезжая их тоже по следу, как лисиц. Эта охота проводилась с возможно большим числом участвовавших свор борзых и только при особенно благоприятных обстоятельствах: либо по глубокой (мертвой) пороше, когда волк делает лишь короткий след, или когда расчет был на зверей; сильно наевшихся на падали или на приваде и поэтому тоже не уходивших далеко.

Современные способы охоты. Ушла в минувшее комплектная охота со стаей гончих и множеством свор борзых. Да и некоторые другие способы охоты, требующие немало борзых собак и верховых лошадей, тоже стали невозможными. В настоящее время главным является способ, соответствующий охоте в наездку, с той разницей, что теперь борзятники реже ездят верхом, а большей частью ходят пешком.

Время охоты в большинстве областей РСФСР непродолжительно — ноябрь, декабрь. Раньше — охота запрещена, позже — снег глубок. В южных областях, например в степях Северного Кавказа, южных районах Казахстана и среднеазиатских республиках, охотничий сезон значительно длиннее.

По условиям грунта северная охота с борзыми делится на охоту по чернотропу и охоту по пороше. В более северных областях в иные годы охоты по чернотропу может и не быть, если срок разрешения охоты совпадает с началом зимы. Погода и состояние грунта имеют для борзой важное значение. В зависимости от погоды грунт по чернотропу может быть мокрым, влажным, сухим, мягким или жестким, мерзлым, наконец, бывает гололедица.

К особенностям самого грунта добавляются еще и свойства почвенного покрова (травы). Местность может быть луговым долом, полем, оврагами, болотинами. Травля может происходить и на культурных полях: на озимях (зеленях), жнивье со стерней, нетронутой или выбитой скотом, в сорах — зарослях бурьянов на брошенных пашнях, на участках из-под подсолнуха, наконец, на свежей пашне, боронованной или взмете.

На лугах и степной целине влажность грунта не имеет особого значения, лишь бы он не слишком пересох и не закаменел. Единственное, что затрудняет скачку борзой в подобных угодьях, это гололедица, когда каждый стебель превращается чуть ли не в ледяную палку, и собака не только на скачке, но еще в рыску до подъема зверя в кровь сбивает ноги и лапы. Важнее состояние погоды в полях. На сухом пыльном взмете и даже на сухой бороновке борзые при скачке могут сорвать кожу на подушках лап. Еще хуже, когда после затяжных дождей землю на таких полях скует мороз. Скачка по закаменевшим пластам взмета или комкам бороновки иногда ведет не только к срыву кожи, но и к растяжениям связок и даже вывихам. Зверь в этих условиях большей частью уходит, а борзая калечится. Поэтому борзятники «по ножам» на охоту не выходят, если нет вблизи целины или больших массивов ози-

мей или стерни, где можно травить зверя, не допуская его на голые поля взмета или бороновки. В дожди на свежих пашнях (а также на озимях и жнивье) создается особая обстановка. Земля размокает и сильно налипает на лапы зверя и борзой; те и другие теряют резвость, но у собаки, конечно, больше силы, да и ноги длиннее, и она не дает хода ни русаку в черноземных лаптях, ни лисице, теряющей в этих условиях всю свою увертливость. Русак спасается только если ему удается вырваться на травянистую целину и он успеет обтереть ноги, пока еще борзая не достала его. Плохо скакать русаку и по замерзшей пашне, когда она, начав оттаивать, станет скользкой и прилипает к лапам; борзой это мешает гораздо меньше. Очень трудна скачка для собаки на полях с будыльями убранного подсолнуха; скакать по такому полю трудно даже лошади.

Условия скачки борзой по белой тропе тоже неоднородны. Лучше всего мелкая и мягкая пороша при небольшом морозе. Чем глубже становится снег, тем тяжелее скачка для борзой и для зверя. Пока снег остается рыхлым, преимущества на стороне борзой, но по мере передувания и уплотнения снега в полях он все более способен нести зайца и лисицу и все более затрудняет работу проваливающейся борзой. Еще хуже для собаки образование на снегу после оттепели ледяной корки, которая выдерживает зверя, но режет ноги собаке.

Если в начале зимы сразу выпадает глубокий снег, то может получиться мертвая пороша, по которой зверь не бродит ночью и почти не дает следа. Найти его тогда очень трудно, зато поднятый, он не может бежать резво и лишь ныряет в снегу. Борзая быстро ловит зверя в эту пору, но, конечно, красоты и спортивного интереса такая охота, как и охота по мокрой пашне, не представляет.

Наилучшая погода для охоты с борзой — сухая, прохладная, когда почва все же влажна после недавних дождей, а температура около 5—10 °С тепла. Невозможна охота в сильный дождь, жару и крепкий мороз, а особенно при густом тумане, когда и собака теряет зверя, и охотник ничего не знает о том, как идет травля. В отношении температурных условий многое зависит от области, где производится охота, и от климата, к которому привыкли местные собаки.

Борзые более северных областей (Тамбовская или Ульяновская) не могут успешно работать при такой теплой погоде, какая не создает трудностей, например, для волгоградских борзых, не говоря уже о среднеазиатских тазах. С другой стороны, тазы не могут работать в такой мороз, который нипочем нашей псовой.

Лучшими местами для травли являются ровные или слегка волнистые целинные степи, поросшие ковылем или полынником. В таких местах обычно отличная видимость и большие удобства для скачки борзых и лошади. Во многих областях

нет целины, и охота идет в культурных полях. Конечно, и здесь чем ровнее местность, тем лучше; однако нередко зверь, избегая ровных и голых полей, то жмется к оврагам, то ложится в густом бурьяне, откуда вскакивает и уходит незамеченным. В сухую, тихую погоду русак любит залечь на озими. Здесь — все удобства для скачки, а травля на зеленях чрезвычайно красива, особенно в солнечный день. Если озимь уже закустилась, русак поднимается близко.

Поздней осенью сильно побелевший русак часто ложится на взмете между пластами. Здесь на черном фоне пашни он далеко виден и можно искать его в узёрку. Однако травля по комкам и пластам очень тяжела, и далеко не каждая борзая заловит русака, если не удастся выбить его на стерню, озимь или луговину.

В последнее время в южных степных областях создается много лесных полезащитных полос. Русаки ищут спасения от борзых в лесных посадках, где кроме кустов и деревьев их скрывает и высокая трава. Псовые борзые помещичьих охот в лесу не работали, но среди современных есть такие, которые не теряют зверя в лесополосе и ловят его там. Можно привести хотя бы такие примеры: на Саратовских областных испытаниях в 1946 г. псовая сука Кара, принадлежащая Гордееву, после трехкилометровой скачки заловила русака в лесопосадке вдоль железнодорожной линии. На Ростовских областных состязаниях в 1950 г. кобель Иванова Герой после нескольких угонок поймал русака в довольно густой полезащитной лесополосе.

Если русак ляжет возле оврагов, взять его трудно. Поднятый, он скрывается в ближайшем отвершке, и только очень опытные борзые иной раз умеют не потерять его и, когда он выровняет бег по дну оврага, настигают и ловят его или угонками выбивают вон из оврага, чтобы разделаться с ним на ровном месте. Не всегда это удается, особенно если овраг извилист и разветвлен.

Лисица на дневку ложится также в разных местах. Иногда она ляжет на взмете, откуда ей далеко видно и где она вскакивает за полкилометра и больше и затем успевает скрыться в ближнем овраге, не подпустив к себе собак. Нередко лисица располагается на стерне, на кучках соломы, оставшихся после уборки комбайном. Здесь борзятник может подойти к ней близко, так как кругозор ее ограничен этими кучками. В этом случае травля обычно успешна. Иногда после утреннего мышкования лисица ложится на вершине омета, откуда ей далеко видно. Издали заметив человека с борзыми, она уберется вовремя, невидимо спустившись по противоположной стороне омета.

Бывает, что лисица день проводит неподалеку от норы. Местонахождение нор борзятник должен знать и проведывать их во время охоты. Здесь он часто может найти добычу. В сильные морозы русак и лисица забираются в бурьяны и вскаки-

вают, близко подпустив собак, но зато и быстро скрываются. Необходимы исключительная зоркость и резвость да и мастерство собак, чтобы не упустить зверя в этих условиях. В бурьянах случается наткнуться и на волка, особенно в ветреную погоду, когда шум сорняков заглушает шаги, и зверь не слышит приближения охотника и собак.

Верховой борзятник имеет большие преимущества. Он, прежде всего, объедет гораздо больше мест; ему доступны угодья даже за 15—20 км от дома. Нечего и говорить, как много значит хорошая лошадь, дающая возможность во время самой травли видеть вблизи самые захватывающие моменты работы борзых. Лошадь очень полезна и тем, что охотнику не приходится носить добычу. Верховой борзятник не тратит к тому же время на снятие в поле шкуры с лисицы, что неизбежно для пешего. Добыв трех-четырех русаков, из которых каждый весит 4—5 кг, пеший борзятник вынужден прекратить охоту, так как с грузом 15—20 кг она уже невозможна.

Для приторочивания зверя к седлу существуют правила, выработанные практикой: лисицу следует приторачивать только за глотку, туго затянув мертвую петлю. Лисица, притороченная по-русачьи за задние ноги, может, если она не добита, выйти из обморочного состояния и вцепиться зубами в пах лошади. Взбесившаяся лошадь понесет, не слушая повода, и может сбросить всадника. Приторачивая к седлу русака, следует отрезать по сустав задние лапы (пазанки), чтобы они не мешали всаднику. Между сухожилием и костью одной из задних ног делают прорез, куда просовывают другую заднюю ногу. Петля тороков продевается между ногами и накидывается на суставы. Привязанный таким способом русак перекидывается на другую сторону седла, чтобы он не болтался. При невозможности каждому охотнику иметь верховую лошадь целесообразно объединиться трем-четырем борзятникам для пользования общей лошадью с повозкой, на которой удобно доехать до места и возить добычу.

...Вот наступил долгожданный день. Охота разрешена. Борзятник или компания не более чем из двух—четырех охотников объезжает или обходит поля и степные целины, где держится и ложится на день зверь. При этом учитывается и характер местности, которая должна допускать как скачку собак и лошадей при травле, так и наблюдение за всем ходом охоты. Охотники и их собаки проверяют лощинки, межи, бурьяны и другие излюбленные зверем места. Слыша приближение людей и собак, зверь выскакивает, и начинается травля.

В европейских областях добычей борзых являются в основном лисица и заяц русак. Вскочив, русак обычно дает полную резвость не сразу; сперва он будто разминается и оценивает обстановку, а почуяв погоню, наддает во все ноги. Борзые жадно бросаются за зверем, и если он вскочил близко, то, бывает, ловят без угонок. Но если он успел разбежаться, то не поймать его без

угонок. Угонка со слабым поворотом зверя в сторону называется повихом. Про угонку, от которой зверь бросается назад, говорят, что борзая «поставила русака ушми (не ушами!) назад». У борзятников считается, что чем резвее борзая достает зверя, тем круче угонка. Крутая угонка выгодна для травли, так как она сильно сокращает расстояние между зверем и борзыми, скачущими вслед за давшей угонку, а если борзая поставила зверя «ушми назад», то это еще дороже — в этом случае он может сам попасть в зубы задним собакам. Обычно после трех — пяти угонок хорошие борзые ловят зайца. Бывает, что несколько борзых окружает русака и угонками, словно мяч, швыряют его друг к другу, а он вдруг дает свечку и, перелетев через ловцов, бросается во все ноги напрямик и, случается, вовсе уходит от растерявшихся собак.

Лисица — наиболее интересный зверь не только по ценности шкуры, но, главное, по красоте самой ловли, по увлекательности борьбы между увертливым зверем и резвой и ловкой борзой. Поимка лисицы интереснее, эффектнее, чем поимка русака. Лисица не уводит борзую из поля зрения борзятника, что при травле русака случается нередко, и он налюбуется изворотливостью своих лихих ловцов.

Лисица, несмотря на меньшую, чем у русака, резвость, иногда выдержав десяток, а то и два десятка угонок, благополучно уходит оврагами или норится. Конечно, у опытных поимистых борзых этого не бывает. Если лисица поднялась в меру, т. е. не далее 70—80 м, то расчет с ней короткий, и хорошие борзые не дадут ей бежать больше 200—300 м. Но бывает, что лисица вскочит далеко или борзятник заметит мышкующего зверя за километр, а то и далее. В этом случае охотник, рассчитав ход зверя, спешит, если позволяет местность, скрытно пересечь ему путь, чтобы по возможности приблизиться и показать лисицу собакам на небольшой дистанции.

Охотник знает, что если он увидел лисицу, то она и подавно заметила его, поэтому он должен действовать по возможности скрытно и даже иной раз показать ей ложный маневр, повернув как бы прочь от зверя, а на деле спуститься в овраг, которым удобно пересечь ход лисы.

Если же местность не допускает скрытого движения, то конный борзятник берет самую надежную из своих собак на седло и оттуда показывает ей лисицу, а пеший поднимает как можно выше перед собаки, чтобы дать ей возможность видеть поле через заросли бурьяна и другие мелкие препятствия. Охотник может поднять борзую даже на плечо.

Запомнив направление, где замечен зверь, борзая делает длинную доскачку, не видя его; другие собаки скачут первое время по ней. Когда расстояние сократится, и лисица окажется на виду, борзые наддают до своей полной резвости. Заметив опасность, лисица также пускается во все ноги. Такая травля требует от собаки выдающейся зоркости, мастерства и силы.

Успех ее не всегда обеспечен, но зато велико удовлетворение борзятника, когда он видит, как собаки достали дальнего зверя, начали «бить его на угонках» и, наконец, заловили. Большую пользу здесь, как и вообще при нашей охоте с борзыми, приносит хороший полевой бинокль. Он помогает найти, высмотреть зверя и дает возможность полнее полюбоваться травлей.

Встречаются борзые, которые по пороше мастерски используют свой светлый окрас и умеют приблизиться к мышкующей лисице, замеченной ими пусть даже за километр. Пока лисица, увлеченная своей охотой, прыгает и роется в снегу, ловя мышь, борзая скачет к ней. Как только лисица остановится, осматриваясь, борзая ложится. Так продолжается, пока собака не окажется близко от зверя. Тогда она уже открыто бросается к лисице и быстро ловит ее. Так вел себя на охоте, например, псовый кобель Порхай саратовского борзятника П. Л. Романова. При подобной охоте очень полезен борзятнику белый маскировочный халат. Конному он не нужен — коня-то он не спрячет.

Русака большей частью добывают попутно с охотой по красному зверю. Русак, а особенно матерый, требует от собак большой резвости, и есть много борзых, которые неплохо ловят лисицу, но редко достают русака. Немало среди современных борзых и таких, которые, не осиливая русака накоротке, берут его измором и ловят после упорной скачки на 2—3 км и более. Русак долго ведет за собой таких собак как на буксире, и они не в состоянии броском преодолеть остающийся до зверя просвет в 15—20 м, но силы зайца иссякают, и тогда после каких-нибудь двух-трех угонок заяц бывает пойман.

Все сказанное характеризует в общих чертах обычный современный способ охоты с борзыми.

Итак, дело как будто просто: охотник с собаками большей частью в свободном рыскý двигается по полям и степным целинам, вблизи выскакивает русак или лисица, борзые бросаются за зверем, настигают и после нескольких угонок ловят. В действительности бывает и не так.

Пожалуй, если бы каждая охота состояла из таких схем — «вскочил зверь, бросились борзые, угонки, поимка» — то в районах охоты с борзой живо не осталось бы ни русака, ни лисицы. Но сколько препятствий возникает на пути к успеху! Сколько раз спасают они зверя!

...Вышел охотник на зорьке. Погода ясная, тихая... И думается охотнику: «Хорошо жировал русак тихой лунной ночью, далеко ему слышен еле заметный шорох подбирающейся к нему лисы... Не подпустит ее, умчится! Переберется на другую озимь и будет там кормиться...» А русак пойдет на лежку, сдваивая и страивая след, не раз скидываясь с тропы — найди его хищник по следу! Нашел укромную борозду с нанесенной ветрами перекатихой и около клубка этого добра залег — не заметен... Лежит, ждет солнышка, угреется в его лучах, будет

спать с открытыми глазами, надеясь отлежаться от любого врага: наземного — лисы, или пернатого — перед рассветом совы, позже — мало ли их в небе, дневных хищников! Только не вставать без крайней нужды, не шевелиться!..

Да, крепко лежит в иные дни русак! Особенно ноябрьский, перелинявший к зиме, побелевший, конечно, не так, как беляк, но все же ставший куда заметнее в поле, в степи, чем был еще в сентябре, да и в октябре — сплошь серый, лишь с ползущим с брюха побелением, позже захватывающим и бочины... Крепко лежит заяц! Не просто его поднять! Вот и ходит, и ходит охотник со своими борзыми, сперва водит их на своре, а потратив на пустую ходьбу часа два, а то и три, пустит их в свободный рыск. Приходится ему подумать, как бы «вытоптать зайца», если он сам не поднимается. Борзятник знает свои поля, они же не бедны зайцем, ну так надо же найти обыском! И вот попалась ему на глаза та самая борозда с перекатихой: а ну-ка, проверить!.. Прошел полсотни метров и — вон он, вскочил цвёлый матерый заяц и начал стегать по стерне... Ту его! Ту его! — кричит борзятник немного оторвавшимся от него собакам. Те мигом понимают, мгновенно пометили, заложились. Кобель воззрился первым, сука даже немного взвизгнула. увидев его рывок, а впереди и русака... Еще бы не увидеть на стерне! «Эх, только бы поскорей да покруче угнали, а то как укатят далеко, всей красы не увидишь!» — думает охотник, а сам уже достает из сумки бинокль... Собаки резвые, они спеют к русаку, хоть и не очень быстро (русак-то матерый!), но расстояние между борзыми и зайцем явно уменьшается... Кобель достает!.. Вот сейчас!.. Раз! русак бросился влево — хороша крутая угонка! Здорово! Ай да Полет!

Сука быстро настигает... вот-вот будет еще угонка... Но как из-под земли вырастают обрубленные будылья подсолнуха! Русак успел из-под носа Ветки шмыгнуть в эту полосу... Борзые словно сразу отупели, потеряли резвость... Скачут, стараются, натыкаясь на злодейские торчки, словно частоколом оказавшиеся на их пути... «Пропащее дело»,— понимает охотник и хочет теперь только того, чтобы его любимые не поранились, не вывихнули ногу...

Ненадолго потерявшись среди этого дурного «леса» будыльев, собаки вскоре возвращаются невредимыми. И то хорошо!

И опять жнивье, полосы озими, участок, ничем не занятый, с бурьяном да полынками... Ходит, ходит охотник зигзагами — нет зайца! А вот полоса взмета чернеет, не очень широка — этак метров триста. А дальше опять стерня... да ведь и на пашне сейчас русак тоже может оказаться. Ну что ж! Пускается охотник в трудное хождение по комкам взмета — как бы ногу не вывихнуть... почти рядом с ним перебираются собаки, правила их все время в движении — то направо, то налево — как будто помогают им балансировать на этой отчаянно неудобной пашне. ...Перебираются они с пласта на пласт, с комка

на комок... И вдруг впереди вспыхнул светлый клубок! Не допустив к себе близко, рванулся русак (к вечеру дело — вот и не крепится). Вон он, вон как ловко скачет по сухим комкам! Ему тоже не так уж хорошо здесь бежать, но все же лучше, чем борзым. А они тоже рванулись, поскакали, но что это за скачка! И пока выбрались с пашни на стерню, русак оторвался от них метров на двести... Вдобавок на последних скачках по пашне кобель словно споткнулся и, вылезая на стерню, пошел, сильно хромая, и стал — вывих... А сука поскакала одна, проводила, и все...

А вот и другой случай на Саратовских испытаниях борзых. Шла равняжка полями, зверя было маловато. Все же одну-другую своры удалось испытать по русакам. Затем, как это нередко бывает на испытаниях, равняжка долго шла без зверя, без травли. Наконец на жнивье с неубранными кучками соломы с одной из таких кучек вскочила лисица, подпустив равняжку метров на полсотни. Должно быть, она проспала наше приближение. Не потому ли, что движение равняжки было против ветра? Вскочила и, конечно, пустилась наутек со всех ног. Очень быстро была спущена со своры группа собак, ближайшая к зверю, и сразу же выделился кобель отличной резвости, оставив двух своих односворников позади, так что им не довелось и сколько-нибудь поучаствовать в ловле.

Кобель, красный почти как лисица, через какую-то минуту или две достал лисицу и дал ей угонку. Он был довольно опытен, поэтому, почти не проносясь на угонке, он снова насел на лисицу, и она опять метнулась в сторону. И дальше пошло, как в какой-то игре: кобель мгновенно справлялся и задавал зверю угонку за угонкой, а лисица, как будто ученая, кидалась то вправо, то влево, и опять вправо, влево, вправо, влево, вправо, влево... Угонки невозможно было считать, так они были коротки и так быстро следовали одна за другой, но, вероятно, их было десятка полтора. Получалось так, что лисица, как бы виляя то вправо, то влево, не теряла основного направления и в общем подавалась, так сказать, прямо. Металась, металась она, и вдруг исчезла. Пронесся немного кобель-мастер, подравнялись к нему отставшие собаки, и все остановились. На месте исчезновения зверя оказался валик-межник и в нем нора! Подбежали борзятники и заахали, что никто не взял с собой лопатки, чтобы достать лису из норы...

Конечно, этими двумя примерами далеко не исчерпывается, так сказать, «набор» неприятностей и незадач, которые не дают борзятнику порадоваться до конца, ибо хоть он и не шкурник, а поймать надо!

Следует сказать еще об одном способе охоты с борзыми на лисицу. Он применим в местностях совершенно безлесных с ровным, безовражным рельефом и при наличии в распоряжении борзятника лошади с санями типа розвальней. Удобно ездить на эту охоту вдвоем: один правит лошадью, другой

сдерживает в санях собак и до времени скрывает их от зверя и зверя от них. Для успешной охоты нужны мелкий, но ровно легший снег, безветренная погода и небольшой морозец.

Выезжают охотники пораньше утром, имея в санях двух или трех борзых. Разъезжая в полях, где чаще всего встречаются лисицы, охотники высматривают мышкующего зверя. Найдя его, начинают объезжать, двигаясь все время как бы мимо, но постепенно делая круги вокруг лисицы уже и уже. Важно не дать борзым пометить зверя издали, а у борзых зрение очень острое. Лучше всего иметь в санях что-то вроде одеяла или попоны, чем можно бы укрывать собак с головой, конечно, заботясь вместе с тем и о том, чтобы собаки лежали в санях по возможности ближе к их головке, т. е. к переду, где кругозор закрывают и фигура кучера, и борта саней, которые могут быть надставлены дощечками или кусками фанеры. Когда объездами зверя удается сократить расстояние между ним и санями метров до 40—50, собакам, уже заранее освобожденным от своры, показывают лисицу.

За травлей следует поспевать, чтобы своевременно принять пойманного зверя или не упустить место, где он ушел в нору. Тут может пригодиться и лопата, так как в открытых полях, на межниках или случайных буграх лисьи норы бывают лишь временные, неглубокие и редко, если с парой отнорков.

Из прежних способов охоты с борзыми на волков в современных условиях возможно применение двух: травля в наездку на заре и зимняя с саней, таких же, как для подъезда к лисе. Точная разведка логовов нужна для охоты на заре и вполне доступна нашим егерям и охотоведам, специализирующимся на работе по волку. В связи с повсеместным увеличением числа волков и с всемерным усилением борьбы с этим страшным хищником многие районные охотоведы освоили искусство подвывки и методику розыска волчьих выводков. Главное затруднение в том, удастся ли притравить борзых к волку, найдется ли в данном месте среди них хоть одна, у которой удастся разбудить давно уснувшую в породе злобу к волку.

Притравку надо произвести заранее, добыв для этой цели 3—4-месячного волчонка. В конце концов надо добиться хотя бы того, чтобы борзые, догнав прибылого (а ему в августе — сентябре от роду месяцев пять и не больше шести), не бросали его и не бежали бы назад к хозяину, а, пусть не осмеливаясь взять как следует, хоть задерживали бы волка и тем дали бы возможность борзятнику подоспеть и при их даже слабой помощи разделаться с прибылым волком-подростком. Именно так и не без успеха охотились борзятники питомника Саратовской конторы Заготживсырье в 1944—1947 гг.

Старый способ — травля волков в наездку — в 40—50-х годах текущего столетия применялся в Ершовском, Пугачевском и других районах Саратовской области. Для охоты по чернотропу охотникам, организованным в бригады по 3—4 че-

ловека, колхозы выделяли верховых лошадей, и борзятники, имея каждый по 3—5 борзых, двигались степью, равняясь и держа интервалы по 150—200 м. Обнаружив волка в степи, борзятники старались окружить его. Ближайший натравливал на зверя своих борзых, а остальные скакали, стараясь быть ближе к травле и не дать волку уйти в сторону. Когда еще кому-либо удавалось достаточно приблизиться к волку, он натравливал на зверя своих борзых. В конечном счете, если охота шла удачно, в травлю вступали все собаки участников охоты. Местные борзые не имели достаточной злобы, чтобы вступить в решающую схватку с волком, но собаки, ободренные своей численностью, наседали на волка, давали ему хватки, задерживали. Подоспевший борзятник решал дело осторожным выстрелом из ружья.

Еще лучше удавалась охота по мелкому снегу. Охотники с борзыми ехали в санях и, заметив в степи волков на лежке, старались объехать их с разных сторон и по возможности приблизиться. Уходя от борзых, пущенных с одних саней, волк встречался со сворой, сброшенной другим охотником, и ходу ему не было, так как обычно кому-нибудь из борзятников удавалось заскакать наперерез волку. Тут тоже дело кончал выстрел, а борзые должны были только задерживать зверя. Все же одно только то, что эти собаки хоть как-то наседали на волка, говорит о наличии подлинной, хотя и не развитой, злобы к хищнику.

Охота с борзой в южнорусском районе. Здесь не было помещичьих комплектных охот с их стаями гончих и множеством свор борзых. Стаи гончих здесь неприменимы за отсутствием подходящих лесов, здесь и одиночные-то гончие редкость, да и тем приходится работать в совершенно необычайных условиях [1]. Охота с борзыми здесь распространена издавна. Прежде всего она была излюбленной потехой донских, кубанских, терских казаков. Охотились по способу «в наездку», который был в ходу и в северном районе. Казаки охотились на лошадях, да, пожалуй, и прочие любители борзых здесь не ходили с ними на охоту пешком.

Кроме большей продолжительности сезона охота в южных степях по сравнению с северными отличалась главным образом

---

[1] Автору данной книги при поездке в Ростовскую область на испытания борзых по вольному зверю довелось по просьбе местных охотников провести полевые испытания гончих, на которых была всего одна выжловка русской пегой породы. Работала она в густых зарослях тростника на площади не более 20—25 га, непроходимой для человека, так она была захламлена отпавшими стеблями, образовавшими как бы рыхлую сеть над скрытой под ними водой. Пущенная в эти заросли гончая вскоре стала голосить. Время от времени из этой непролази выскакивали лисицы и уходили в окружающую степь, а гон продолжался внутри этого пятачка, и в течение часа убежало из него 5 или 6 лисиц. Несмотря на отсутствие настоящего гона, я дал гончей диплом III степени, так как она обеспечивала в данных условиях успех охоты.

породами собак. Русских псовых здесь почти не было. У донских казаков работали преимущественно крымские, так называемые «крымачи», черные или черно-пегие с подпалинами, бедно одетые, со слабо развитой уборной псовиной на правиле и небольших висячих ушах. На просторах Ставрополья немало было и горок — борзых горской породы, вислоухих, как крымачи, но понаряднее одетых — и на правиле, и на ушах уборная псовина была побогаче. Крымачи и горки смешивались, и уже к началу XX столетия много было помесных собак. Кроме крымских и горских борзых, в степном краю борзятники держали немало и хортых. Все три породы обладали выдающейся резвостью, настойчивостью и силой.

Добычей ростовских, ставропольских, кубанских борзых были те же заяц-русак и лисица. В восточной части района нечасто попадался им корсак.

В настоящее время в южных степях европейской части СССР в основном остается тот же способ охоты «в наездку». Способ не изменился. Не изменилась и продолжительность охотничьего сезона, значительно большая, чем в северном районе,— здесь и период глубоких снегов короток (а то их и вовсе не бывает), здесь и период сильных морозов невелик.

Но собаки изменились. С 1917 г. до Великой Отечественной войны ведомственные учреждения и общества охотников не знали таких борзых, как бывшие горки и крымки, образовавшие помесь с участием и других пород.

Только после Великой Отечественной войны стало известно промысловое значение этих собак, как и тех, тоже дельных добытчиков пушнины, которые во многих других областях средней России были нечистопородными потомками русской псовой борзой.

Оказалось, что и полупсовые, и крымки-горки-хортяки независимо от своей нечистопородности помогают охотникам делать серьезное государственное дело — заготовку пушнины (лисицы). Была разработана методика оценки экстерьера промысловых борзых на выводках и одновременно с этим проверки их рабочих качеств на испытаниях по вольному зверю.

На выводках, которых в Ростовской области проводилось не меньше 10—12 каждое лето, выяснилось, что самыми стандартными на юге России являются хортые. В немалом числе они соответствовали давно существовавшему стандарту хортой, резко выделявшейся своей короткой шерстью, маленькими, затянутыми вдоль шеи ушами. Были, конечно, и явные «вымески» — то короткошерстные с висячими ушами, то собаки с маленькими ушами настоящей хортой, но с уборной псовиной на правиле, на бедрах, под брюхом.

Лучшие из вислоушек достаточно походили друг на друга. Они, несомненно, были помесью крымок и горок с добавлением, вероятно, крови казахской тазы, да может быть, и русской псовой, но среди лучших наблюдалась однотипность.

Это и позволило создать стандарт новой породы, которая сначала называлась «степная» (а какая борзая не степная?), но при пересмотре и уточнении стандартов получила точное определение — «южнорусская».

Обществам охотников Ростовской области и Ставропольского края в результате обследования промысловых борзых было предложено завести подсобные племенные книги для хортой и южнорусской пород борзых, чтобы начать учет наиболее характерных (типичных) для пород собак, а также правильно вести породу и племенную работу.

В отношении хортых это удалось, хотя и не полностью. А с южнорусскими вислоушками положение осталось столь же плохим, каким было раньше, что ясно хотя бы из такого примера: на межобластные состязания 1965 г., происходившие в Ростовской области, были представлены брат и сестра от Сабата Сафонова и Летки Нестерова, причем кобель Полет выступал как хортый, а его сестра сука Неля — как степная (южнорусская).

В процессе испытаний местных борзых достаточно быстро выявились преимущества хортой породы по сравнению с южнорусской. Это же подтверждали и сами охотники. Не случайно в команде Ростовской области на межобластных состязаниях 1965 г. было 8 хортых борзых, 1 русская псовая, а южнорусских не было ни одной. Южнорусская порода пошла на убыль и к настоящему времени стала заметно малочисленней, сохранившись преимущественно в Ставропольском крае. Возможно, что при очередном уточнении и пересмотре еще через одно-два десятилетия стандарт южнорусской борзой придется исключить. А хортая, возможно, станет единственной борзой юга России.

Особенности и способы охоты с борзой в среднеазиатских республиках. Борзые тазы распространены в Казахской, Узбекской и Туркменской ССР (в Таджикской ССР с борзыми не охотятся). Они являются здесь основными охотничье-промысловыми собаками. В Киргизской республике охотники имеют, кроме тазы, еще и свою породу борзых — тайгана.

Борзые тазы еще недавно были многочисленными, но в последние десятилетия число их уменьшилось. Однако эти сведения предположительны, так как сколько-нибудь точного учета нет. Положение с учетом тайганов такое же.

В 1938 г. А. А. Слудский[1] насчитывал только в Казахстане не менее 7 тысяч борзых таз. Надо полагать, что в настоящее время их численность в этой республике значительно меньше, а общее поголовье борзых местной породы во всех трех вышеназванных республиках, вряд ли превышает 3—4 тысячи.

Наряду с подлинно породными собаками здесь стало теперь, едва ли не еще больше борзых нетипичных, полупород-

---

[1] Слудский А. А. Азиатская борзая таза и охота с ней. Алма-Ата, 1939.

ных вплоть до борзоподобных дворняг. Эта засоренность породы еще более затрудняет учет таз.

Ввиду того что тазы до настоящего времени очень редко и лишь в небольших количествах демонстрировались на правильно организованных выставках и выводках, изучение их экстерьера не могло быть поставлено по-настоящему серьезно и не обосновано достаточно большим описательным и фотографическим материалом.

Как собаки, предназначенные для ловли быстрых зверей, таза и тайган обладают сильно развитыми качествами, в основном теми же, что и борзые других пород. Это прежде всего резвость, зоркость, поимистость, изворотливость или ловкость на угонках, жадность и злоба к зверю, а также сила и выносливость, позволяющие собаке работать подолгу и настойчивой скачкой брать на измор особенно резвого зверя.

Особые условия охоты с борзой в наших среднеазиатских республиках и разнообразие объектов добычи обусловили у тазы и тайгана и некоторые другие способности. Так, нередко они пользуются чутьем при розыске зверя, а при охоте на сурка обладают особым мастерством подползания и т. п.

Распространенным способом охоты с тазами и тайганами является охота «в наездку» на лисиц, корсаков, зайцев (с тайганом зайцев не ловят) и реже на волков. Охотники едут верхом на лошадях (реже на верблюдах или идут пешком), имея борзых в свободном рыску. Нередко несколько охотников с тазами выезжают на охоту вместе, и тогда они едут развернутой линией, метрах в 100 и более друг от друга, т. е. образуют равняжку. С тайганами равняжка непригодна из-за рельефа местности.

Собаки ищут зверя чутьем (в этом отличие тазы и тайгана от наших европейских борзых) и зрением, борзятники стараются поднять его, объезжая места, где зверю удобно затаиться, залечь.

В травле участвуют тазы, оказавшиеся ближе всех к вскочившему зверю. Если травля идет по волку, в ней стараются принять участие как можно больше охотников со своими борзыми, так как таза не крупна, и хорошо держать такого сильного зверя (хотя среднеазиатский волк мельче европейского) могут не две-три собаки, а по возможности больше. Однако бывают случаи, что волков берут и с парой-тройкой хороших таз. Охота на волков с тайганами проходит успешнее — две собаки могут справиться с волком.

Охота «в наездку» производится в открытых местах. Кроме этого способа довольно распространена травля зверя с участием специально обученного беркута. Для этой охоты собака и птица заранее приучаются друг к другу. Роль тазы на охоте в этом случае сводится в основном к тому, чтобы выгнать зверя из кустарника на чистое место. А затем добычу ловит птица, которую в нужный момент охотник спускает со спе-

циальной подставки, прикрепленной к седлу. Охотники, применяющие на охоте ловчих птиц беркутов, так называемые «беркутчи», охотятся исключительно верхом, так как долго носить крупную ловчую птицу пешком невозможно. Совместная охота с тазой и беркутом в среднеазиатских республиках считается самой добычливой. А. А. Слудский приводит такой пример: охотник Алма-Атинской области Естай Атабергенов с двумя тазами и беркутом взял за IV квартал 1938 г. 115 лисиц, 3 волка, 4 барсука.

При охоте на лисиц и зайцев тазы ловят иногда также и диких кошек. Для добычи этого зверя от тазы не требуется особой резвости, но злоба к зверю нужна настоящая. На барсуков охотятся с одной-тремя тазами. Так как барсук ведет ночной образ жизни, то на охоту за этим зверем выезжают перед рассветом в те угодья, где он жирует. Пойманного или остановленного собаками барсука прижимают к земле рогулькой и убивают ударом палки по носу.

Для охоты на сурка собака должна иметь особую сноровку. Сурок кормится обычно возле норы и стоит ему заподозрить опасность, как он спасается под землей. Поэтому охотник с тазой или тайганом подбирается к колонии сурков из-за увала или крупных камней. Затем он показывает собаке зверька, пасущегося подальше от норы. Опытная таза ползет, а приблизившись на самое короткое расстояние, резвым броском ловит сурка, не дав ему скрыться в норе.

Охотятся с тазами также и на копытных зверей. Хорошие собаки сравнительно легко догоняют косулю, много труднее бывало им взять джейрана (после погони на 10—15 километров) [1]. Сайгак — зверь, по-видимому, особенно резвый и выносливый. Охота на него возможна не с любой тазой.

На кабанов таз и тайганов используют как гончих. Обычно по этому зверю пускают стаю беспородных собак, включая в нее одну-две борзые, которые благодаря своей жадности к зверю, злобности и смелости становятся вожаками стаи. Кабанов при этом охотники бьют из ружей.

В некоторых местностях в качестве гончей таза используется и для охоты на зайцев. В обширных зарослях кустарников нескольких таз пускают в свободный поиск, а охотники на лошадях становятся на прогалинках и тропах и стреляют из ружей выбегающих поднятых тазами зайцев.

В горах таз и особенно тайганов применяют еще и для добычи тау-теке. Борзые преследуют козла, загоняя его в конце концов в тупик, в труднодоступные скалы, где охотники и бьют зверя из винтовки (сведения А. А. Слудского).

Из краткого описания работы среднеазиатских борзых видно, насколько богаты эти собаки охотничьими качествами.

---

[1] Теперь охоты на джейрана нет, так как он занесен в Красную книгу СССР.

Не говоря уже про резвость, свойственную всякой борзой, борзые местных пород обладают еще высоко развитыми и довольно сложными охотничьими инстинктами и своеобразной сообразительностью.

Это и делает тазу и тайгана бесценными в местном охотничьем промысле. Недаром они пользуются у местных охотников большим почетом. Нередко хозяин держит любимицу в своем жилье и для спанья подстилает ей ковер. К сожалению, ведение пород предоставлено самим охотникам, и суки в период пустовки оказываются фактически безнадзорными и вяжутся с кем попало. Отсюда вполне естественно появление большого количества полупородных и беспородных выборзков. Эти собаки, случается, обладают кое-какой резвостью и сами еще способны ловить корсаков и лисиц и поэтому иногда имеют некоторую ценность в глазах малопонимающих охотников, что ведет к продолжению «деятельности» таких дворняг по размножению вымесков, уже вовсе неспособных к работе борзой.

Породам тазе и тайгану грозит гибель. Охотничьи общества и управления охотничьего хозяйства Казахской, Узбекской, Туркменской и Киргизской республик должны считать одной из своих главных задач сохранение поистине драгоценных местных борзых пород — тазы и тайгана.

А. А. Слудский дал обоснованную и правильную программу мероприятий для сохранения этой породы:

1. Провести силами охотоведов полный учет и качественную оценку собак в районах, где таза еще обыкновенна.

2. Завести для записи лучших племенных собак районные племенные книги, ведение которых поручить пунктам по заготовке пушнины (под наблюдением местных обществ охотников).

3. Ежегодно устраивать выводки борзых собак, во время которых составлять планы вязок. Поручить охотобществам следить за выполнением смотров (выводок) борзых собак.

4. Ввести премирование охотников-собаководов за выполнение планов вязок и выкармливание хороших, здоровых и породных щенков.

5. Заготовителям пушнины организовать контрактацию щенков, выдавая авансы из специальных средств.

6. Законтрактованных щенков размещать гнездами, чтобы обеспечить дальнейшее ведение породы.

7. Популяризировать среди членов охотничьих обществ охоту с тазой, правильное содержание и уход за собакой, для чего проводить при заготпунктах и районных обществах охотников специальный курс по собаководству.

А. А. Слудский рекомендовал также организовать в Кзыл-Ординской и тогдашней Западно-Казахстанской областях питомники борзых тазы, где вести работу по укрупнению этой породы, отбору собак с более теплой псовиной и особо чутьистых. Подчеркивание последнего качества сделано потому, что

на охоте таза постоянно для розыска зверя пользуется чутьем.

К пожеланиям и рекомендациям А. А. Слудского следует добавить еще необходимость создания племенных книг с записью в них всех борзых таз, работающих на охоте и получивших на выводках оценку экстерьера не ниже «хорошо». Ну и, разумеется, вязки тоже следует записывать в особую книгу, на основании которой составлять родословные борзых тазы.

Все перечисленные рекомендации в полной мере нужны не только казахской тазе, но и ее туркменской разновидности, а также необходимы и тайгану. Исполнение всех указаний, содержащихся в рекомендациях, может спасти от полной гибели ценнейшие отечественные породы борзых, обладающие замечательными рабочими качествами и по самой своей природе приспособленные для работы в жарком и сухом климате, зачастую на очень трудных грунтах, покрытых жесткой и колючей растительностью.

ОХОТА С БОРЗЫМИ ЗА РУБЕЖОМ

Об охоте в древности на западе нашего материка, а также в Малой Азии и Северной Африке (Египте) сохранились памятники литературы и изобразительного искусства (преимущественно скульптуры).

Еще Гомер за тысячу лет до нашей эры упоминал охоту с травильными собаками, которые были чем-то средним между современными борзыми и гончими; они совмещали работу тех и других — гнали зверя и брали его, т. е. ловили. О подобных собаках дошли до нас сведения и из раскопок Ассирийского царского дворца около города Мосула (барельефы). В Древней Греции интерес к охоте и охотничьим собакам был настолько велик, что там даже создалась кинологическая литература. До нас дошел «кинегетик» выдающегося греческого писателя IV—V вв. до н. э. Ксенофонта Афинского. Это руководство по содержанию и воспитанию охотничьих собак, которые должны были гнать зайца в ловушки и сети.

Для нас особенно интересен кинегетик историка, географа и римского государственного деятеля (по национальности грека) Арриана, написанный в 148—150 г. н. э. Арриан в своем труде не раз ссылается на авторитет Ксенофонта, но его собственное сочинение охватывает вопросы охоты и собаководства значительно шире. И что более всего любопытно в «Трактате об охоте» Арриана (под таким названием это сочинение было переведено на французский язык предположительно в XVII столетии) — это описание состязаний борзых у кельтов. Порядок (нечто вроде правил) скачек борзых, принятый у кельтов, сохранялся в течение многих веков и явился основой проведения соревнований или скачек борзых, принятых в Англии в XVIII в. герцогом Норфолкским. Кроме этого, черты кельтского регла-

мента вошли в современные правила скачек борзых в Англии и Испании.

Арриан, описывая охотничьих собак кельтских племен, едва ли не первым в древней литературе говорит о собаках ловчих, называвшихся «вертрагами» и бывших, очевидно, настоящими борзыми. В «Трактате об охоте» (кинегетике) Арриан описал охоту с борзыми и вообще использование борзых у кельтов. Он разделяет отношение кельтов к охоте на две категории: люди небогатые видели цель скачки борзой за зайцем в поимке его, так как, попросту говоря, нуждались в лишнем куске мяса. Их борзые должны были бросаться за зайцем, поднявшимся со своей лежки самостоятельно или выгнанным охотниками из кустов, и во что бы то ни стало ловить его. Если зайцу удавалось как-либо скрыться в лесу — это для подобных охотников было неудачей. Иное дело люди богатые. Для таких скачка борзых за зайцем была приятным, красивым зрелищем и больше всего они ценили именно красоту этой скачки. У богатых владельцев борзых были в широком употреблении состязания этих собак, имевшие чисто спортивный характер. Происходили такие состязания примерно так: два владельца собак ехали верхом на лошадях, ведя каждый по одной борзой; особый распорядитель приказывал пустить их в одно и то же время по выскочившему зайцу, отпустив его на известное расстояние. Если зайцев оказывалось мало в открытых местах, избранных для скачек, то применялись специальные загонщики, палками выгонявшие зайцев из кустов. Распорядитель строго следил за тем, чтобы владельцы борзых не пустили своих собак неодновременно или не дав зайцу отбежать положенное расстояние, или без его команды по маленькому (молодому) зайцу. Поимка зайца здесь была необязательна, так как главное заключалось в том, какая из собак сумеет проявить лучшую резвость и чья скачка покажется красивей. Если зайцу удавалось скрыться в лесу, это не считалось неудачей и не влияло на присуждение первенства одной из борзых.

Использование борзых в охотничьих и спортивных целях сохранялось у кельтов и у народов, пришедших им на смену, в течение многих веков. Особенно традиционно это было у таких прямых потомков кельтских племен, как баски в Испании, жители Уэльса в Англии и др.

Г. Д. Розен в «Очерке истории борзой собаки» (1891 г.) приводит сообщение Арриана о существовании у галльских и германских племен псовой охоты, сходной с нашей комплектной охотой в островных лесах (отъемах среди полей). Леса («острова»), где было обнаружено достаточное количество зверя — лисиц и зайцев — окружали охотники с борзыми верхом на лошадях. В лес пускали стаю гончих, которая выгоняла зверей из леса в открытые полевые угодья, где этих зайцев и лисиц ловили борзые (вертраги). Эти сведения относятся

к I в. н. э. В дальнейшем наступил какой-то период, когда этой сложной охоты в Западной Европе не было. Однако в эпоху феодализма охота с собаками на зверей стала значительно многолюдней и крупней. В это время было создано много пород. Г. Д. Розен называет некоторые из этих пород:

1. Для охоты на волков и крупных копытных (оленей, кабанов) применялись «брудастые борзые» (т. е., очевидно, дирхаунды, ирландские — *В. К.*).

2. Для ловли зайцев держали хортых (а вернее, это были английские грейхаунды — *В. К.*).

3. К категории борзых (ловчих) собак относилась и порода маленькая итальянская, с которой травили кроликов (травят в Италии и по сей день).

В средние века для травли крупного зверя была выведена порода огромных собак аланов, которых следует считать по их огромной силе, но ограниченной резвости не борзыми, а травильными. Охота шла так, что когда борзые задерживали крупного зверя, в помощь им, а вернее, на смену им пускали аланов. Это говорит не в пользу злобности западноевропейских борзых (это были если не грейхаунды, то их близкие родственники). Впрочем, борзые за красоту сложения и скачки пользовались большим успехом, хотя на охоте играли, в сущности, вспомогательную роль, участвуя в ловле всякой дичи — от оленя до кролика.

Особенно рослые борзые (породы) назывались «сворными», причем из этих огромных собак лучшими считались те, которых получали из Бретани, Ирландии (дирхаунды), Шотландии (вольфхаунды), как раз из тех мест, где удержались кельты. Самыми крупными были ирландские, достигавшие высоты в холке 120 см. Во Франции для охоты на зайцев были особые породы борзых, которых получали из Пикардии и Шампани. Здесь ценились также борзые испанские (гальго) и португальские — для степи резвейшие, а для гористых мест особенно резвые накоротке. На зайцев охотились только способом «в наездку». Лисиц борзыми не травили. А волков, выставленных гончими и загонщиками (кричанами) травили борзыми, но подпускали и аланов. По одному волку пускали до 12 собак.

В 1844 г. во Франции охота с борзыми запрещена, и борзые почти исчезли с тем, чтобы вскоре вернуться к любителям борзых уже в качестве не охотничьих, а просто красивых животных или, наконец, спортивных беговых собак на кинодромах.

В Англии борзые известны издавна. Увлечение герцога Норфолкского дало в XVIII в. импульс развитию скачек борзых в Великобритании. Однако применение борзых в этой стране в спортивных целях существовало и раньше. Это подтверждается таким забавным свидетельством. Сохранились записи английского короля Генриха VIII, правившего в начале XVI в., о выплате им денег, проигранных при заключении пари на

скачках борзых с разными лицами, очевидно, из его свиты. Сами скачки производились по кельтскому образцу: состязались пары собак разных владельцев по зайцам в полях.

Правила скачек и вообще весь порядок их были созданы под эгидой герцога Норфолкского, причем успехи собак учитывались по очкам. Заслуга герцога состояла в том, что для оценки скачки борзой он требовал учета всех ее элементов: резвости, ловкости, заставившей зайца изменить направление (т. е. сделавшей угонку), и отказался признать поимку зайца безусловной победой собаки, что считалось аксиомой до него... Именно так в наше время (в XX в.) расценивается работа борзой.

Скачки борзых множились, становились все популярнее. Любители этого вида спорта и самих собак объединялись, группировались в небольшие местные общества. Первый клуб был основан в 1776 г. в Свафхэме (Норфолк), а в 1858 г. National Coursing Club (Национальный клуб скачек) уже объединил множество клубов.

Более 200 лет скачки борзых в Англии проводятся организованно и регламентированы правилами, созданными в XVIII столетии. Конечно, время потребовало внести некоторую корректировку, что и было осуществлено Национальным клубом скачек.

Англичане — знаменитые животноводы — сумели создать породу борзых непревзойденной резвости — грейхаунда. В 1882 г. была начата родословная книга этой породы.

Так как в Англии волки давно истреблены, грейхаунду не приходится бороться с этим зверем. Поэтому этой собаке не нужна та злоба, которая прославила русскую псовую борзую. По этой же причине и русские помещики, приобретая английских борзых, рассчитывали только на повышение резвости своих собак и, используя грейхаунда как производителя на своей псарне, считали полученную помесь русской борзой с английской непригодной для работы по волку, хотя и среди полученных хортых встречались собаки, унаследовавшие злобу к волку от псовой борзой.

Правила и методы скачек борзых, выработанные Национальным клубом скачек Великобритании, повсеместно приняты в Америке и Австралии. Они сильно повлияли на этот спорт в Испании, где привился и первоначальный тип английских скачек — по дикому зайцу в полях, и более поздний метод — на кинодроме по искусственному зайцу, являющийся американским изобретением (штат Оклахома США) и вошедший в употребление в Англии с 1926 г. (впервые в Манчестере).

Сама жизнь определяет преимущества электрического зайца в Англии, где слишком мало вольных охотничьих угодий, да и те ограничены принципами частной собственности. В связи с этим Национальный клуб и объединяемые им местные клубы, те, что еще придерживаются «парковых скачек борзых», дей-

ствовавшие прежде вполне плодотворно, теперь не столь авторитетны. Создается параллельный центр National Greyhaund Racing Club, объединяющий группировки любителей грейхаунда, предпочитающих скачки на кинодроме, что для современной Англии более рационально. NGRC организован в 1928 г. В настоящее время в Англии много клубов любителей грейхаунда. Скачки на кинодроме стали публичными, с множеством участников. В Лондоне ежегодно устраиваются скачки более чем на десятке кинодромов, на семи или восьми в Шотландии и др. — и в качестве главных — Дерби (Грейхаунд-Дерби). Всего в Великобритании, по предположению К. Пржедзецкого, общее число борзых составляет около 20 000.

Кроме борзых породы грейхаунд, в скачках участвуют и дирхаунды, и салюки. Для каждой породы скачки устраивают отдельно. Дистанции скачек на кинодромах различны. На дерби, например, принята дистанция 525 ярдов (или 480 м); на скачках грейхаундов в Сан-Лежер Веблей-Лондон — 700 ярдов (или 640 м). Есть кинодромы с дистанциями в 440 ярдов и менее.

В 1972 г. в Англии и Шотландии насчитывалось 118 обществ любителей скачек, в том числе 46 обществ, входящих в Национальный Грейхаунд Расинг клуб. Они действуют в соответствии с постановлениями и правилами этой организации. Другие 72 общества имеют регламент с некоторыми особенностями. О размахе такого вида спорта, как скачки борзых, можно судить хотя бы по такой цифре: в 1970 г. 46 обществ Грейхаунд Расинг клуба провели 44 630 скачек, т. е. забегов отдельных собак, которые на одном мероприятии иногда должны скакать по множеству раз, чтобы выйти в победители и добиться приза.

Среди стран Западной Европы, где культивируется этот вид спорта, Великобритании принадлежит ведущее место.

В Испании борзая никогда не была достоянием привилегированных классов или слоев общества. Это объясняется тем, что в этой стране крестьяне-землепашцы никогда не были крепостными рабами. По свидетельству русского путешественника В. П. Боткина (1845 г.), в Испании над входом в любой крестьянский дом он видел прибитый дворянский герб, так как хозяин жилища считал себя дворянином. Поэтому здесь не было тех запретов и ограничений, которые в других странах сильно давили на права крестьян, даже лишали их многих из этих прав. Развитию охоты с борзой способствовали малолесие и преобладание полей, лугов и вообще открытых мест.

Испанцы переняли скачки борзых у кельтских племен. Долгое время и доныне в Испании были распространены «каррерас ен кампо», т. е. скачки в полях по вольному зайцу. Так же, как у кельтов, эти скачки являются соревнованием по каждому зайцу двух борзых. Как и у кельтов, теперь скачками руководит компетентный распорядитель. Кроме него вместе с вер-

ховыми владельцами состязающихся собак на лошади едет судья. Собак ведет специально назначенный «пускальщик», который обязан спустить борзых со своры одновременно и только по сигналу распорядителя. Остается в силе правило — не пускать борзых, пока вскочивший заяц не удалится на определенное расстояние, и не травить маленьких, еще недоросших зайцев. В общем скачки проходят по правилам, установленным в XVIII в. герцогом Норфолкским, основы которых заимствованы у кельтов.

Тогда как в Великобритании произошло разделение между двумя группировками скачек — «ен кампо», по английскому определению «парковых» и скачек на кинодромах,— в Испании, наоборот, оба метода объединила одна общественная организация. Первые поклонники кинодромов организовали в 1929 г. «Клуб Депортиво Гальгуеро», который предусматривал следующие цели своей деятельности: распространение скачек на кинодромах; улучшение испанских борзых производителями английскими и из других стран; присоединение к английскому Национальному клубу Грейхаунда; распространение скачек в полях как спорта, зародившегося в Испании в незапамятные времена; общую координацию деятельности по обоим видам скачек. Основатели «Клуба Депортиво Гальгуеро» считают такое объединение важным, так как оно дает собакам возможность скакать и в месяцы запрета охоты, когда не допускаются скачки по живому зайцу «ен кампо», в полях.

В 1941 г. в Испании введен в действие кодекс правил и положений, относящихся к обоим видам скачек борзых. В нем многое взято у англичан, но с другой стороны, большое внимание уделено сохранению традиций, издавна сложившихся в Испании.

Наблюдение за деятельностью общественных организаций любителей скачек борзых осуществляет «Национальная дирекция спорта». Общественная «Испанская федерация гальго» объединяет все местные общества.

Кроме многих скачек, организуемых на местах этими обществами, ежегодно устраивается чемпионат Испании по скачкам «ен кампо» — полевым, по живому зайцу (любопытно отметить, что чемпионами становятся почти исключительно суки). Наряду с этим широко развиты и скачки на кинодромах. Всего в Испании девять кинодромов, три из них в Барселоне, два — в Валенсии и по одному — в Мадриде, Севилье, Лас-Пальмасе на Канарских островах и в Пальма на Балеарских.

Особенностью испанских скачек на кинодромах в отличие от соседней Франции стало исключение гандикапа и, следовательно, исключение разделения собак на группы по резвости.

О масштабах развития спорта скачек на кинодроме можно судить, например, по итогам 1971 г., когда на всех кинодромах было проведено 60 615 скачек с выдачей призов и премий на

сумму свыше 27 миллионов пезет (несколько больше, чем 2 миллиона франков).

Федерация гальго ведет родословную книгу. За десятилетие с 1961 по 1970 гг. в нее записаны 8193 собаки, в 1971 г. — 1028, в 1972 г. — 1479, в 1973 г. — 1435. Эти цифры показывают, насколько сильна и многочисленна порода гальго и как популярны в Испании борзая, охота с ней и скаковой спорт. Испания имеет право считаться одной из первых стран Европы по борзым.

Во Франции еще со времен кельтов и галлов были известны охоты с борзыми, в том числе и комплектная псовая охота с участием стаи гончих. В XVIII столетии там существовали 3 породы борзых, но, по-видимому, собственные породы исчезли в стране в XIX в., хотя несколько пород гончих сохранились здесь до XX в. Сведения о борзых прежнего времени во Франции и, в частности, о скачках борзых очень скудны. В трактате некоего Абера (1599 г.) есть неопределенное упоминание о гипотетических скачках борзых во Франции. Есть косвенные сведения о борзых и в немалом числе других литературных источников. Предположительно во Франции существовали состязания по-кельтски.

Вообще известный интерес французов к борзым разных пород был как к собакам красивым, в отношении некоторых пород можно сказать — экзотичным. Борзых привозили из разных стран, и к XIX столетию их стало достаточно много. Появилось стремление любителей борзых по примеру Англии и Испании организовать скачки и развить их как вид спорта. В конце XIX в. несколько энтузиастов попробовали устроить скачки борзых по кроликам как публичное зрелище, организовав их на огороженной площадке в парижском пригороде. Первое такое зрелище было устроено в 1879 г., затем в 1880, 1885 и других годах. Вход был платный, разрешались пари (как прообраз тотализатора). Но настоящего успеха это дело не достигло и угасло.

Вообще скачки борзых во Франции многократно срывались и с трудом становились признанным видом спорта.

После упомянутых попыток и усилий было несколько лет бесплодных, но затем Грейхаунд Клуб сумел развернуть скачки в нескольких пунктах. Однако деятельность этой организации была прервана Первой мировой войной. После нее «Общество любителей борзых скачек» долго не могло наладить их постоянство: каждый раз, как удавалось их организовать, они приносили убыток предпринимателям, кроме того, слишком тяжело было выплачивать правительственные налоги.

Организаторы скачек видели выход из положения в тотализаторе, но долго не удавалось получить правительственного разрешения на его включение в систему этого зрелища. В 1933 г. оно было получено, и с 1935 г. скачки были поставлены на обеспеченную материальную основу. В 1937 г. был уст-

роен кинодром Курбенца, вскоре ставший очень популярным. Однако в 1939 г. налаженное дело сорвала война. После ее окончания кинодром стал работать, но, не выдержав больших налогов, в 1951 г. был закрыт. После этого несколько лет французские владельцы борзых выступали со своими собаками на чемпионатах в Испании и Италии. Позднее создалось еще одно общество любителей скачек, которое в 1960 г. добилось восстановления тотализатора.

Все перипетии становления и развития этого дела характеризуют французский спорт как коммерческое дело: отсюда и практика передвижных скачек, и этот тотализатор, расчет на зрителей, расчет на азарт. Есть предприниматели, устраивающие из своего кинодрома нечто вроде казино. Это, конечно, не значит, что нет настоящих любительских кинодромов и скачек, где весь интерес их участников (владельцев собак) и зрителей сосредоточен на самих собаках, где дороги людям борзые именно как порода.

Особенностями французских скачек являются: деление участвующих собак на группы по их возможностям, прежде всего по их резвости, подобно тому, как это принято на конских бегах, а также принцип гандикапа, т. е. собаки разных групп, участвуя в одних скачках, берут старт в разных пунктах, чтобы собаки более слабых групп, начинающие скачку впереди более сильных, имели дополнительные шансы. Опережение собак более слабых групп вычисляется по секундам, которые они уступают более сильным при скачке в равных условиях. В других странах, где развиты скачки, гандикап отвергается.

В 60—70-х годах создано несколько новых обществ любителей скачек: Южное в Тулузе, Норманское, Гаврское, Провансальское, Приронское и др.

Во Франции все породы борзых равноправны; есть там клубы любителей борзых пород туарега, слюгги, вольфхаунда, дирхаунда, русской псовой борзой, грейхаунда, виппета, венгерского агара, испанского гальго, азиатских борзых (салюки) и др.

Итак, охоты с борзой во Франции нет, но есть спорт как спорт и есть спорт как коммерческое предприятие. И какими бы ни были цели устройства кинодромов, они помогают отбору производителей и дают возможность владельцам борзых тренировать своих собак.

В Швейцарии держат и разводят борзых разных пород, столь же равноправных здесь, как и во Франции. Швейцария — важный центр в судьбе и жизни борзых. Здесь находится «Интернациональный союз клубов любителей борзых» стран Западной Европы, здесь издается специальный журнал «Друг борзой», в котором публикуются статьи кинологического характера, информационные сообщения о выставках и скачках борзых в странах Западной Европы, решения Международной кинологической федерации и вообще сведения о работе этой

организации. Швейцарский клуб любителей борзых организует на территории Швейцарии международные выставки и скачки.

Америка — второй континент, кроме СССР, где псовая борзая находит применение своим способностям и охотничьему темпераменту. Русских псовых борзых усиленно используют для борьбы с небывало размножившимися волками и койотами, особенно многочисленными в штатах Техас и Оклахома. В настоящее время в США есть даже охотники-профессионалы, специализирующиеся по этому способу охоты.

Американцы успешно дрессируют псовых борзых. Нередки псовые борзые — победители на испытаниях собак всех пород по сопровождению инвалидов (главным образом слепых).

ИСПЫТАНИЯ БОРЗЫХ

Получать действительно годных для охоты собак можно только от производителей с надежно проверенными рабочими качествами. Поэтому испытания борзых в той или иной форме давно признаны необходимыми.

В дореволюционной России испытания борзых производились в виде садок — скачки по подсадному зверю. Садки бывали в Москве, Петербурге, Орле, Мценске (уездный город Орловской губернии), Першине (Тульская губерния). Садки были двоякие: на резвость по подсадному зайцу-беляку, реже по русаку (беляк предпочитался как более стойкий при ловле его сетями, транспортировке и передержке в зайчатнике), и на злобу по подсадному волку. Как первые, так и вторые помимо испытаний играли роль зрелища, куда собиралось много публики, наблюдавшей с трибун или из-за ограды.

Садки на резвость производились по олимпийской системе. На специально оборудованном и огороженном поле выпускали из клетки зайца, взятого в зайчатнике. Подпугнутый криками, он мчался по чистой площади огороженного садочного поля к воротцам зайчатника и, если успевал шмыгнуть в эту лазейку, мог быть использован для садки на другой день. Зайцы, содержавшиеся в зайчатнике, вплотную примыкавшем к садочному полю, заранее приучались спасаться от загонщиков через воротца в зайчатнике. Борзых пускали по две за каждым зайцем. Это выполнял пускальщик (слиппер), которого на некоторые садки, например в Першине, приглашали из Англии. Чтобы обе борзые были пущены за зайцем точно в один миг, применялись особые парные ошейники, раскрывавшиеся специальным приспособлением. Судил один судья верхом на лошади.

В зависимости от проявленной резвости ту или иную собаку он признавал победившей, другая выбывала из состязаний. В следующем туре победители состязались между собой, и снова одна собака из каждой пары выбывала. Это продол-

жалось до тех пор, пока не оставались всего две собаки. Борзой, оставшейся непобежденной, присуждался приз.

На садках на злобу борзых испытывали на закрытом, огороженном поле — пространстве с ровной поверхностью. Годился ипподром, иногда устраивали особое поле. В одиночку собаки работали по прибылому волку, парами по переярку и сворами в три собаки по матерому. Подсадного волка выпускали из специального ящика на свободу. Судил один судья. Пускали волка и вновь сажали его в ящик, чередуясь, 2—3 приемщика.

Работу каждой единицы (одиночки, пары, своры) как на садках на резвость, так и на злобу оценивали судьи на глаз без применения какой-либо балльной шкалы или другой общей мерки. Это обстоятельство, а также и то, что на садках оценивал собак только один судья, а не коллегия, вели к тому, что объективность и точность судейства были далеко не гарантированы. Но не это было главным минусом садок, а слишком большая односторонность оценки работы борзой: на садках по зайцу проверяли только резвость; на садках по волку — только злобу и приемистость. А такие важнейшие качества борзой, как зоркость, поворотливость на угонках, поимистость, сила при затяжной скачке оставались невыявленными и неоцененными.

После 1917 г. несколько раз устраивали садки на резвость в Москве и на злобу в Саратове в открытых полях. Московские борзые, скакавшие на московских садках в 30-е годы, были плохо подготовлены, и подсаженный им зверь — выросшие в клетке зайчата и засидевшиеся лисицы, вовсе не способные к быстрому бегу,— был очень плох. Эти садки, если и имели какое-то значение, то лишь как примерка, приобретение опыта организаторами.

Саратовские садки на злобу возникли по почину автора. Организация их была значительно лучше, чем московских. Только они охватывали слишком малый круг участвовавших в них собак. Фактически проверялись лишь по нескольку собак Энгельсского и Саратовского питомников. Однако проводились они несколько лет, и в результате было выявлено несколько кобелей с достаточной злобой к волку и даже настоящих злобачей, таких как Кинжал и Грозный Энгельсского питомника. Эти собаки доказали, что злоба еще не потеряна русской псовой борзой, хотя уже много поколений ее не видали волка.

Кроме садок в 30-х годах в Ленинграде устраивали состязания борзых по искусственному зайцу. Эти мероприятия до известной степени помогли отбору работоспособных и резвых производителей, но были еще более односторонними, чем дореволюционные садки на резвость по живому зайцу.

Перед Великой Отечественной войной начались испытания борзых по вольному зверю в условиях, близких к настоящей охоте (в 1938 г. в Куйбышеве, в 1939 г. под Каширой Московской области). Проходили эти испытания подобно обычной

«наездке в равняжку». Собаки группировались по три при одном или нескольких ведущих (владельцах). Эти группы шли полями развернутой цепью на расстоянии 100—150 шагов одна от другой. По зверю пускали собак той группы, против которой он поднялся. Остальные группы равняжки останавливались и стояли на месте до окончания травли. Большей частью испытания проходили по русаку, так как лисица встречалась реже.

Преимущество подобных испытаний в том, что на них борзая проявляет многие свои качества и особенности, а это, конечно, гораздо ценнее, чем садочный приз. Вначале эти испытания имели тот же недостаток, что и дореволюционные садки на резвость: судья присуждал дипломы по одному своему, чисто субъективному, впечатлению. Главным бывал тогда судья Всесоюзной категории В. С. Мамонтов.

Были предложения изменить систему оценки работы борзой на испытаниях и ввести расценку баллами по стобалльной системе, распределив сто баллов по отдельным качествам работы борзой — резвость, зоркость, изворотливость на угонках и т. д. Словом, предлагалась система, принятая для собак всех других охотничьих пород. Но это предложение встретило самое сильное сопротивление со стороны наших корифеев.

Среди любителей борзых постоянно возникали сомнения в правильности единоличного судейства на испытаниях да еще «по общему впечатлению». Эти мнения были господствующими среди борзятников, и в 1947 г. на Всероссийском кинологическом совещании специальной комиссией по борзым был принят проект новых правил[1]. Затем он был утвержден Всесоюзным кинологическим советом и Главным управлением по делам охоты Российской Федерации. Осенью 1947 г. в Саратове испытания борзых по вольному зверю проходили уже по новым правилам. Судейство осуществлялось коллегией из трех экспертов (допускалось судейство комиссией из двух экспертов). Так была закреплена оценка работы борзой баллами и, что не менее важно, судейство комиссией из трех (как исключение из двух) экспертов.

2. Расценочная таблица баллов по элементам работы борзой для разряда индивидуальной оценки

Зоркость	Жадность к зверю	Резкость	Ловкость на угонках	Настойчивость	Сила	Мастерство, сметливость	Участие в ловле и понимстость	Поведение		Общий балл
								на своре	вне своры	
10	10	30	10	5	5	5	15	5	5	100

[1] Он был составлен и предложен автором настоящей книги.

3. Расценочная таблица баллов по элементам работы борзой для разряда группового (пары и своры)

Зоркость	Жадность к зверю	Резвость	Ловкость на угонках	Настойчивость и сила	Мастерство, сметливость	Участие в ловле и понимистость	Поведение		Слаженность работы	Общий балл
							на своре	вне своры		
10	10	25	5	10	5	10	5	10	10	100

Эти правила с некоторыми коррективами действуют вплоть до настоящего времени.

Самое главное в правилах — расценочная стобалльная таблица высших баллов по элементам работы — для оценки каждой собаки в отдельности и для групповой оценки двух или трех борзых одного владельца, записанных в групповой разряд.

В первом варианте правил, принятом в 1947 г. и действовавшем в дальнейшем, были установлены расценочные таблицы в баллах (табл. 2 и 3).

Для получения дипломов требовалось, чтобы испытываемая единица имела баллы не ниже:

	Общий балл	Балл за резвость
В разряде индивидуальном:		
для диплома III степени	60	18
для диплома II степени	70	21
для диплома I степени	80	24
В разряде групповом (пар и свор):		
для диплома III степени	60	16
для диплома II степени	70	19
для диплома I степени	80	21

Для разряда пар и свор устанавливался также минимум по графе «слаженность работы»: для дипломов III, II и I степеней соответственно 6, 7 и 8 баллов.

Испытания по вольному зверю проводятся в том же порядке, что и до Великой Отечественной войны. Всех участвующих борзых распределяют в группы по 3 собаки, возможна группировка и по две собаки. Три-четыре таких группы с пешими или верховыми владельцами разравниваются в полях на расстоянии около 50—60 м друг от друга и развернутой линией — «равняжкой» — двигаются по полям, целинам, луговинам, где предварительно установлено наличие достаточного количества зверя (русака, лисицы). Все собаки идут в равняжке на сворах, чтобы они не кидались на чужие травли и не мешали правильной оценке работающих собак.

Позади равняжки едут судьи и стажеры, обязательно верхом на лошадях; допустимы мотоциклы, а при очень ровном рельефе местности автомашины полугрузового типа. Каждая единица испытывается по одному зверю. Пускается и испыты-

4. Расценочная таблица баллов по элементам работы борзой

Резвость	Зоркость	Настойчивость при преследовании зверя	Сила и выносливость	Участие в ловле и поимистость	Мастерство (одиночки); сложенность работы (группы)	Поведение			Общий балл
						на своре	вне своры	отношение к пойманному зверю	
30	10	10	10	15	5	5	5	10	100

вается только та группа борзых, ближе всего к которой поднялся зверь. Судьи и стажеры скачут, стараясь быть ближе к травле, чтобы видеть все ее детали. Остальные участники испытаний со своими собаками останавливаются и стоят на месте до конца травли.

Очередь вступления в равняжку определяется жеребьевкой. Как только одна из групп отработает по зверю и будет расценена, на ее место в равняжке вступает очередная из резерва. Работа каждой собаки расценивается в отдельности, и в зависимости от полученных баллов каждой собаке может быть присужден диплом I, II и III степени.

В течение более трех десятилетий по правилам испытаний с оценкой работы борзых баллами проведены сотни испытаний в северном и южном районах охоты с борзой, а также в Западной Сибири и на Алтае, проверены рабочие качества десятков тысяч борзых — русских псовых, хортых и южнорусских. Однако в среднеазиатских республиках дело испытаний не получило должного развития, возможно потому, что для особых условий охоты на их территории и для пород борзых, применяемых там, нужны свои, особые правила.

Борзятники европейской части СССР и Сибири новые правила, их основу — баллы и все их главные принципы приняли безоговорочно.

При пересмотрах стандартов и правил для других пород детально рассматривались и правила испытаний борзых. Не изменяя их основ, специальные комиссии вносили некоторые поправки и уточнения. В табл. 4 приведена расценочная таблица в варианте 1980 г.

Для получения борзыми дипломов правила 1980 г. требуют минимальных баллов (см. табл. 5).

Кроме областных, районных и межрайонных испытаний для более широкого обмена опытом и подбора производителей периодически организуются состязания межобластные, республиканские и всесоюзные, при этом соревнуются не отдельные собаки, а областные команды, количественный состав которых назначается в соответствии с положением, составленным для каждых состязаний.

5. Условия получения дипломов борзой

Графа расценочной таблицы	Минимум баллов для дипломов степени		
	I	II	III
Общий балл	80	70	60
Резвость	24	21	18
Отношение к пойманному зверю	8	7	6
Слаженность работы групп	4	4	3

Экспертиза на испытаниях борзых по вольному зверю. Проверка охотничьих собак любых пород (испытания) — дело сложное и ответственное. И самыми трудными для судей следует считать испытания борзых, где работа, по которой они должны дать оценку качеств каждой собаки в работающей группе, почти молниеносна и длится в благоприятных для судей случаях несколько минут. Иногда они должны решить вопрос о присуждении диплома по скачке, продолжающейся считанные секунды. Тут очень помогает сравнительная оценка. Именно для возможности сравнивать и установлено, что на испытаниях (и состязаниях) пускается по одному зверю группа из трех, в крайнем случае из двух собак.

Несмотря на значительный опыт испытаний (несколько сот их за более чем 30-летний период), иногда наблюдаются разногласия в заключениях и оценках разных судей (экспертов). Следует разобраться в значении каждой из граф расценочной таблицы и наметить методику оценки работы борзой баллами.

Резвость, как известно, главнейшее свойство борзой; поэтому балл в графе «резвость» имеет наивысший удельный вес. Нужна способность собаки к такой скачке, которая по быстроте превосходит скорость бега зверей — объектов охоты, т. е. в основном русака и лисицы. Нередко вся травля заканчивается в несколько секунд, в чем и таится причина большой трудности оценки. Если судьи, скачущие за травлей верхом, будут наблюдать скачку за зверем отдельной собаки, то им в эти мгновения нет возможности найти критерий для выбора того или другого балла. Действительно, какой балл за резвость поставить борзой, быстро догнавшей зверя,— 21, 22, 23, 24 или даже 27, а то, может быть, все 30? Если борзая работала одна, то решение этой задачи окажется крайне произвольным. Тут на помощь судьям и приходит сопоставление резвости разных собак при их совместной скачке по общему зверю.

Так, при высшем балле 30, баллом, позволяющим присудить диплом III степени, должно быть число 18. Им и оценивается резвость такой борзой, которая не в состоянии, как говорится, «сжечь» матерого русака (последний служит мерилом резвости), а настигает его лишь когда он ослабеет после долгой скачки. Подобную резвость нельзя признать желательной, но

все же она достаточна для практической охоты. Если борзая не слишком быстро, но все же за счет своей резвости «достает мерного», т. е. поднявшегося недалеко зверя, то ей можно дать за резвость 19—22 баллов, но сколько же именно?

Удобно рассмотреть способ оценки резвости на примере. Одна из участвующих в травле собак быстро догнала русака, а вторая, лишь немного отставая от первой, успела дать ему вторую угонку (второй поворот), пока резвейшая справлялась. Ясно, что вторая собака незначительно уступает первой в резвости (предполагается, что все борзые пущены одновременно). Чередуясь на угонках, эти две собаки после четвертой-пятой угонки сбавили быстроту, и третья, вначале скакавшая позади, стала обходить резвых, но менее стойких соперниц за счет своей выносливости. Выдвинувшись вперед, но не доставая русака тотчас же, эта борзая все же догоняет его, скажем, после полуторакилометровой погони. Очевидно, ее резвость соответствует баллу 18, а резвость других собак, заметно превосходящих ее, может быть оценена баллами: первой примерно 21, а второй примерно 20. Что касается силы и выносливости, то тут соотношение баллов будет, конечно, совсем иное. Необходимо строго различать собственно резвость как способность к исключительно быстрому, хотя бы и непродолжительному движению, и выносливость, позволяющую собаке взять зверя измором.

В приложенной к правилам испытаний шкале оценок и примерных скидок делается попытка дать придержки для выставления баллов. Например, рекомендуется сбрасывать с 30 не более 6 баллов, если борзая догнала зверя (матерого русака) на расстоянии не свыше тройной дистанции, бывшей между ними в момент подъема зверя. Поиски придержек следует одобрить, но пока они еще крайне приблизительны и почти не применимы на практике. Действительно, если борзая «достала» на трех указанных дистанциях крупного русака, то при благоприятном для нее и для зверя грунте резвость ее нужно признать отличной. Но та же придержка не пригодна, если зверь — прибылой русачок или лисица. Ведь их живо догонит и борзая с довольно средними ногами. А если земля мокрой пахоты, где побежал русак, сильно налипает на лапы, задерживая его гораздо сильнее, чем собаку, то помогут ли «дистанционные» мерки? Конечно нет.

Качество зверя, состояние грунта, погода, характер местности, неодновременность спуска борзых со своры — много-много обстоятельств судьи должны учитывать при оценке резвости борзой. Разнообразие всех этих условий так велико, что никакие стандартные приемы оценки здесь не применимы, а «дистанционные» придержки в большинстве случаев не помогают еще и по той причине, что расстояние между собакой и зверем в момент его подъема редко фиксируется судьями с достаточной точностью и уверенностью. Почти всегда оно либо спорно,

либо определяется крайне приблизительно: «в меру», «не в меру», «близко», «далековато» и т. п. Могут ли судьи, скача карьером «измерить» дистанцию и три дистанции? Лишь очень приблизительно.

Зоркость — очень важное качество борзой, и вместе с тем во многих случаях на испытаниях оно проверяется лишь приблизительно. Под зоркостью понимается как собственно сила зрения, так и умение пользоваться им, не прозевать появление зверя и не потерять его при любых условиях травли. Зоркая собака, мгновенно замечающая зверя, имеет больше шансов поймать его, чем разиня, которой хозяин должен показывать объект травли. Правда, не всегда борзая с отличной зоркостью имеет возможность проявить ее на испытаниях в полной мере. Например, при травле на озими даже незоркой собаке нетрудно увидеть вскакивающего зверя, да и вся травля тут как на ладони. В таких обстоятельствах оценка зоркости условна и основана главным образом на том, насколько неотрывно следила собака за полем до травли и насколько быстро реагировала на появление зверя. Вот почему судьи во все время движения «равняжки» (цепи испытуемых групп борзых) обязаны внимательно учитывать поведение собак на сворах не только с точки зрения их дисциплинированности, но и в отношении зоркости.

Расценочная шкала уделила зоркости 10 баллов. Это качество легче определить на испытаниях, чем ряд других, таких, как настойчивость и выносливость. Во многих (если не в большинстве) случаях на испытаниях ни настойчивость, ни выносливость и сила не проявляются борзыми просто потому, что их работа оказывается слишком короткой. Например, русак вскочил в 50 м от испытываемой своры и, проскакав 200—300 м, оказался пойманным. Тут ни о настойчивости, ни о выносливости говорить не приходится. Если никто из собак не показал себя в отношении этих качеств с отрицательной стороны, т. е. не бросил работу до окончания травли, то судьи вынуждены поставить всем скакавшим борзым одинаковый «нейтральный» балл — 5 или 6 (повышение балла до шести будет обосновано, если розыск зверя был труден и продолжался несколько часов, и таким образом собаки до некоторой степени показали свою натренированность, не утомясь в долгом рыску).

Может возникнуть вопрос: нужно ли оставлять за этими графами по 10 баллов, если часто они заполняются столь условно? Нужно. Эти графы приобретают очень существенное значение для собак, которые при не блестящей резвости все же ловят зверя именно благодаря своей стойкости в работе. Высокие баллы за настойчивость и выносливость дают возможность подобным борзым набрать нужный минимум общего балла для получения диплома III степени.

Следующая графа таблицы названа «Участие в ловле и понимистость». При постановке балла по этой графе учитыва-

ется роль каждой собаки в ловле зверя; принимается, конечно, во внимание и собственно поимистость, если зверь заловлен. Для получения хорошей оценки и присуждения диплома на испытаниях невозможно требовать обязательной поимки зверя данной собакой. Это определяется рядом причин, которые выявила практика испытаний. Дело в том, что судьи должны оценивать работу каждой собаки лишь по одному зверю, а следовательно, от случайностей нет гарантии, и самая поимистая собака может просто не получить возможности проявить это качество. Например, борзая с отличной резвостью мгновенно достала русака и угонка вследствие этого получилась такая, что зверь бросился назад и, не успев опомниться, нечаянно попал в зубы задней собаке, не обладающей ни отличной резвостью, ни выдающейся поимистостью. Или, к примеру, после нескольких великолепных угонок зверь ушел в гущу неубранного подсолнуха, где не только плоха видимость, но и совершенно невозможна резвая скачка борзой. Так неужели же из-за подобных случайностей лишать диплома хорошую борзую, оставив ее без расценки или, что еще неправильней, расценив ее низко? А ведь бывают такие испытания, на которых подобные «случайности» идут подряд.

Действующие правила испытаний допускают присуждение диплома II и III степеней без поимки зверя данной собакой, и таким образом решающее значение придается не самой поимке, а тому, насколько данная борзая содействовала успеху травли. Ясно, что эта роль гораздо значительнее у той борзой, которая догнала зверя и, задержав на угонках, дала возможность подоспеть остальным, чем у той, которая тянулась где-то сзади и которой только осталось разинуть пасть, чтобы схватить русака, налетевшего на нее из-под чужих угонок. Вполне возможен случай, когда такая удачливая тупица, несмотря на свой случайный успех, все же остается без диплома.

Роль борзой в ловле — один из важнейших элементов для ее оценки на испытаниях, поэтому полный балл здесь определен цифрой 15.

Под мастерством борзой следует понимать, во-первых, ловкость, изворотливость ее на угонках, а затем сметливость и особое умение использовать обстоятельства травли. Например, на чкаловских областных испытаниях 1948 г. один из кобелей, участвовавших в травле лисицы, неожиданно отделился от группы собак и, не сбавляя резвости, стал забирать сильно влево от направления хода зверя. Лисица, мчавшаяся лощиной, вскоре после этого поравнялась с глубокой промоиной, впадающей в лощину с расположенных слева холмов. Она юркнула в промоину и побежала по ее извилинам, скрывшись от борзых. Ни одна из собак не бросила преследования, и в этом уже было известное мастерство, но черный кобель, срезавший угол, прискакал к вершине промоины как раз в тот момент, когда оттуда выскочил зверь, и схватил лисицу. Каким-то непонят-

ным человеку способом он предугадал поведение зверя. Тут, конечно, нельзя было не увидеть большого мастерства.

Нужно признать, что характерные признаки мастерства на испытаниях борзых удается видеть крайне редко как по условиям этого дела, так и потому, что мастерить умеют редкие борзые. Поэтому-то мастерству и выделено в таблице лишь 5 баллов.

Если борзые испытываются не в разряде индивидуальной оценки, а в паре или своре как рабочей единице, то мастерство их не оценивается, и в данной графе ставится балл за «слаженность работы».

Дисциплинированность борзой и степень ее высворки отражает графа «Поведение», состоящая из трех подграф: поведение на своре, поведение вне своры и отношение к пойманному зверю.

Борзая должна хорошо знать свору, не рваться на ней и не тянуться позади охотника. При правильной высворке борзая всегда идет впереди борзятника, несильно натягивая свору и неустанно и зорко наблюдая за полем, за появлением на нем зверя. Вне своры борзая должна считаться с хозяином. Если зверь пойман, то она обязана, задушив его, положить на землю, не трепать, а тем более не рвать его и ожидать у добычи своего хозяина. При этом она имеет право не допускать к зверю других собак, не вступая однако в драку с ними. Когда зверь принят, борзая должна спокойно дать себя присворить, а если он ушел, протравлен, то бежать навстречу своему хозяину.

Правильное поведение борзой, спущенной со своры, важно, так как собака, например, рвущая добычу, почти не годна для охоты. В связи с этим по графе «отношение к пойманному зверю» установлен минимум в 6, 7 и 8 баллов, без которого невозможно присуждение диплома любой степени.

Из анализа работы борзой на испытаниях и ее расценки видно, что почти все здесь решает резвость собаки. На это качество, на его возможно точное определение и направлено прежде всего внимание судей. Приходится слышать нарекания на неправильность присуждения диплома собакам, не поймавшим зверя, на придание слишком большого значения зоркости и, наоборот, слишком малого — настойчивости и выносливости и т. д. Однако, если внимательно вдуматься в то, что допускает и чего не позволяет сама обстановка испытаний, то станут ясными и неизбежно ограниченные возможности этого мероприятия, и коренная разница между испытаниями и тем глубоким изучением всех данных собаки, которое достигается на повседневной практической охоте.

Нет сомнения, что при известном несовершенстве значение оценки борзой на испытаниях по вольному зверю в племенном деле огромно.

Садки на злобу. Среди ценителей русской псовой борзой

в настоящее время есть группы охотников, желающих достигнуть полного восстановления тех качеств этой собаки, которые стали ею забываться,— злобы и отваги, необходимых для охоты на волка.

Считаясь с замыслами и намерениями некоторых охотников заниматься «привалкой» своих борзых по волку и их требованиями организации испытаний борзых по этому зверю — «садок на злобу», Главное управление по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйствам при МСХ СССР поручило Всесоюзному кинологическому совету составить соответствующие правила и утвердило представленный проект.

Так как последние настоящие садки на злобу в России состоялись в Москве более 70 лет назад[1], то, очевидно, составители правил, утвержденных в 1979 г., не видели садок, которые проходили тогда как привычные и многократно проводившиеся мероприятия. Естественно, что созданные правила, не основанные на опыте или хотя бы на непосредственном знакомстве со старыми садками, содержат некоторые неясности. Очевидно, если садки на злобу войдут в обиход секций любителей борзых охотобществ, то постепенно правила будут уточнены.

Утвержденные правила по сути своей предназначены только для русских псовых борзых, тогда как теперь в СССР существует охота на волка только в среднеазиатских республиках с тазами и тайганами, для которых правила и самые садки должны быть иными.

Правилами предусмотрены садки двух разрядов: одиночные и групповые, причем имеется в виду оценка работы каждой собаки группы подобно тому, как это принято при испытаниях борзых по вольному зверю. Группы могут состоять из двух или трех собак. Работу борзых в одиночку правила не регламентируют. Предполагаются садки по волкам всех возрастов, т. е. по прибылым, переяркам и матерым, причем не указывается никакой разницы в садках в зависимости от возраста зверя.

Волк пускается из раскидного ящика или с привязи по распоряжению председателя экспертной комиссии. Дистанция, с которой пускаются борзые, должна быть не менее 20 м. Пускает собак владелец или его доверенный, а принимает волка от собак специально назначенный приемщик. При каждой садке правилами требуется наличие запасных свор. Судейская комиссия должна состоять из председателя, имеющего судейскую квалификацию любой категории по борзым, и второго судьи, имеющего звание судьи-эксперта по любой охотничьей породе. Допускается не более трех стажеров.

На садках качества борзых: злоба, приемистость, сила (при индивидуальной расценке), слаженность работы (для пар и свор), расцениваются по таблице 6:

---

[1] Автор присутствовал на садках 1913 г.

6. Расценочная таблица баллов по элементам работы на садках борзым на злобу

Оценка	Злоба	Приемистость	Сила	Слаженность	Общий балл
Для одиночек	50	30	20	—	100
Для пар и свор	50	25	—	25	100

Для присуждения дипломов как одиночной борзой, так и группе, необходимо получить минимум баллов:

для диплома I степени . . . . . **злоба 40, общий балл 80**
для диплома II степени . . . . . **» 35, » » 70**
для диплома III степени . . . . . **» 30, » » 60**

Организация садок на злобу — дело сложное и доступно только областным обществам охотников или более высоким охотничьим учреждениям. Прежде всего необходимо устроить садочное поле. Если нельзя использовать для садок ипподром, должна быть найдена свободная площадка не менее 400—500 м в длину и 250—300 м в ширину. Эта площадка должна быть прочно огорожена достаточно высокой оградой для того, чтобы волк не мог уйти сквозь нее или перепрыгнуть. Ограда нужна также и для того, чтобы зрители не мешали работе борзых и действиям судей. Устроители садок должны заранее заготовить волков, а поскольку неизбежна предварительная передержка, то необходимо устроить для них и клетки. Для выпускания (сажания) волков должны быть заготовлены раскидные ящики, чтобы после сдергивания за веревку крышки стенки падали, и волк оказывался на свободе. Очень важным вопросом подготовки садок является подбор приемщиков, желательно не одного, а нескольких. Эти люди должны обладать известной смелостью и опытом. Согласно правилам садок на злобу, сажая волка для работы испытуемых борзых, судьи должны указать место для запасных свор. А эти своры (или хотя бы одна) должны быть заранее проверены и собраны из собак, проявивших надежную злобу и способных задержать зверя до того, как подоспеет приемщик. Эти запасные своры особенно необходимы теперь, когда будут испытываться борзые, хотя и прошедшие притравку, но все же не привыкшие к работе по волку.

О кинодроме. В настоящее время в СССР растет число охотников с борзыми и любителей этих собак. Растет и в сельской местности, и в городах. И в ряде пунктов создались уже довольно многочисленные группы. Между тем содержание борзой и создание для нее нормальных условий даются непросто. Нужно ли говорить, что предоставление борзой возможности быстрого движения — скачки — необходимо. Без него молодая борзая не разовьется физически достаточно полно, а взрослая потеряет свое основное качество — резвость. Заботливые, вни-

мательные к своей собаке борзятники-горожане и стараются вывозить борзых за город, куда-то в поля, где можно им побегать, поскакать.

Но нелегки такие поездки! То трудности из-за такси, шофер которого согласится везти такую большую и такую шерстистую собаку, то неприятности в битком набитом вагоне электрички (ведь ехать-то в выходной день). Да и поля... Где они вблизи большого города такие, чтобы и собакам было хорошо, и чтобы никто не возражал?

Думается, очень может выручить кинодром, тот кинодром, который так популярен и распространен и в Западной Европе, и в Америке, и в Австралии, и в Китае (Шанхай), и в других местах. За рубежом кинодромы устраиваются для скачек борзых — тут цели прежде всего спортивные, а бывают и коммерческие — там, где скачки борзых стали публичным зрелищем. Однако за рубежом кинодромы кроме состязаний борзых служат их тренировке.

Следует и в СССР пользоваться кинодромами с их электрическим зайцем прежде всего для тренировки городских собак, а также и для скачек. Они могут стать и у нас спортом, но помимо спортивного назначения приобретут и роль вспомогательного, очень ценного средства для отбора производителей. Правда, скачки дают на кинодроме борзой одностороннюю оценку и позволяют одобрить ее лишь в отношении резвости. Но ведь резвость — главное у борзой, да кроме того кинодром позволяет отчасти испытать борзую еще и на выносливость, силу: можно пускать собаку скакать круг за кругом несколько раз и таким образом оценить ее работу не на 400 м — дистанции дорожки кинодрома, а и на значительно большем расстоянии. В СССР теперь есть города со значительным количеством борзых, такие, как Москва, где в настоящее время уже насчитывается более 200 псовых, Ленинград, Горький, Воронеж, Липецк, Омск, где уже набирается по 50 и 100 борзых. Во всех этих городах есть нужда в постоянной тренировке собак, и значит, кинодромы будут в них более чем уместны.

В перечисленных городах в настоящее время борзятники держат лишь собак русской псовой породы[1]. Известны случаи, что борзые других пород не допускались на выставки: так, например, в течение нескольких лет поступала секция кровного собаководства Волгоградского общества охотников и рыболовов. В результате такие породы, как, например, хортая, оставались за бортом кинологической работы.

С полным правом на кинодромах, устроенных областными обществами охотников, могут тренироваться или участвовать в скачках борзые пород, признанных в нашей стране, и это

---

[1] В ряде мест теперь входит в моду афганская борзая. Пока она еще малочисленна, но следует учесть, что и для афганских борзых нужна тренировка.

еще увеличит число борзятников, заинтересованных в создании и деятельности кинодромов.

За рубежом благодаря большому опыту скачек борзых выработаны наиболее целесообразные формы и размеры кинодромов. Например, кинодром в Швейцарии, скаковая дорожка которого рассчитана на дистанцию скачек в 400 м, имеет форму овала. Общая длина кинодрома из конца в конец около 170 м, ширина до 115 м. Если учесть, что вокруг кинодрома должна быть полоска земли, не занятой ничем посторонним, то общая длина участка, отведенного под кинодром, должна быть не менее 200—220 м, а ширина примерно 150 м. Следовательно, площадь всего участка не более 3,5—4 га.

Устройство кинодрома несложно. Главная его часть — скаковая дорожка шириной на прямых участках 6 м и с необходимыми расширениями — должна быть отделена от внешнего мира и от внутреннего поля двумя оградами из проволочной негустой сетки. В центре внутреннего поля устраивается будка для механизма электрического зайца, на скаковой дорожке — узкая щель с тонким рельсом, по которому бежит заяц — комок белого меха. Для пуска собак сбоку дорожки устанавливается небольшой станок с шестью отделениями для шести борзых с глухими стенками и задними дверцами, а спереди решетками, которые при помощи простого механизма разом поднимаются слиппером — пускальщиком собак. Он подчинен судье и выпускает борзых по приказу. Судья дает приказ на «заячью машину» и следит за появлением «зайца», за его бегом и дает распоряжение пустить собак, когда «заяц», миновав клетки собак, достигает установленного пункта. Скорость движения зайца должна быть такой, чтобы, с одной стороны, он не убегал от собак слишком далеко, а, с другой, не позволил бы какой-нибудь собаке схватить себя. Скорость зайца регулируется человеком, работающим на «заячьей машине».

Кроме станка для собак и будки для электромеханизма и самого механика вблизи станка должно быть построено небольшое помещение для судьи, слиппера и владельцев собак на случай непогоды или болезни собак (повреждения ног, ушибы). На оборудование кинодрома не потребуется значительных денежных средств. Для обслуживания всего устройства достаточно одного штатного механика, которому может быть поручен и контроль действий посетителей-борзятников, и проверка и учет путевок, полученных ими в обществе охотников. Обязанности слиппера-пускальщика могут исполнять сами владельцы борзых, прибывающих на тренировки. А в дни скачек на должность слиппера общество, конечно, должно назначать особого человека — во всяком случае не из числа участников. Все расходы общества могут погашаться даже самой незначительной оплатой путевок на кинодром.

Известно, что попытки ввести в обиход секций борзятников тренировку борзых по искусственному зайцу у нас делались.

Еще до Великой Отечественной войны было нечто вроде кинодрома в Ленинграде, но успеха не было, да и не могло быть при тогдашней малочисленности ленинградской группы борзых. Были и другие неудачные опыты, а также не без успеха опыт киевских любителей в 70-х годах. Но эти случаи не показательны, так как неудачи получались оттого, что мало было владельцев борзых, нуждающихся в их тренировке по искусственному зайцу. В настоящее время борзых гораздо больше, и не говоря уже о Москве с ее сотнями псовых, кинодромы не будут пустовать в Горьком и Ленинграде и даже в таких местах, как Ростов-на-Дону и Ставрополь, где мало псовых, но много хортых — породы, которую нужно укреплять и поддерживать для юга европейской части СССР.

БОРЗАЯ НА ВЫСТАВКЕ. КЛИЧКИ БОРЗЫХ

Выставка борзых. Если назвать выставки охотничьих собак Москвы, Ленинграда, Волгограда, такие выставки, где показываются псовые борзые в немалом количестве, то надо ли говорить, что ринги борзых привлекают особенно много зрителей? Да и когда на выставке в совсем «неборзом» городе окажутся всего две-три псовые борзые, а, бывает, даже и всего одна, — все равно и эти единицы привлекают большое внимание любителей собак, посещающих выставки.

Русская псовая борзая — это своего рода произведение кинологического искусства. Интерес к ней многих людей требует ответного внимания со стороны владельцев борзых, обязывает их.

Не говоря уже о том, что борзая, столь эффектная и особо заметная, должна быть на выставке чистой (вымытой за 2—3 дня до выставки), с тщательно расчесанной псовиной, очень важно, чтобы это необыкновенное, редкое животное вело себя достойно. Нередко молодые собаки и на выводке, и на выставке плохо идут на своре, по старинному выражению «плохо высворены». Если гончая или легавая то рвется на сворке вперед, то еле тянется за хозяином или, робея, чуть не ползет, это, конечно, очень плохо, но все же терпимо, потому что собак этих нельзя назвать очень эффектными.

Другое дело — псовая борзая. Ей положено на выставке блистать. И поэтому владельцы борзых, и взрослых, и молодых, должны добиться от своих собак ровного, правильного и красивого поведения в любых условиях, и особенно среди множества собак и людей. Особое внимание нужно уделять тому, чтобы добиться от борзой терпеливого и спокойного поведения во время осмотра зубов. Еще раз хочется напомнить о «блестящем порядке», в котором должна показываться русская псовая борзая, так как, если она выставлена грязной, всклокоченной, да еще настолько худой, что ребра наперечет и маклаки торчат, то она не только теряет свою красоту, но даже больше: она представляется хуже, чем она есть на самом деле.

Повышенные требования к «порядку» выставленной собаки, относятся не только к русской псовой, но и к другим борзым. Хотелось бы, чтобы охотники юга выводили на выставки своих хортых и южнорусских борзых в наилучшем порядке. Хортая — рослая, отлично сложенная, определенно, очень красивая собака, но нередко она много теряет из-за плохой высворки, когда она вовсе не приучена ходить на сворке. Также и южнорусской не откажешь в стройности и привлекательности на ринге, особенно, если подвес на правиле и убор на ушах и на задних сторонах ног расчесаны и чисты. То же нужно сказать и о тазе, которую очень украшает хоть и скромный, но красивый убор на ушах и задних сторонах ног, пусть он вовсе не густой. Почти все тазы, которых довелось видеть и судить на выставках были очень худы. Обязательна ли такая худоба для породы? Конечно, нет. Несомненно, что раскормленность недопустима в жарком климате края, где живут и работают тазы, но излишняя худоба им тоже не нужна.

В таком же положении находятся и тайганы (их пока не увидишь на выставках, а лишь на выводках в горах Киргизии). Нужно добавить, что тайган имеет эффектный вид, когда у него уши и удлиненная псовина на ногах чисты и расчесаны.

Система комплексной оценки, принятая у нас на выставках, несовершенна (можно ли считать первоклассным производителем кобеля или суку, не имеющих классных детей? А элита всего с одним-двумя классными детьми?), но она все же до некоторой степени полезна. И поэтому владелец классной борзой, ведя ее на выставку, должен иметь при себе все тщательно проверенные документы, подтверждающие право собаки войти в тот или иной племенной класс. Москвичам и горьковчанам об этом напоминать не нужно, и вообще владельцы русских псовых давно уже усвоили ценность родословной и других документов. Обществам Ростова-на-Дону и Ставрополя нужно напомнить о необходимости использовать выставки и выводки для установления родословных для собак все еще «беспризорного» происхождения — хортых и южнорусских борзых. Если у собаки точно установлены отец и мать, то нередко можно путем расспросов и свидетельских показаний установить клички и владельцев родителей этих отца и матери. Так можно установить родословную всего в два колена, но как ни коротка она, пусть послужит началом родословной настоящей (табл. 7).

О кличках борзых. В прежние времена русским псовым борзым, а за ними и хортым было принято давать клички либо в честь качеств борзых, либо основанные на их характере, либо отвечающие в какой-то степени «воинскому» духу, отваге псовой борзой и ее силе в борьбе с волком. Много было кличек, имеющих корни в русском языке, и очень красивых. Например, старые клички кобелей: Алмаз, Атаман, Бахвал, Беркут, Блистай, Бросок, Булат, Буран, Витязь, Ветер, Гром, Джейран, Дорогой, Завет, Залет, Злоим, Карай, Кидай, Кинжал, Кистень, Кречет,

7. Таблица минимальных требований для определения классности при комплексной оценке борзых

Класс	Охотничьи качества	Балл	Экстерьер	Балл	Происхождение	Балл	Потомство	Балл	Общий балл
			Русские псовые борзые						
Элита (большая золотая медаль)	Один диплом II степени и любой повторный (только индивидуальный)	40	Очень хорошо	30	Четыре полных ряда предков	18	Для кобеля Для суки	8 4	96 92
			Обязательна запись в родословные книги союзных республик						
Первый (малая золотая медаль)	Два диплома III степени (из них один индивидуальный)	35	Очень корошо	30	Четыре полных ряда предков	16	Не требуется	0	81
Второй (серебряная медаль)	Один любой диплом III степени или один диплом любой степени в одиночку «на злобу» или два III степени в паре «на злобу»	30	Хорошо	20	Три полных ряда предков	14	То же	0	64
			Южнорусские, хортые, тазы, афганские борзые						
Элита (большая золотая медаль)	Один диплом III степени и любой повторный или диплом II степени «на злобу» (только индивидуальный)	40	Очень хорошо	30	Независимо от числа предков обязательны сведения о родителях	10	Для кобеля Для суки		
Первый (малая золотая медаль)	Два диплома III степени (из них один индивидуальный) или один III степени и любой на злобу (индивидуальный)	35	То же	30	То же	8	Не требуется	0	73
Второй (большая серебряная медаль)	Один диплом III степени или любой «на злобу» в одиночку или «на злобу» два в паре	30	Хорошо	20	»	6	То же		56

Примечание. В классе элита русской псовой борзой второй диплом «на злобу» может быть только индивидуальный любой степени. В первом классе второй диплом «на злобу» может быть индивидуальный. Завезенные из-за рубежа русские псовые борзые для класса элита должны иметь четыре ряда предков и 16 баллов за происхождение. Баллы начисляются по «Правилам выставок и выводок охотничьих собак».

Крылат, Летун, Любим, Надмен, Наян, Отмах, Победим, Подар, Порхай, Пылай, Разбой, Руслан, Рогдай, Сайгак, Свиреп, Славный, Сокол, Туман, Удалой, Чаус, Швырок, Ястреб, Ятаган. А вот для сук: Вихра, Волна, Вьюга, Гроза, Дивна, Ерза, Зазноба, Залетка, Заноза, Змейка, Искра, Комета, Касатка, Крылатка, Ладна, Лебедка, Летка, Милка, Мечта, Молва, Метель, Нагла, Найда, Наянка, Нега, Невзгода, Отвага, Подруга, Рогнеда, Сайга, Слава, Стрела, Чара, Юла, Язва.

Таких звучных для зова и значительных слов найдется в старых русских списках еще столько же и даже больше, но можно подобрать и новые, настолько же звучные, удобные и красивые.

А на деле-то клички собак то слишком неподходящие, то повторяются и повторяются одни и те же и в одной области, и в другой, и в третьей. Дело не в том, что одни и те же клички надоедают, а в том, что они нередко создают затруднения при рассмотрении родословных. Так и мелькает — в первом колене Полет Петрова, во втором колене Полет, но не Петрова, а Петровского; а может быть, все-таки это тот же самый Полет, только при переписке исказили фамилию владельца?

При пересмотре отчетов по нескольким волгоградским выставкам за 1969, 1971, 1973 гг. (всего 85 собак) оказалось, что среди них Полетов — шесть, Соколов, Амуров, Караев и Стрелок по три и целый ряд кличек, повторяющихся дважды Всего повторяется 41 кличка из 85, т. е. почти половина.

А сколько странных, чуждых борзым кличек было среди тех же 85 собак — 14! Тут и Мавра, и Бронза, и Барсик, и Рента, и Ринга, и Барон, и Рекорд и т. д., и т. п.

Встречаются клички, взятые из давних псарных кличек, как будто освященные стариной, духом былых комплектных охот, но достаточно некрасивые и, казалось бы, никак не украшающие борзую собаку, например Ведьма, Бездна, Браслетка, Ханка, Терзай, даже Стервец! А вот клички, с которыми пришлось встретиться в Москве: Барыня, Жрица, Беста и т. п.

И не одним только русским псовым достаются столь неудачные клички, хотя бы потому неудачные, что повторяются без конца. Особенно это заметно у борзых породы таза в Казахстане. Например, кличка Ушар на одном ринге из десятка собак повторяется не меньше трех-четырех раз, да и с другими так же. Тут это пока, к сожалению, не страшно, так как при отсутствии родословных и полноценного учета собак этой породы одинаковость кличек не меняет сути дела, и от того же инбридинга разнообразие кличек тазу не предохранило бы.

* * *

Автору данной книги довелось видеть русскую псовую борзую в разных условиях существования, на разных этапах ее новой истории. Говорю о русской псовой потому, что в прежние

времена, которые я захватил в раннем возрасте, у жителя северной части России почти не было сведений о других породах борзых, а псовая в охотничьих журналах была в славе и почти монополизировала их страницы, посвященные большой или малой псовой охоте, охоте с ловчими собаками. Да ведь и мог-то я видеть на выставках и садках одних русских псовых, так как к тому времени, когда я стал ходить на эти зрелища, хортых перестали держать владельцы комплектных охот, а мелкотравчатые не брались доказывать преимущества этой породы. Тем более в Москве нельзя было увидеть горок, крымок и таз. В начале XX столетия уже кончался многовековой период службы русской псовой преимущественно в больших комплектных охотах, что, конечно, сопутствовало обеднению дворян-помещиков, которое шло полным ходом. Чувствовалось, что псовая порода тает, хотя еще и блистала борзыми Першинская охота и очень немногие другие. Таков был этап, когда я стал усердным посетителем выставок собак в Манеже и садок на злобу на ипподроме; побывал я и на садках 1913 г., на последних... Прошло десять лет, прежде чем я вновь увидел борзых на выставке — это произошло в 20-х годах. Вместо прежних многих десятков, а то и сотен псовых теперь на выставочных рингах появлялись единицы, редкая выставка могла порадовать целым десятком борзых. Но среди этих единиц почти не было заурядных, а больше появлялись собаки высокой породности, прекрасного экстерьера. И так было потому, что оставались эти считанные остатки породы у самых заядлых любителей породы, хорошо знавших и понимавших ее.

Трудно теплилась порода до самой Великой Отечественной войны. Многое война уничтожила. Казалось, и русской псовой борзой придет конец. Но страстные любители хранили остатки остатков породы; спасали ее и государственные питомники... И вот после победы русская псовая порода стала крепнуть неожиданно, стала расти и сделалась такой значительной, сильной и дала таких замечательных производителей, которым могла бы позавидовать и старина. Немалую пользу принесли и отличные псовые, вывезенные из стран Западной Европы. Создалась уверенность в дальнейшем укреплении и развитии породы.

Наряду с русской псовой выявились и другие породные группы, признанные стандартом. Таковы на юге европейской части СССР хортые и южнорусские борзые, имеющие некоторые преимущества в таких областях, как Ростовская, Ставропольский край и др. Они еще не вполне «стали на ноги». Еще у большинства борзых этих пород нет родословных, не налажена сплошная регистрация вязок и таким образом племенная работа недостаточно контролируется. Но понятия кровного собаководства проникают в охотничьи массы даже глухих сельских местностей. Появляется уверенность, что названные породы окончательно оформятся на юге и будут работать во славу нашей новой псовой охоты.

Трудное положение остается у среднеазиатских борзых пород в связи с появлением даже в отдаленных, ранее оторванных от культуры районах новых слоев населения. В районы, где кроме тазы и тайгана не было других собак, новыми людьми завозятся новые собаки и начинается засорение посторонними примесями местных пород борзых. И государственные и общественные охотничьи организации должны принять решительные меры к спасению богато одаренных местных пород борзых.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СТАНДАРТЫ БОРЗЫХ В СССР

Приняты	Утверждены
Всесоюзным кинологическим Советом МСХ СССР 23 декабря 1979 г.	приказом Главного управления по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйствам МСХ СССР № 19 от 30.04.1980 г.

Русская псовая борзая. Борзые — одна из древнейших групп собак. В раскопках древних поселений, относящихся к нескольким тысячелетиям до нашей эры, находили изображения охот с борзыми собаками. Родиной борзых собак считается Северная Африка или Восток. Оттуда они распространились в азиатские и европейские страны.

Первые описания русской борзой относятся к XVII в. Они дают представление о собаках, близких к современной борзой, использующихся на охоте по зверю. В начале XVIII в. к ним приливалась кровь завезенных в Россию с запада Европы английских борзых, хортых, брудастых, а начиная с 20-х годов XIX в. и восточных борзых — горских, крымских.

В результате образовалось множество разнообразных типов собак этой породы и только после 1888 г., когда было сделано первое описание (стандарт), началось становление современной русской псовой борзой. Основной район распространения — лесостепная и степная полоса европейской части РСФСР и степные районы Сибири.

Русская псовая борзая обладает следующими охотничьими качествами: зоркостью, большой резвостью, особенно накоротке, злобностью к зверю, силой и резким «броском» в момент поимки зверя.

Общий вид, тип конституции и поведения. Собака большого роста, узкотелого сложения, сухого крепкого типа конституции, элегантная. Высота в холке: кобелей от 75 до 86 см, сук от 68 до 78. Высота в холке у кобелей равна или несколько превышает высоту в крестце: у сук — одинакова. Индекс растянутости кобелей около 102, сук около 105.

Темперамент спокойный, но собака резко возбуждается при виде зверя. Типичный аллюр до подъема зверя — не быстрая

рысь, при ловле — исключительно быстрый карьер на больших размашистых скачках.

Недостатки: легкий или крепкий тип конституции, растянутость, вздернутость на ногах, приземистость, рост выше или ниже установленного до 2 см.

Пороки: сырость, грубость, агрессивность к людям, рост ниже установленного более чем на 2 см.

Окрас. Белый, половый разных оттенков (красно-половый, серо-половый, половый в серебре), бурматный (половый с темным налетом), муругий (красный с черной остью часто при темном окрасе морды), серый (от зольно до желтовато-серого), чубарый (половый, красный или серый с темными полосами), красный, черный, а также переходные между этими окрасами. При темных окрасах характерна «мазурина» — чернота морды. Все окрасы могут быть как сплошными, так и пегими. Допустимы подпалины.

Недостатки: яркий крап по колодке не в тон основного окраса.

Псовина (шерсть) — легкая, волнистая или в крупном завитке при допустимости и более мелких завитков. На голове, ушах, боковых поверхностях конечностей — очень короткая, плотно прилегающая. На спине, шее более длинная и часто волнистая. На бедрах и боках короче и может быть в завитке. Уборная, более длинная псовина расположена на шее (муфта), на нижней стороне груди и живота, на задней стороне передних ног и бедер. Снизу правила (хвоста) — подвес, у основания правила обычны завитки. Подшерсток не выражен.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): прямая, пушистая, тусклая, взъерошенная шерсть; грубая, жесткая псовина; слабая развитость очесов и подвеса, недостаток уборной псовины.

Кожа, мускулатура и костяк. Кожа тонкая, эластичная, без складок. Мускулатура длинная, сильно развитая. Костяк крепкий, но не массивный.

Недостатки: слабость костяка и мускулатуры.

Пороки: грубый костяк.

Голова. Длинная, узкая, сухая. Переход от лба к морде едва заметен. Длина морды равна длине черепной части или превышает ее на 0,5—1 см. В профиль верхнее очертание головы представляет линию, слегка выгнутую вверх. Черепная часть узкая, овальная, плоская. Теменная часть прямая или несколько скошена к ясно выраженному затылочному бугру. Щипец, плавно переходящий от черепной части, длинный, полный, но сухой; прямой при переходе к мочке носа, с легкой горбинкой. Мочка черная, выступает над нижней челюстью. Губы тонкие, плотно облегающие челюсти. Надбровные дуги не выражены.

Недостатки: неплавный или резкий переход от лба к щипцу. Клинообразная голова в профиль за счет излишней глубины в черепной части. Грубость, широколобость, скуластость, сыро-

ватость, слишком узкий (острощипость) или короткий щипец, светлая мочка носа при светлом окрасе. Излишне развитые надбровные дуги.

Порок: розовая мочка при темном окрасе.

Уши. Маленькие, тонкие, очень подвижные, острые, высокопосаженные, покрытые короткой шерстью, нешироко расставленные, затянутые назад вдоль шеи, с концами, лежащими близко друг к другу или направленные вниз, плотно прижатые к шее. Когда собака возбуждена, уши приподнимаются на хрящах, а концы их направлены в стороны или вперед. Иногда одно или оба уха ставятся прямо — «конем».

Недостатки или пороки (по степени выраженности): низко посаженные, слабо или неправильно затянутые, широко расставленные, большие, толстые, с закругленными концами.

Глаза. Крупные, с косым разрезом век, темно-карие, или карие, веки с темными краями.

Недостатки: малый размер глаз, круглый разрез, глубоко посаженный, светлоглазость, светлые веки, переразвитое третье веко.

Порок: серый и желтый цвет глаз.

Зубы. Белые, крупные, близко поставленные. Прикус ножницеобразный.

Недостатки и пороки: общие для всех пород охотничьих собак.

Шея. Длинная, слегка выгнутая вверх, сухая, мускулистая, овально сжатая с боков, поставленная под углом 45—50° к продольной оси туловища. Длина шеи равна или несколько превышает общую длину головы.

Недостатки: сырая, короткая.

Порок: в разрезе круглая.

Грудь. Неширокая, уже крестца, узкого овального сечения, но хорошо развита вперед и вниз. В области лопаток более плоская с постепенным расширением к ложным ребрам; опущена до локтевого сустава. Ложные ребра хорошо развиты, более выгнуты, последние заметно укороченные, что образует резкий переход к животу (подрыв).

Недостатки и пороки (по степени выраженности): слишком узкая, запавшая, бочковатая, значительно недоходящая до локтя.

Спина. Широкая, мускулистая, с невыдающейся над ней холкой, умеренно выгнутая в общую с поясницей дугу, причем у кобелей эта выгнутость — «верх» — значительно круче, чем у сук — «напружина».

Недостатки: острая, узкая, с переслежиной позади холки, излишняя горбатость, прямая спина для кобеля.

Порок: провислая.

Поясница. Крепкая, мускулистая, выпуклая.

Недостатки: узкая, прямая, излишне растянутая, короткая.

Круп. Длинный, широкий, мускулистый, несколько покатый. Ширина между маклоками не менее 8 см.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): узкий, мало покатый, резко скошенный.

Живот. Сильно подтянутый, с резким «подрывом» от груди.

Недостатки: слабая подтянутость или излишняя пашистость.

Передние конечности. Сухие, костистые, мускулистые. При осмотре спереди прямые и параллельные, локти обращены назад или слегка наружу «в поле». Угол плечелопаточного сочленения около 110°. Предплечье длинное, сухое, узкое при осмотре спереди и широкое при осмотре с боку, с сильно развитым локтем. Длина ног от локтей вниз равна половине высоты в холке. Пясти слегка наклонны.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): искривленные предплечья, резкая прямоплечесть, подвернутые или распахнутые локти, короткие, мягкие или прямые пясти, размет, косолапость.

Порок: козинец.

Задние конечности. Сухие, костистые, мускулистые. При осмотре сзади прямые и параллельные, поставленные шире передних. В спокойной стойке несколько оттянуты назад. Углы сочленений хорошо выражены. Скакательный сустав хорошо развит в ширину. Плюсны короткие, прямые. Бедра сильно развиты, с выступающими буграми мышц.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): сближенность или развернутость скакательных суставов (коровина или бочкообразный постав); саблистость или «поползшие» плюсны; прямозадость. Наличие прибылых пальцев ставит собаку вне породы.

Лапы. Сухие, узкие, русачьи или овальные, слегка сводистые, с плотно сжатыми пальцами. Когти касаются земли.

Недостатки: мясистая лапа, круглая лапа, плоская, распущенные пальцы.

Правило (хвост). Саблевидное или в форме серпа, тонкое с густым «подвесом», длинное. Пропущенное под пах должно доставать до ближайшего маклока. В спокойном состоянии опущено, в движении поднято не выше линии спины.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): короткое, грубое, все или конец в кольце, высоко поднятое, сваленное вбок, слабо развитый подвес.

Порок: скрученное в штопор.

Хортая борзая. Порода собак, разводимая в южных областях страны и степных областях центральной полосы. Современный тип хортой сложился из старинной хортой, горской, крымской и частично псовой.

В 1951 г. на эту породную группу был утвержден стандарт.

Общий вид, тип конституции и поведения. Собака крупная, крепкого, сухого типа конституции. Высота в холке: кобелей 65—75 см, сук на 4 см меньше. Индекс растя-

нутости 103—105. Темперамент спокойный, хорошо развита зрительная реакция.

Типичный аллюр: до подъема зверя — мелкая рысь, даже шаг, при преследовании зверя — карьер.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): грубость, сырость конституции, нарушения стандартных норм роста и размеров.

Окрас. Белый, черный, красный, половый разных оттенков, муругий, сплошной или пегий, тигровый. Допустим крап в тон окраса, приемлема «мазурина» (чернота на морде, ушах, на концах конечностей). Допустимы красноватые или сероватые подпалины. Мочка носа черная, но при светлом окрасе шерсти допускается кофейная.

Недостатки: слишком яркие подпалины, разноцветный крап.

Порок: розовая мочка.

Псовина (шерсть). Ость упругая, прямая, длиной до 2,5 см на туловище; на задней стороне бедер негустая удлиненная уборная псовина. На нижней стороне правила допустим редкий и недлинный подвес. Подшерстка летом незаметно, зимой бывает небольшой.

Недостатки: удлиненная псовина по всему телу, излишний убор.

Кожа, мускулатура и костяк. Кожа тонкая, эластичная, без складок. Мускулатура длинная, хорошо развитая, особенно на бедрах. Костяк крепкий.

Недостатки: слабость костяка и мускулатуры; грубый костяк.

Голова. Сухая, при взгляде сверху клинообразная, удлиненная, с умеренно широкой черепной частью. Затылочный бугор выражен не резко. Надбровные дуги почти не выдаются, переход от лба к морде плавный, слабовыраженный. Щипец (морда) сухой, заостренный, слегка сжат с боков, допустима небольшая горбинка. Губы тонкие, плотно прилегающие к челюстям.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): тяжелая, грубая голова, резкий переход от лба к щипцу, широкая или тупая морда, сырые губы.

Уши. Тонкие, неширокие, небольшие, невысоко посаженные, затянутые назад вдоль шеи. У большинства собак в возбужденном состоянии приподнимаются на хряще, причем концы их запрокидываются вперед или в стороны.

Недостатки: оттопыренные толстые, плохо затянутые.

Глаза. Большие, овальные, с косым разрезом век, карие разных оттенков при любом окрасе псовины, окаймленные темными веками.

Недостатки: маленькие, светлые, круглые глаза; подопрелые веки.

Зубы. Белые, крепкие, плотно прилегающие один к другому, прикус ножницеобразный.

Недостатки и пороки: общие для всех охотничьих пород.

Шея. Длинная, мускулистая, сжатая с боков, поставленная высоко.

Недостатки: короткая, округлого сечения, с подгрудком, сырая.

Грудь. Овального сечения, спущенная почти до локтей.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): недостаточно глубокая, плоская или бочкообразная, распахнутая.

Спина. Широкая, мускулистая, образующая вместе с выпуклой поясницей некрутую дугу; хорошо выражена холка.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): слабовыраженная холка; острая, узкая, горбатая, мягкая, прямая, тем более провислая спина.

Поясница. Мускулистая, выпуклая.

Недостатки: прямая, узкая, плоская.

Круп. Длинный, слегка покатый, широкий (между маклоками не меньше 7 см).

Недостатки или пороки (по степени выраженности): узкий, короткий, сильно скошенный или горизонтальный.

Живот. Сильно подобран, пахи подтянуты.

Недостатки: слабо подобран, пашист.

Порок: вислобрюхость.

Передние конечности. Сухие, костистые, мускулистые при осмотре спереди прямые, параллельные; предплечья овального сечения. Угол плечелопаточного сочленения около 100°. Пясти короткие, слегка наклонные.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): узкий постав; подвернутые или развернутые локти; недостаточная длина или искривленность предплечий; отвесные или сильно наклонные пясти; размет, косолапость.

Задние конечности. Сухие, костистые, мускулистые, с длинными рычагами. При осмотре сзади прямые и параллельные. Углы сочленений выражены хорошо. Скакательные суставы сильно развиты. Плюсны почти отвесны. Ноги расставлены широко и при спокойной стойке собаки слегка оттянуты назад.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): прямозадость, саблистость, коровий или бочкообразный постав.

Лапы. Овальные, сводистые; передние кругловатые, задние продолговатые. Пальцы сомкнуты тесно.

Недостатки: круглые, распущенные, плоские лапы.

Порок: прибылые пальцы.

Правило (хвост). Длинное, саблевидной формы; конец допускается загнутым почти в кольцо. В спокойном состоянии опущено, на ходу несется выше линии спины, но не задирается резко вверх.

Недостатки: повихнутое в сторону, круто задранное, толстое.

Южнорусская (степная) борзая. Южнорусская борзая является местной породой собак степных областей юга РСФСР. Порода образовалась от восточных вислоухих борзых — турк-

менских, киргизских и частично хортых. На эту породную группу был принят стандарт в 1951 г.

Общий вид, тип конституции и поведения. Собака выше среднего роста, крепкого сухого типа конституции. Высота в холке: кобелей от 62 до 70 см, сук на 3 см меньше. Высота в крестце как у кобелей, так и у сук может быть равной или на 1—2 см ниже, чем в холке. Индекс растянутости кобелей около 102, сук около 104. Тип поведения уравновешенный, подвижный. Хорошо развита зрительная реакция. Типичный аллюр: до подъема зверя — мелкая рысь, даже шаг; при преследовании зверя — карьер.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): растянутость, рост меньше установленного, грубость, сырость.

Окрас. Белый, черный, красный, половый всех оттенков, сплошной или пегий, тигровый. Допустим крап в тон окраса. Возможна «мазурина» — чернота на морде, ушах, нижних частях конечностей. При всех окрасах возможны подпалины красноватого или сероватого тона. Мочка носа черная, но при общем светлом окрасе допустима кофейная.

Недостатки: ярко-рыжие подпалины, окрас темно-бурый.

Псовина (шерсть). Остевой волос прямой, несколько жестковатый, длиной от 2,5 (летом), до 4,5 (зимой), покрывает весь корпус; на голове и передней стороне ног несколько короче; на ушах и по низу правила удлинен, на тыльной стороне бедер имеются небольшие очесы. На лапах между пальцами пробивается жесткий волос, образующий короткую «щетку». Подшерсток зимой густой.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): шелковистая, волнистая взъерошенная псовина. Отсутствие уборной псовины.

Кожа, мускулатура и костяк. Кожа плотная тонкая, эластичная, без рыхлой подкожной клетчатки и без складок. Мускулатура сухая, очень хорошо развитая, особенно на бедрах. Костяк крепкий.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): слабость костяка и мускулатуры; грубость костяка.

Голова. Сухая, при взгляде сверху клинообразная, удлиненная, с умеренно широкой черепной частью. Теменной гребень не выдается. Затылочный бугор выражен умеренно. Переход от лба к морде плавный, слабовыраженный. Щипец (морда) заостренный, сжатый с боков, с прямой верхней линией или с допустимой небольшой горбинкой. Губы тонкие, плотно, без отвислостей прилегающие к челюстям.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): сильно развитые надбровные дуги и резкий переход от лба к щипцу, короткий, тупой щипец, сырые губы.

Уши. Средней величины, висячие, несколько оттопыренные на хряще. Посажены выше или на уровне глаз. Треугольные, но с тупо закругленными концами.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): грубые, толстые, резко оттопыренные или затянутые.

Глаза. Большие, овальные, слегка навыкате, с косым разрезом век, темно-карие или карие, окаймленные темными веками при любом окрасе псовины.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): маленькие, глубоко посаженные, прямой разрез век, светлые, подопрелые веки.

Зубы. Хорошо развитые, белые, сомкнутые в ножницеобразном прикусе.

Недостатки и пороки: общие для всех пород охотничьих собак.

Шея. Сухая, поставлена высоко, слегка выгнута, округло сжатая с боков, длинная.

Недостатки: короткая грубая, с подгрудком.

Грудь. Овального сечения, относительно широкая и умеренно глубокая, спущенная почти до уровня локтей.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): узкая, недоразвитая, бочкообразная.

Спина. Широкая, мускулистая, с хорошо выраженной холкой, почти прямая, несколько выгнута вверх.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): слабо выражена холка, прямая, мягкая, провислая спина.

Поясница. Короткая, выпуклая, мускулистая.

Недостатки: длинная, прямая, узкая, плоская.

Круп. Широкий, покатый, между маклаками около 7 см.

Недостатки: узкий, горизонтальный.

Живот. Подобранный, пахи подтянуты.

Недостатки: прибрюшистость, пашистость.

Передние конечности. Длинные, при осмотре спереди прямые и параллельные. Предплечья овального сечения. Угол плечелопаточного сочленения около 100—110°. Пясти удлиненные, слегка наклонные.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): короткие, искривленные предплечья; узкий постав; отвесные пясти, размет, косолапость; подвернутые или развернутые локти.

Задние конечности. Сухие, костистые и мускулистые, с длинными рычагами, хорошо выраженными углами сочленений, при осмотре сзади прямые и параллельные. Расставлены широко и при спокойной стойке оттянуты назад так, что плюсны стоят почти отвесно.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): прямозадость, короткие голени, саблистость, коровий, бочкообразный постав, слабая мускулатура.

Лапы. Сводистые, овальной формы, с плотно сомкнутыми пальцами.

Недостатки: круглые, плоские, распущенные.

Порок: прибылые пальцы.

Правило (хвост). Длинное, саблевидное, но с обычно

загнутым в кольцо концом. В спокойном состоянии собаки правило опускают, а на ходу и при возбуждении держат немного выше спины. При скачке правило свободно вытянуто, часто с распрямлением концевого кольца.

Недостатки: повихнутость, сваленность, задирание круто вверх, короткость, что может перейти в пороки, отсутствие подвеса.

Афганская борзая. Родина собак этой породы — Афганистан. Считается, что произошли они от древних иранских (персидских) борзых — выходцев из Северной Африки.

В Афганистане культивировались два типа собак: один более мелкий, применявшийся как травильная собака, и другой тип более крупных собак, применявшихся как пастушьи собаки.

В конце XIX в. (1880 г.) началось смешение этих двух типов и тогда же отдельные экземпляры были вывезены в Англию, где в 1907 г. на лучшего представителя был создан стандарт и была заложена основа выведения современной заводской породы афганской борзой, широко распространенной в Европе.

Общий вид, тип поведения, конституции. Собака выше среднего роста, высокопередая, крепкого, сухого типа. Высота в холке: кобеля 68,5—73,5 см, суки 65—68 см.

Недостатки (по степени выраженности): растянутость, вздернутость на ногах, приземистость.

Пороки: сырость, грубость, агрессивность к людям.

Окрас. Допустимы все окрасы и их комбинации. Никакой цвет не дисквалифицирует собаку.

Псовина (шерсть). Длинная, шелковистая на ребрах, боках, передних и задних конечностях, ушах. На черепе — чуб из длинношелковистой шерсти. На морде и спине — шерсть короткая. Так же короткая шерсть может быть на пясти и плюсне. Недостаток или избыток шерсти не влияет на оценку, если собака имеет правильное строение корпуса.

Кожа, мускулатура, костяк. Кожа тонкая, мускулатура сильно развита. Костяк крепкий, но не массивный.

Недостатки: слабость костяка, грубый костяк.

Голова. Удлиненная, сухая, отороченная чубом из длинных волос. Черепная часть не очень узкая, удлиненная, слабо выступающая между ушами. Затылочный бугор выражен хорошо. Переход от лба к морде не ярко выражен, плавный. Морда длинная, узкая, с легкой горбинкой к мочке носа. Губы тонкие, плотно прилегающие. Мочка носа предпочтительно черная; коричневая мочка у светлых собак не является пороком. Длина морды равна длине черепа. Ноздри большие, открытые.

Недостатки и пороки (по степени выраженности): грубая морда, слишком узкая, сырые не плотно прилегающие губы, прилобь, широколобость, короткая морда.

Уши. Поставлены невысоко, висячие, плотно прилегающие к голове, покрытые длинной шелковистой шерстью, у взрослых собак доходящей почти до лопаток.

Недостатки: высоко поставленные, на хряще, слабоодетые.

Глаза. С косым разрезом век, средней величины, темные, допускаются и желтые, что не является пороком.

Недостатки: круглые, слишком маленькие.

Порок: выпученные, утопленные.

Зубы. Крупные, белые. Прикус ножницеобразный.

Недостатки и пороки: общие для всех охотничьих собак.

Шея. Длинная, сильная, прямая или слегка выгнутая, высокопоставленная.

Недостатки: короткая, очень длинная и изогнутая.

Грудь. Грудь глубокая, сужающаяся к грудной кости, но не слишком узкая, доходящая почти до локтя.

Недостатки: бочкообразная грудь, слишком узкая, неглубокая.

Спина. Прямая, умеренной длины, с хорошей мускулатурой, холка хорошо развита и слегка выступает.

Недостатки: провислая, выпуклая, короткая или слишком длинная, невыраженная холка.

Порок: провислая.

Поясница. Короткая, крепкая, широкая, но у́же грудной клетки.

Круп. Круп слегка скошен.

Недостатки: прямой круп, излишне длинный.

Живот. Слегка подтянут.

Передние конечности. Лопатки длинные, косопоставленные, с мощной мускулатурой. Конечности прямые, параллельны при осмотре спереди, не должны быть узко поставлены. Локти прилегают к туловищу, пясти длинные, слегка наклонные.

Недостатки: прямой постав, искривление, косолапость, размет.

Задние конечности. Мощные и мускулистые с хорошими углами, длинной плюсной. Лапа меньше по сравнению с лапами передних конечностей.

Лапы. Передние мощные и большие как в длину, так и в ширину, покрытые густой длинной шерстью. Пальцы сводчатые. Задние лапы длинные, но не такие широкие, как передние, покрытые длинной густой шерстью.

Недостатки: кошачья лапа.

Хвост. Низко посаженный, некороткий, изгибающийся от половины и заканчивающийся кольцом, слегка опущенный. При движении несется высоко. У стоящей собаки должен доходить до пяточной кости.

Недостатки: слишком короткий или очень толстый, прямой, высоко поставленный.

Порок: скрученный.

Тазы. Тазы — порода борзых собак, выведенная народами среднеазиатских республик СССР. Известна с глубокой древности. Основной район распространения тазы — Казахская, Туркменская и Узбекская ССР.

Тазы применяются для охоты на лисицу, корсака, зайца (толай), волка и некоторых других зверей. Работает как самостоятельно, так и совместно с ловчими беркутами, что особенно ценится.

Тазы обладают резвостью, зоркостью, злобой к зверю, выносливостью, маневренностью при ловле.

Общий вид, тип поведения, конституции. Собака среднего и выше среднего роста, сухого типа конституции. Высота в холке: кобеля от 60 до 70 см, сук от 55 до 65 см. Индекс растянутости около 103.

Недостатки: рост ниже стандарта, сырость, грубость, растянутость, вздернутость на ногах.

Окрас. Белый, красный и серый всех оттенков, черный, однотоный или пегий. Допустим крап в тон окраса только на ногах и подпалины только светло-серые или белесые.

Недостатки: красные подпалины, крап на корпусе собаки.

Псовина (шерсть). Волос короткий, мягкий, прямой; на ушах мягкий волнистый удлиненный, спускаясь ниже концов ушей на 5—6 см, образует так называемые «бурки». На нижней стороне правила (хвоста) негустой подвес. На задних сторонах передних ног и бедер удлиненная псовина образует очесы. Между пальцами растет короткий жесткий волос.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): длинная по всему телу, частичная длинношерстность на боках, с боков задних ног, отсутствие «бурок» или очесов, густой подвес на правиле, курчавость шерсти.

Кожа, мускулатура и костяк. Кожа тонкая, эластичная, без складок, мускулатура развита очень хорошо, в особенности на бедрах, костяк крепкий, довольно легкий.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): слабость костяка или мускулатуры; грубость костяка.

Голова. Сухая, клинообразная, удлиненная с умеренно широкой черепной частью, теменной гребень развит очень слабо, затылочный бугор — умеренно, переход от лба к щипцу (морда) плавный, слабовыраженный. Щипец сухой, снизу несколько скошенный, не очень длинный, губы тонкие, плотно прилегающие к челюстям.

Недостатки: резко выраженный переход от лба к щипцу, излишне развитые скулы или надбровные дуги, излишне мясистые или отвисшие губы.

Уши. Висячие, в «бурках», посаженные на уровне глаз или несколько выше, тонкие, длиной 11-14 см (не считая «бурок»), слегка приподнятые на хряще.

Недостатки: укороченные, без «бурок», излишне приподнятые на хряще.

Глаза. Большие, с косым разрезом век, карие при любом окрасе псовины, края век темные.

Недостатки: маленькие, запавшие, светлые, навыкате, светлые края век.

Мочка носа. Черная, при светлом окрасе допустима кофейная.

Зубы. Хорошо развитые, белые, сомкнутые в ножницеобразном прикусе.

Недостатки и пороки: общие для всех пород охотничьих собак.

Шея. Длинная, округлая или чуть сжатая с боков, иногда несколько выгнутая вверх, поставлена высоко.

Недостатки: сырая, короткая.

Грудь. Широкая бочковатая и глубокая, ребро спущено до локотков.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): слишком узкая, недостаточно глубокая, распахнутая.

Холка. Заметно выражена.

Спина. Прямая или чуть выгнутая вверх, широкая, мускулистая.

Поясница. Короткая, выпуклая.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): слабовыраженная холка, мягкая или провислая спина, горбатая спина, прямая, слабая поясница.

Круп. Широкий, длинный, покатый, маклаки заметно выделяются, ширина между маклаками для собаки среднего роста не менее 7 см.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): узкий, сильноскошенный, короткий, горизонтальный.

Живот. Сильно подобран.

Недостатки: слабоподтянутый, пашистый.

Передние конечности. Сухие, при осмотре спереди прямые и параллельные, локти направлены строго назад, предплечья сильные, угол плечелопаточного сочленения 90—100°, пясти относительно длинные, слегка наклонные.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): короткие, сильно наклонные пясти, подвернутые или развернутые локти, размет, косолапость.

Задние конечности. При осмотре сзади прямые и параллельные, расставлены широко; сухие, с длинными рычагами и хорошо выраженными углами сочленений, скакательный сустав хорошо развит и резко выражен; плюсны длинные, отвесные.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): коровий постав, бочкообразный постав (косолапость), слишком узкий постав, короткие плюсны, слабовыраженные углы сочленений.

Прибылые пальцы ставят собаку вне породы.

Лапы. Овальные, чуть удлиненные, в особенности задние: пальцы плотно прижаты друг к другу — в комке, когти направлены в землю.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): маленькие, круглые, распущенные.

Правило (хвост). Тонкое, недлинное, в спокойном состоянии опущено в форме сабли, на конце свернуто в кольцо или крутой крючок. При движении поднято не выше линии спины.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): длинное, толстое, сваленное, без кольца или крючка на конце.

Борзая тайган. Тайган — порода борзых собак из древней группы среднеазиатских борзых. Сформировалась в своеобразных горных условиях Киргизии. Распространена в горных районах республики, в основном в зоне Тянь-Шаня. Приспособлена для работы в горной пересеченной местности порядка 2—3 тыс. м над уровнем моря.

Тайган обладает следующими рабочими качествами ловчей собаки: достаточной резвостью, зоркостью, поимистостью, злобой к зверю, хорошим чутьем, хорошо работает по следу и способен к длительной скачке.

Тайган используется для охоты на лисицу, корсака, сурка, барсука, дикую кошку. Хорошо работает по копытному зверю. Пара крупных, сильных, сработавшихся тайганов способна задержать волка. Нередко тайганов охотники используют для совместной охоты с беркутом. На зайцев, как правило, с тайганами не охотятся.

Общий вид, тип конституции и поведения. Собака среднего и выше среднего роста. Рост кобелей в холке 65—70 см, сук 60—65 см; высота в холке как у кобелей, так и у сук может быть равной или большей на 1—2 см высоты в крестце. Индекс растянутости у кобелей около 105, у сук около 107. Тип поведения уравновешенный, подвижный. Собака в быту спокойна, даже флегматична. При виде зверя резко возбуждается. Аллюр до подъема зверя — неторопливая рысь и шаг, при преследовании зверя — карьер.

Недостатки: небольшая сырость и грубость сложения, вздернутость на ногах, приземистость, растянутость, рост кобелей ниже 65 см и для сук ниже 60 см.

Пороки: грубый, сырой тип конституции, рост кобелей ниже 62 см и для сук ниже 57 см.

Окрас. Черный, черный с белыми отметинами (окрасы встречаются чаще всего), красный, серый, половый (могут быть разных оттенков), белый, чубарый. Темные окрасы могут встречаться с белыми отметинами или подпалинами. Мочка носа при всех окрасах черная.

Пороки: кофейный, мраморный, разномастный крап.

Псовина (шерсть). Мягкая, удлиненная, густая, зимой развивается подшерсток; на морде и на передней части черепной коробки короткая, на передних сторонах передних конечностей, начиная чуть выше запястья до лап, и на передних сторонах задних конечностей от скакательного сустава и до лап — недлинная; уборная псовина — длинная, волнистая в завитке и иногда курчавая, развита на задней стороне черепа, шее, плечах, спу-

скается кругом предплечья почти до пясти, сильно развита на бедрах, кругом голени, покрывает с задней стороны плюсну и лапы; на ушах хорошо развитые «бурки» — мягкая, волнистая псовина покрывает уши, спускаясь ниже ушей на 5—8 см, а иногда и больше. Такое распределение уборной псовины характерно для тайгана. Между пальцами лап развита жесткая шерсть, с нижней стороны правила небольшой подвес.

Недостатки: недостаточно развитый шерстный покров.

Пороки: слаборазвитая, короткая, короткий уборный волос, отсутствие на ушах «бурок».

Кожа, мускулатура, костяк. Кожа плотная, эластичная, без складок, мускулатура очень хорошо развита, особенно на задних конечностях и в области поясницы и спины, костяк крепкий, но не тяжелый.

Недостатки: кожа рыхлая в складках; недостаточно развитая мускулатура.

Пороки: тяжелый грубый костяк, плохо развитая мускулатура.

Голова. Удлиненная, сухая, слегка массивная, при взгляде сверху клинообразная с несколько широковатой черепной частью; теменной гребень развит слабо, затылочный бугор выражен несильно; переход от лба к щипцу плавный, слабовыраженный; щипец прямой или с чуть заметной горбинкой, губы плотно прилегают к челюстям, без отвислостей и брылей.

Недостатки: сырость, грубость, излишняя широколобость, резкий переход от лба к щипцу, острый щипец, непропорциональность длины щипца и черепа, излишне развитый затылочный бугор.

Пороки: сырая, грубая широколобая и скуластая голова.

Все перечисленные недостатки, если они резко выражены, являются пороками.

Уши. Висячие, тонкие, без складок, закругленные на концах, хорошо прилегают к голове, посажены на уровне линии глаз, длиной 12—14 см, в хорошо развитых «бурках»

Недостатки: слишком низко или высоко посаженные, в складку, не прилегающие к голове.

Пороки: уши на хряще.

Глаза. Довольно крупные, овальной формы, с косым разрезом век, карие или темно-карие при любом окрасе псовины.

Недостатки: маленькие, желтоватого цвета.

Пороки: маленькие и глубоко посаженные, круглые, навыкате, прямо поставленные, с подопрелыми веками.

Зубы. Крепкие, крупные, белые, плотно прилегающие один к другому. Прикус ножницеобразный.

Недостатки и пороки: общие для всех пород охотничьих собак.

Шея. Достаточно длинная, высоко поставленная, слегка сжатая с боков, сухая.

Недостатки: коротковатая, низковато поставленная, слегка загруженная.

Пороки: короткая, тяжелая, сырая, круглая (в поперечном сечении), низко поставленная.

Грудь. Широкая, спущенная до локтей, грудная клетка в поперечном разрезе суженно-овальная, ложные ребра хорошо развиты.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): узкая, недостаточно спущенная, распахнутая.

Холка. Заметно выражена.

Спина. Чуть выгнута вверх или прямая, широкая, мускулистая; позади холки характерна небольшая переслежина.

Недостатки: узкая, недостаточно мускулистая, слабоватая.

Порок: провислая спина.

Поясница: Развита, слегка выпуклая.

Недостатки: слабо развитая, плоская, без выпуклости.

Круп. Широкий, длинный, слегка покатый. Маклаки заметны, ширина между ними 6—8 см.

Недостатки: узкий, короткий.

Порок: прямой крестец.

Живот. Хорошо подобран, но без резкого подрыва.

Недостатки: слабо подтянут или с резким подрывом.

Передние конечности. Сухие, костистые и мускулистые; при осмотре спереди прямые, параллельные; локотки направлены строго назад, предплечья в разрезе овальные, пясти довольно длинные, чуть наклонные или отвесные.

Недостатки: коротковатые ноги, излишне наклонные, мягкие пясти.

Пороки: разворот локотков внутрь или наружу, размет, косолапость.

Задние конечности. При осмотре сзади прямые, параллельные, расставлены чуть шире передних, слегка оттянуты назад, с длинными рычагами, хорошо развитыми углами сочленений, сухие с очень хорошо развитой мускулатурой; скакательный сустав развит и резко выражен, плюсны довольно длинные, чуть наклонные или отвесные.

Недостатки или пороки (по степени выраженности): узкий постав, прямозадость, слабовыраженные углы сочленений, короткие или излишне наклонные плюсны, коровина.

Лапы. Овальные с плотно сжатыми пальцами, в комке, когти направлены в землю; между пальцами развита шерсть.

Недостатки: кругловатые, с недостаточно плотно сжатыми пальцами.

Пороки: плоские с распущенными пальцами.

Правило (хвост). Не толстое и не длинное, саблевидной формы; на конце загнуто в кольцо; кольцо полностью не разгибается, позвонки последней половины кольца срослись; кольцо не должно опускаться ниже скакательного сустава, обычно несколько выше его; в спокойном состоянии собака

держит правило опущенным, на ходу поднимает его на уровень спины или чуть выше; подвес развит несильно.

Недостатки: излишне длинное или короткое, слегка повихнутое, разгибающееся или неполное кольцо, слабо или излишне развитый подвес.

Пороки: тяжелое правило с густым подвесом, слегка повихнутое на конце, полное отсутствие кольца на конце правила, правило круто загнутое на спину.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СТАНДАРТЫ БОРЗЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОРОД[1]

Фараон. Общий вид (описание). Тип борзой, сохранивший свой древний, первозданный вид, полностью совпадающий по виду с борзыми со стоячими ушами, каких мы видим на рисунках Древнего Египта. Телосложение удлиненное, стройное с сухими линиями. Формат почти квадратный. Фараон обладает большой резвостью, необыкновенной гибкостью, удивительной прыгучестью.

Его характеристики: треугольная голова, большие стоячие уши, хвост часто закрученный, шерсть короткая тонкая, окрас белый, красный блестящий (лоснящийся).

В самом чистом виде фараон находится сейчас на Балеарских островах.

Голова. Как в профиль, так и при взгляде сверху имеет треугольную форму. Череп плоский, относительно широкий, мощные скулы. Перелом слабый. В задней части слегка выпуклые. Челюсть в форме угла, сужающаяся к началу носа (морды). Длина черепа равна длине нижней челюсти.

Нос (мочка). Рыжеватая с розовыми пятнами.

Уши. Большие, широкие, высоко посаженные, стоячие, рыжеватые. Концы ушей смотрят в стороны.

Глаза. Небольшие, глубокосидящие, светлокарие.

Челюсти (прикус). Мощные, прикус ножницы.

Шея. Тонкая, длинная, мускулистая.

Корпус. Тонкий, мускулистый, ровный.

Грудь. Грудная клетка узкая, ребра тонкие, средневыпуклые, мало спущенные, грудь менее глубокая, чем у грейхаунда.

Спина. Прямая, сухая, поясница длинная и мускулистая, но не выпуклая.

Круп. Длинный, слегка покатый.

Хвост. Изогнутый, спущенный до скакательного сустава задних ног; при возбуждении носится высоко.

Живот. Достаточно подтянутый, но не настолько, как у других пород борзых.

---

[1] Перевел с французского В. И. Казанский.

Передние конечности. Длинные, сухие мускулистые, костистые.

Холка и плечо. Длинные, плавной кривой до груди.

Предплечье. Задняя сторона очень длинная, прямая, вертикальная.

Запястье. Короткое.

Лапа. Сильная, в комке, кожа светлая.

Задние конечности. Длинные, мускулистые, сухие, хорошо поставленные.

Бедра. Длинные, крепкие, но менее мускулистые, чем у грейхаунда.

Кожа и шерсть. Сама кожа тонкая, шерсть блестящая, короткая, тонкая.

Окрас. Белый с красными пятнами или с крапом красным, огненным или оранжевым, распределен произвольно. Встречается также сплошной красный окрас. Другие окрасы исключаются.

Рост. В холке кобелей 63—70 см, сук 57—66 см.

Характер. В основном приветливый, легкий, игривый, с сильной охотничьей страстью, активный (стремление к движению).

Слюгги. Общий вид. Очень яркая породность, выраженная в сухой мускулатуре, тонкости тканей.

Голова. Нетяжелая, но менее изящная, чем у грейхаунда, менее характерная для борзой.

Череп. Плоский, достаточно широкий, с закруглением в затылочной части, несколько выпуклый с боков. Надбровные дуги еле выражены.

Морда. В форме вытянутого угла, в меру утонченная, той же длины, что и череп. Перелом слабо выражен. Мочка носа черная или темно-коричневая.

Челюсти. Бульдожий прикус порочен, а легкая подуздоватость допустима.

Глаза. Большие, темные, хорошо сидящие в орбите, иногда полуприкрытые как бы припухшими веками. Выражение глаз нежное, печальное, как бы ностальгическое. При светлом окрасе (песочном, рыжеватым, белесом) цвет глаз — дымчатый топаз.

Уши. Висячие, плотно прилегающие к голове. Посажены на уровне глаз или чуть выше. Не очень большие, плоские, треугольной формы, концы слегка закруглены.

У некоторых слюгги уши несколько отставлены и слегка откинуты дальше, но постановка такая, как у грейхаунда, не допускается.

Шея. Сухая, без выпирающей мускулатуры, ткани висят свободно, образуя складки под горлом.

Плечи. Плоские, сухие, умеренно выпуклые.

Грудь. Неширокая, еле достигающая уровня локтя, хорошо развита по глубине, задние ребра достаточно длинные.

Живот. Подтянут, но не так сильно (не так борзисто), как у грейхаунда.

Спина. Верхняя линия горизонтальна, спина относительно короткая (у сук длиннее), поясница сухая, широкая, слегка выпуклая.

Круп. Костистый, сильно закругленный. Бедра сильно выделяются, вертикальные, слегка плоские.

Конечности. Сухие, жилистые с плоскими костями и хорошо выраженными сухожилиями. Скакательные суставы — низко над землей, углы сравнительно плавные.

Лапа. Худая (сухая), удлиненно-овальная, у многих легких слюгги имеет форму заячьей лапы. Когти сильные, черные или очень темные.

Хвост. Тонкий, немясистый, без подвеса, изогнутый, в особенности на конце, достигает скакательного сустава. Никогда не поднимается выше линии спины. Если пропустить хвост между задних ног, он должен достигать тазобедренного сустава.

Шерсть. Короткая и тонкая.

Окрас. Песчаный или рыжеватый всех оттенков, может быть черная маска (мазурина — В. К.). Также может быть в чепраке (манто) более или менее темный, или черный или белесый (чепрак может быть от темного до белесого — В. К.). Чепрак бывает с огненными или темными отметинами по рыжеватому фону. Отметины бывают на голове, лапах, иногда на груди. При темном окрасе белое пятно на груди допустимо, но не желательно.

Недостатки. Светлые глаза, плохая шерсть, бульдожина и узловатые мускулы.

Пороки. Явные кожные болезни. Уши прямые или полувисячие, или как у грейхаунда; грубая шерсть, толстая, длинноватая, подвесы на хвосте и конечностях; окрас — сорочий (пегий), белые лапы и ноги (чулки), большое белое пятно на груди, на шее,

Рост — от 60 до 70 см, идеальный для кобелей 68 см, для сук — 65 см.

Ирландский вольфхаунд (порода английская). Общий вид. Ирландский вольфхаунд не должен быть таким тяжелым и массивным, как датский дог, но гораздо крупнее, чем дирхаунд, на которого он похож во всем остальном. Большого роста, внушающий уважение, очень мускулистый, сложения крепкого, но грациозного, в движениях непринужденный и живой. Голову и шею несет высоко, хвост несет на конце слегка загнутым кверху крючком.

Голова и череп. Голова длинная, лобные кости чуть приподняты, маленькая борозда между глаз. Череп неширокий. Морда длинная и умеренно сужающаяся.

Глаза. Темные.

Уши. Маленькие и полустоячие, как у грейхаунда.

Шея. Довольно длинная, очень сильная и мускулистая, значительно выгнутая, без подгрудка.

Передние конечности. Плечи мускулистые, создающие широкую грудь, округлые. Локотки правильно направлены. Ноги мускулистые и вся нога сильная, совершенно прямая.

Корпус. Грудная клетка глубокая. Грудь широкая. Спина скорее длинная, чем короткая. Почечная часть выгнутая. Живот значительно подтянут.

Задние конечности. Бедра и ляжки мускулистые, длинные и сильные как у грейхаунда. Скакательные суставы очень низкие и правильно поставленные.

Лапы. Умеренно большие, круглые, хорошо стоящие. Пальцы сводистые и сомкнутые. Когти очень крепкие и изогнутые.

Хвост. Длинный и слегка изогнутый, средней толщины и «хорошо одетый».

Шерсть. Жесткая и грубая на корпусе, ногах и голове; особенно жесткая и длинная над глазами и под мордой.

Окрас. Обычны серый, рыжий, черный, чисто белый, рыжеватый, и все окрасы, имеющиеся у дирхаунда.

Вес и рост. Для кобелей минимально 79 см и 54 кг; для сук 71 см и 40,5 кг. Меньшие рост и вес — большие недостатки. Крупные размеры, включая высоту в холке и пропорциональную длину тела, это идеал, к которому надо стремиться. Желательно закрепить породу на уровне роста от 81 до 86 см для кобелей, это показывает мощь, активность, пропорциональность и смелость, требующиеся для этой породы.

Недостатки. Голова слишком легкая или тяжелая, лобная кость слишком выгнутая; большие уши; уши свисающие; короткая шея; грудь слишком широкая; спина седлом или прямая; кривые передние ноги; неправильно поставленные лапы; распущенные пальцы; хвост слишком завитой; задние ноги слабые при недостаточно развитой мускулатуре; корпус слишком короткий; веки розовые или красные; нечерные губы и мочка носа; слишком светлые глаза.

Дирхаунд (порода английская). Голова и череп. Голова широкая между ушами, слегка сужающаяся к глазам; морда заметно сужается к носу, заостренная. Голова длинная, череп скорее плоский, чем округлый, с легко выраженными надбровными дугами и без следа перелома. Голова покрыта довольно длинной шерстью, более мягкой, чем на теле. Нос черный (хотя у некоторых голубоватых, бывает голубым) и с легкой горбинкой. У собак более светлых предпочтительна черная морда (мазурина). Должны быть (типичны) пышные шелковистые усы и борода.

Глаза. Должны быть темные, типичны темно-карие или орехового цвета. Слишком светлый глаз не желателен. Глаз довольно крупный, на покое взгляд добрый, мягкий, но острый, пронзительный при возбуждении; края век черные.

Уши. Поставлены высоко, в спокойном состоянии заложены назад, как у грейхаунда, при возбуждении поднимаются до полустоячего положения. Стоячее ухо не допустимо. Ухо толстое, висячее или с густой длинной шерстью является худшим из недостатков (пороков).

Ухо должно быть мягкое, блестящее, на ощупь похожее на мышь. Чем меньше ухо, тем лучше. Не должно быть длинной бахромы, но все ухо должно быть покрыто серебристой и шелковистой шерстью. При любом окрасе собаки уши должны быть черные или желтые.

Рот. Зубы правильные.

Шея. Длинная и по длине такая же, как у грейхаунда. Слишком длинная шея не нужна и не желательна, поскольку от дирхаунда не требуется работа со склонением шеи. Нужно заметить, что грива, которой обладает каждый дирхаунд, уменьшает видимую длину шеи. Кроме того, дирхаунду нужна очень сильная шея, чтобы он был способен удержать оленя.

Затылок сильно выдается, загривок мощный, горло тоже четко выраженное и выступающее.

Передние конечности. Плечи достаточно косые. Лопатки отведены назад, но не слишком друг от друга. Перегруженные и прямые плечи являются пороком. Передние ноги широкие и плоские, стоят отвесно, желательны правильные локотки и предплечья.

Корпус. Корпус сформирован, как у самого рослого грейхаунда. Грудная клетка более глубокая чем широкая, но и не слишком узкая, соколок не заметен. Поясница выгнутая, круп отлого спускается к хвосту. Прямая спина не желательна, как не удобная для работы в горах и некрасивая.

Задние конечности. Бедра широкие и особенно мощные, ноги широко расставлены. Задние ноги с отчетливо выраженными углами; ляжки длинные; скакательные суставы широкие и ровные.

Лапы в комке, сводистые, когти сильные и направлены в землю.

Хвост. Длинный, толстый у корня, опущен и немного не доходит до земли (3—4 см). Когда собака спокойна, хвост опущен прямо или загнут. Когда она в движении, хвост изогнут, но не поднимается выше линии спины. Он должен быть хорошо одет густой и жесткой шерстью, снизу шерсть более длинная, и к концу легкий подвес не является нежелательным. Хвост крючком или кольцом очень не желателен.

Одежда (псовина). Шерсть на корпусе, шее и конечностях жесткая, сухая и длиной 8—10 см. На голове, груди и животе значительно длинней. На задних сторонах конечностей есть легкая уборная псовина. Дирхаунд должен быть одет тепло, но не слишком.

Лохматость недопустима. Хорошо, если у дирхаунда смешивается шерсть жесткая и шелковистая, но не образует лохма-

тости. Идеальная шерсть должна быть густой, плотной, жесткой и на ощупь как бы хрупкой.

Окрас. Допустим (более или менее) любой. Но голубовато-серый предпочтительнее. Высокие качества собаки обычно сопутствуют этому окрасу, затем идут темно-серые окрасы, а потом светлые или пегие; темные окрасы желательны. Желтые, рыже-песочные или рыжие, как олененок, особенно с черными пятнами, например на ушах и на морде, также высоко ценятся, поскольку они характерны для наиболее старых линий породы Мак Мейл и Читхин Мензиз. Белый отвергается всеми старинными авторитетами, но белые отметины на груди и на лапах, обычные у темных собак, допускаются. Однако чем их меньше, тем лучше. Белая звезда на голове или белый ошейник — важный недостаток. В других случаях, хотя бы и приемлемых, белые отметины не желательны. Несмотря на нежелательность белизны, легкое белое пятно у хвоста встречается в лучших линиях.

Вес и рост. Вес 38,5—40 кг для кобелей и от 30 до 36 кг для сук. Рост в холке не должен быть меньше 76 см для кобелей и 71 см для сук.

Недостатки. Уши грубые, висячие или обросшие густой, жесткой шерстью; хвост крючком или кольцом; светлый глаз; прямая спина; задние ноги с коровиной, слабые запястья, распущенные лапы, лохматая шерсть, прямые плечи, белые пятна.

Грейхаунд (порода английская). Общая характеристика. Обладает замечательной выносливостью и стойкостью. Его прямые, длинные прыжки позволяют покрывать значительные расстояния на большой скорости.

Общий вид. Общий вид типичного грейхаунда — это борзая сильного сложения, крепко стоящая на ногах, очень мускулистая и пропорциональная. Голова и шея удлиненные, плечи правильные, грудь глубокая, корпус объемистый, спина выгнутая, ноги крепкие, лапы здоровые. Гибкость в высшей степени подчеркивает тип и отличительные качества.

Голова и череп. Длинная, умеренно широкая, череп плоский, имеется легкий уступ к морде. Челюсти мощные и хорошо построенные.

Глаза. Блестящие, умные, темного цвета.

Уши. Маленькие, в форме розы, тонкие.

Рот. Зубы белые и крепкие. Резцы верхней челюсти касаются резцов нижней.

Шея. Длинная, мускулистая, элегантно выгнутая, хорошо посаженная на плечи.

Передние конечности. Плечи округленные, мускулистые без перегруженности и четко обрисованные. Передние конечности длинные и стоящие отвесно, с надежным костяком. Локотки свободные и точно под плечами. Пясти умеренной длины и слегка выступающие. Локти, пясти и пальцы не должны отклоняться ни наружу, ни внутрь.

Корпус. Грудь глубокая и объемистая, предоставляющая много места для сердца. Ребра хорошо спущенные, бочковатые и захватывают большую часть корпуса (назад). Спина скорее длинная, широкая (прямоугольником). Почечная часть слегка выпуклая, мощная.

Задние конечности. Бедра и ляжки широкие, мускулистые, показывающие хорошие возможности скачки. Зад округленный, скакательный сустав низкий, не отклоняющийся ни наружу, ни внутрь. Корпус и задние ноги крупных пропорций и хорошо сочетаются, позволяя покрывать большие пространства, когда собака в стремлении.

Лапы. Умеренной длины, плотные и сводистые с крепкими подушками.

Хвост. Длинный, низко посаженный, толстый у основания, заостряющийся к концу, носится опущенным книзу, слегка изогнутый.

Шерсть. Короткая и густая.

Окрас. Черный, белый, рыжий, голубой, рыжеватый, темноземлистый, тигровый и те же окрасы с белым (пегие).

Высота. Идеальная для кобелей 71—78 см, сук 68,5—71 см.

Борзая испанская — гальго эспаньоль (порода испанская). Общий вид. Борзая большого размера, способная к большой резвости и выносливости в преследовании добычи. В короткой шерсти (хорошо если эта шерсть жесткая); голова удлиненная, костяк прочный, грудная клетка глубокая, задние ноги очень мускулистые.

Голова. Удлиненная с легким спуском к носу, красивым углублением на черепе, узком между ушами; зубная система крепкая, плотная, челюсти длинные, губы тонкие, зубы крепкие, плотные, прикус ножницеобразный.

Глаза. Большие, темные, предпочтителен взгляд пронзительный, их цвет соответствует окрасу собаки, но никогда не светлый (желтый или янтарный).

Уши. Маленькие, тонкие, посаженные высоко, лежащие концами назад, полувисячие.

Шея. Гибкая, но прямая, слегка сплюснутая, длинная и мускулистая.

Грудь. Глубокая, достигающая локотков, широкая при взгляде спереди, по вместимости достаточная равным образом в продольном направлении вплоть до боков подвижных, выпуклых без перегиба.

Туловище (колодка). Линия спины крепкая, мускулистая и выпуклая дающая впечатление напряженности; почечная часть крепкая и слегка выгнутая, круп мягко закругляющийся, бока (пахи) впалые, короткие, свободные от жира, живот поджарый.

Хвост. Длинный тонкий и целый, оканчивающийся точкой, висящий с изгибом до плюсн, иногда прямой, когда собака в покое.

Конечности. Плечи косые, т. е. правильно наклонные. Передние ноги длинные, прямые, сухие и очень мускулистые, параллельные линии корпуса, локотки свободные не развернутые, когти и пальцы крепкие, изогнутые, но лапы не круглые (лапа не кошачья), лапы слегка удлиненные, подушки лап крупные, крепкие, способные противостоять всяким почвам без тяжелых повреждений.

Задние ноги. Круп, бедра, ляжки с мощной мускулатурой. Мускулы длинные, широкие, напряженные.

Шерсть. Короткая и тонкая; допустима жесткая; мускулы отчетливо выступают под кожей.

Окрас. Коричневый, шатен, красный, черный, рыжий, белый. Комбинации этих цветов допустимы.

Рост. Для кобелей 65 см, для сук 60 см.

Вес. Для кобелей 25—30 кг, для сук 20—25 кг.

Стандартные размеры испанской борзой, см: высота по спине 65, длина хвоста 50, периметр грудной области 65 см, длина передней конечности, включая лопатку и лапу, 70 см.

Маленькая итальянская борзая (порода итальянская). Место в научной классификации. Борзая, принадлежащая к группе Гражоид (по классификации Пьера Мегнена).

Происхождение породы. Итальянская. Главная характерная черта: удлиненные формы. Туловище укладывается в квадрат; эти формы в миниатюре близи к формам грейхаунда и, в частности, к формам слюгги, их утонченность и элегантность подчеркиваются грациозными движениями и позами. Она может быть определенным образцом грации и благородства: проворна, сообразительна и привязчива.

Голова. Длинная. Длина головы соответствует $^4/_{10}$ высоты собаки в холке. Череп и морда также удлиненные и равны по длине. Верхние продольные линии черепа и морды параллельны между собой. Уступ носо-лобовой мало заметен. Череп плоский. Кожа должна быть гладкой и натянутой. Область глазных впадин четко вырисовывается.

Мочка носа (чутье). Пигментация темная; предпочтителен черный цвет.

Зубы. Должны быть здоровы и прикус ножницами, полностью.

Морда и губы. Заостренная. Края губ должны быть пигментированы, при смыкании губ не видно слизистой рта. Губы тонкие, прилегающие к зубам.

Глаза. Большие, выразительные. Глазное яблоко невпалое и невыпуклое, веко невывернутое. Радужная оболочка должна быть темной. Края век темные.

Уши. Посажены очень высоко, маленькие с тонкими хрящами; складываются и лежат сзади на затылке и на верхней части шеи и остаются с открытой внутренней стороной ушной раковины. Пока собака настороже, первая часть уха поднята

и часть верхняя напрягается сбоку в горизонтальном направлении; положение, которое обычно называют «тревога».

Шея. Длина шеи равна длине головы. Верхняя линия шеи в профиль слегка выгнута. Шея резко отделена от холки. Она должна быть сухой и без подгрудка.

Плечи. Должны быть слегка спущенными и покрыты четко выступающими мускулами.

Плечевая кость. Плечелопаточный угол очень тупой. Направление параллельно центральной плоскости корпуса.

Предплечье. Кость очень тонкая, стоит вертикально. Локотки должны быть ни развернуты, ни подвернуты. От земли до локотка расстояние немного больше, чем от него до холки.

Запястье. Должно стоять почти отвесно, но с небольшим наклоном. Служит продолжением отвесной линии предплечья при минимуме подкожной ткани.

Лапы. Передние маленькие, сухие, почти овальной формы, когти в землю, лапа в комке. Покрыты шерстью короткой и густой. Когти черные или более темные, чем окрас собаки. Белые лапы допустимы. Задние лапы менее овальные, чем передние.

Корпус. Длина туловища меньше высоты в холке или в крайнем случае равна ей. Верхняя линия спины прямая, в пояснице выгнутая. Поясничная дуга гармонично переходит в линию крупа. Грудная клетка узкая. Ребра до уровня локтя. Живот сильно подтянут. Круп сильно покатый.

Хвост. Спущен вниз, тонкий от корня, утончается к концу в точку, покрыт короткой шерстью. Хвост в первой половине прямой, во второй — загибается книзу. При измерении хвост пропускают между задними ногами, при этом он должен выходить за ляжку, но немного.

Половые органы. Полное развитие семенников, помещенных в мошонке.

Бедра. Длинные, сухие, покрыты мускулами, ясно различимы, отдельно одни от других, но не перегруженные.

Голень. Тонкие кости, ноги должны иметь желобки, видимые между костями. Скакательный сустав и плюсна расположены в вертикальной плоскости.

Кожа. Тонкая, прилегающая во всех частях тела, кроме локотков, где отстает от тела.

Шерсть. Гладкая и тонкая.

Окрас. Сплошной. Допустимы окрасы: черный, серый аспидный, половый всех оттенков, а также белые пятна на груди и лапах.

Походка. Подпрыгивающая, элегантная.

Рост (высота в холке). От 32 до 38 см.

Вес. Максимально 5 кг.

Виппет (порода английская). Общий вид. Производит впечатление силы и крепости мускулатуры вместе с большой элегантностью и грациозностью. Гармоничное развитие и про-

явление силы — основные черты характеристики. Поскольку эта собака создана для быстроты и работы, следует избегать излишеств в развитии форм. Собака должна быть очень подвижной. Стелясь низко над землей, выбрасывает передние ноги как чистокровная лошадь; задние ноги подбираются под корпус, что дает возможность сильным толчкам вперед. Движения свободны и естественны на всех аллюрах.

Голова и череп. Длинная и сухая, плоская сверху, заостряющаяся к морде, но широкая между глазами. Челюсти сильные, резко обозначенные. Мочка носа черная, у голубых допускается голубоватое чутье; при окрасе красноватого оттенка мочка носа может быть такой же, при светлых окрасах может быть крапчатой.

Глаза. Блестящие, очень живые.

Уши. Розовые, маленькие, тонкие.

Рот. Зубы верхней челюсти плотно сходятся с нижней челюстью.

Шея. Длинная, мускулистая, элегантно выгнутая.

Передние конечности. Плечи округлые и мускулистые, лопатки до уровня позвоночника и вверху сильно сближены. Передние ноги прямые и отвесные, перед не слишком широкий, запястья сильные, лопатки прилегают к корпусу.

Корпус. Грудь очень глубокая с хорошей грудной клеткой, спина широкая, крепкая, длинноватая, поясница ясно выгнутая, но не горбатая, круп производит впечатление крепости и мощи, ребра хорошо спущенные, спина мускулистая.

Задние ноги. Широкие, с сильными ляжками, скакательные суставы сильные. Собака способна пробегать большие расстояния, проявлять большую активность.

Лапы. В комке, пальцы разделенные и сводистые, подошвы жесткие и сильные.

Хвост. Без подвеса. Длинный, заостренный, подвижной, слегка загнут вверх, несется не выше линии спины.

Шерсть. Тонкая, короткая, как можно более густая.

Окрас. Любой: чистый и смешанный.

Рост. Высота для кобелей 47 см, для сук 44 см. Превышение роста не желательно. Оценка за рост не должна снижаться.

Недостатки. Перед и плечи: слабые пясти, косые или слишком прямые, пальцы прямые, локотки подвернутые, плечи перегруженные мускулатурой, локотки широкие кверху и прямые, бока плоские. Слишком узкий перед не рекомендуется. Череп круглый, морда короткая или заостренная. Уши стоячие или тюльпаном. Рот козлиный или неправильный. Шея — подгрудок. Корпус короткий или связывающий движения, слишком горбатый, верблюжья спина (дуга начинается от лопаток), круп слишком короткий или слишком длинный, слабая мускулатура бедер. Лапы распущенные, плоские или в размете. Хвост неровный или перекрученный (сваленный), короткий или

купированный. Шерсть жесткая неровная, грубая, лохматая. Кожа толстая, грубая.

Салюки — борзая персидская (стандарт английской). Общий вид. Производит впечатление грации и симметрии, большой резвости и выносливости. Собака скачет с ровной силой и воодушевлением, которые дают ей возможность убить газель или другую дичь на песчаной почве или на каменистых горах. Ее экспрессия достойна и приятна, взгляд напряженный, верный и зоркий.

Голова и череп. Голова длинная и узкая; череп умеренно широкий между ушами, невыпуклый, затылочный бугор не выражен, что дает впечатление благородства. Нос (вощок) черный или коричневый.

Глаза. Цвет темный, ореховый; блестящие, большие, овальные, но не выпуклые.

Уши. Длинные и подвижные, покрытые длинной и шелковистой шерстью, плотно прилегающие к голове.

Рот (пасть). Зубы крепкие и правильные.

Шея. Длинная, гибкая, мускулистая.

Передние ноги. Плечи наклонные, свободные назад, мускулистые, но нетяжелые. Грудь глубокая и умеренно узкая. Передние конечности прямые и длинные от локотков до колен.

Корпус. Спина достаточно широкая, мускулистая, слегка выгнутая.

Задние ноги. Зад крепкий, таз широкий, колено умеренно согнутое, скакательный сустав низкий, свидетельствующий о мощности на беге и скачке.

Лапы. Умеренно удлиненные, пальцы длинные и сводистые, не плоские, но не кошачьи, крепкие и гибкие, хорошо украшенные шерстью между пальцами.

Хвост. Низко посаженный, носится согнутым, с густым подвесом из длинных шелковистых волос, но не перегружен.

Одежда (псовина). Гладкая и шелковистая с легкой бахромой на конечностях и задней стороне бедер; иногда легкая шерстистая бахрома на бедрах и плечах.

Окрас. Белый, палевый, бежевый, золотистый, красный, серый и черный с подпалинами — трехцветный (черный, белый, рыжий) и все варианты этих окрасов.

Рост. Высота кобелей от 58 до 71 см, суки пропорционально меньше.

Мадьяр-агар (венгерская борзая) (порода венгерская). Эти борзые азиатского происхождения появились в Европе с первыми мадьярами, которые поселились в бассейне Карпат в IX в. К сожалению, с XIX в. эти собаки часто скрещивались с грейхаундами, завезенными из Англии, что вело к сглаживанию типичных черт.

Мадьяр-агар — борзая упорная, смелая, неутомимая в преследовании. Изящная, но мощная, она не только способна ловить зайцев, но может убивать более крупную добычу.

Будучи непритязательным, агар даже деликатен, содержать его легко; переносит низкие и высокие температуры.

На следу он неутомим и честлюбив, немного медлительный по сравнению с грейхаундом. По натуре он осторожный, но доброжелательный, верный, бдительный.

Общий вид. Стремительный, но крепкий, немного тяжеловатый, ничуть не хрупкий, по формату немного длиннее, чем квадрат. Мускулатура хорошо развита, хороший костяк. Ноги длинные, сухие, очень сильные.

Рост. Идеальный от 65 до 70 см для кобелей; суки могут быть немного меньше.

Голова. Имеет форму удлиненного треугольника. Это также хорошо видно в профиль, как и сверху. Череп относительно широкий, скулы сильные. Морда объемистая, ничуть не заостренная, нос и губы хорошо пигментированы, зубная система полная, прикус ножницеобразный.

Глаза. Предпочтительны карие, среднего размера, невыпуклые. Взгляд внимательный, умный.

Уши. Среднего размера, не слишком тонкие, посаженные высоко, полувисячие или полустоячие, как у грейхаунда.

Шея. Не слишком длинная, мускулистая, однако элегантная.

Корпус. Удлиненный, мускулистый. Грудная клетка глубокая, не слишком плоская, чтобы обеспечить место для больших легких и большого сердца. Грудь относительно широкая. Живот слегка подобран (подтянут). Спина крепкая, но эластичная, достаточно широкая, большей частью прямая или слегка выгнутая вверх. Круп ровный, немного спадающий.

Хвост. Не слишком тонкий, опущенный до скакательного сустава, конец слегка изогнут. Собака не должна поднимать (нести его) выше горизонтального положения.

Конечности. Длинные, сухие, мощные; углы сочленений хорошо выражены. Передняя нога длинная и прямая, запястья короткие, лапы крепкие, хорошо поставленные. Пальцы ни слишком короткие, ни слишком длинные. Бедра длинные, широкие, мощные, с крепкой мускулатурой. Скакательные суставы длинные, сухие. Плюсна короткая. Голени параллельные при взгляде сзади. Походка спокойная, эластичная, на бегу энергичная.

Одежда (псовина). Короткая, но не очень тонкая; густая зимой.

Окрас. Приемлемы все цвета, а также окрасы сплошные, пегие, крапчатые.

Проект стандарта борзой туарег. Общий вид. Изящная, стремительная, с благородством туарегов (людей, находящихся как бы под голубой вуалью их родных пустынь).

Голова. Пропорциональная, изящная, с переломом.

Череп. Плоский, неширокий.

Затылок. Гребень явный, умеренный.

Морда (щипец). Удлиненная, изящная, прямая (прямолинейная).

Мочка носа. Черная или каштановая. Ноздри хорошо открытые.

Губы. Черные или каштановые, тонкие изящные, ни в коем случае сморщенные или отвислые.

Челюсти. Длинные и сильные. Скулы (щеки) ровные.

Глаза. Миндалевидные, достаточно большие темные или цвета дымчатого топаза, их цвет не связан с окрасом собаки. Выражение очень красивое. Они как бы подведенные.

Уши. Висячие, ровные или наполовину сложенные, плотно прилегающие к черепу, в форме треугольника, слегка закругленные.

Шея. Умеренно длинная, мускулистая, хорошо посаженная.

Плечи. Хорошо спущенные с отчетливой рельефной мускулатурой.

Грудь. В высшей степени глубокая, часто бочковатая.

Живот. Сильно подобран.

Линия верха. Прямая; холка хорошо выделяется, хребет иногда выше холки, соотношение длины верхней линии с высотой собаки в холке вписывается в квадрат или прямоугольник.

Спина. Поясница (почки) короткая, как и спина, но очень мускулистая, бедра высокие (длинные) с хорошими движениями. Таз просторный, движения бедра тазобедренный сустав допускает максимально широкие. Круп ровный, подобный пюпитру, но не сбегающий.

Ляжки — длинные, тонкие, мускулистые не выпуклые.

Конечности. Длинные, сухие и тонкие, костяк отчетливо виден.

Лапы. Круглые. Пальцы плотно сжаты.

Хвост. Тонкий, длинный, подвижной, позвонки видимы.

Шерсть. Очень гладкая, очень тонкая, нежная на ощупь, шелковистая.

Окрас. Песочный, желтый и красный, наиболее часто встречается, черная маска — ценится.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПРАВИЛА ИСПЫТАНИЙ ОХОТНИЧЬИХ СОБАК БОРЗЫХ ПОРОД ПО ВОЛЬНОМУ ЗВЕРЮ

Приняты
Всесоюзным кинологическим советом
МСХ СССР
23 декабря 1979 г.

Утверждены
приказом Главного управления
по охране природы, заповедникам,
лесному и охотничьему
хозяйствам МСХ СССР
№ 19 от 30.4.1980 г.

1. Испытания борзых собак проводятся по взрослому зайцу-русаку, беляку в местностях, где нет русака, талаю, а также по лисице. Испытывать собак по лисице-корсаку воспрещается.

2. Испытания проводятся в основном в период между 1 октября и 1 января, в зависимости от местных условий.

Испытания не проводятся при тумане, по размокшей от дождя почве, при снеговом покрове выше 15—18 см, при насте, гололедице и промерзшей почве, при температуре выше +15 и ниже —10 °С, по грубым пластам пахоты, на полях скошенного подсолнечника, кукурузы и люцерны, в балках и оврагах, поорсших кустарником или камышом.

3. Каждая собака, проходящая проверку полевых качеств на испытаниях, получает индивидуальную оценку. Две или три собаки (пара или свора), принадлежащие одному владельцу, могут получать одновременно также и групповую расценку, при условии, если они ведутся на общей своре.

4. Представленные на испытания борзые собаки разбиваются на группы для одновременного испытания. Группы состоят из двух или трех собак одного или разных владельцев. Количество групп устанавливается экспертной комиссией. При желании владельцев собаки могут быть испытаны в одиночку (вне групп), если позволяет время и наличие зверя.

5. Как правило, все собаки испытываются по одному зверю, но при невозможности вынести оценку по проделанной работе, экспертная комиссия вправе дать перескачку по второму.

6. Для установки очередности участия в испытаниях между группами производится жеребьевка, после которой группы ведущих с испытываемыми собаками располагаются цепью с интервалом от 25 до 60 м по фронту, а остальные следуют позади за цепью в 120—150 м и, по мере отработки какой-либо группой зверя, занимают ее место в цепи в порядке очередности. До подъема зверя цепь ведущих двигается и останавливается только по распоряжению экспертной комиссии.

Обязанности ведущих. Ведущие обязаны беспрекословно выполнять распоряжения членов экспертной комиссии и соблюдать следующие правила:

держать собак в ошейниках и на крепких поводках;

как только собаки одной из групп поскакали за зверем, вся остальная цепь ведущих должна останавливаться, не ожи-

дая распоряжения судьи, и крепко держать и успокаивать своих собак;

владельцы собак, поскакавших за зверем, должны немедленно идти за ними, чтобы по окончании травли принять собак на своры и не мешать работе других групп;

дальнейшее продвижение и направление движения цепи определяется председателем экспертной комиссии;

ведущие обязаны пускать собак по зверю, поднявшемуся перед группой в пределах от 25 до 100 м. Если зверь поднялся дальше 100 м, ведущие пускают собак по своему желанию;

пуск собак по молодому зверю, не достигшему нормальных размеров, или по зверю, поднявшемуся ближе 25 м от группы, воспрещается.

Обязанности членов экспертной комиссии. 1. После разбивки собак на группы и жеребьевки председатель экспертной комиссии повторяет участникам обязанности ведущих и только после этого дает сигнал к выступлению цепи участников, за которыми следует позади, в непосредственной от них близости. Члены экспертной комиссии верхом, на автомашинах, или на мотоциклах с колясками, располагаются таким образом, чтобы в случае пуска собак какой-либо группы хотя бы один эксперт мог следовать за ними.

2. Эксперты при оценке работы собак должны учитывать условия, в которых она протекала. Трудными условиями считаются: высокая стерня, бурьян, лесопосадки, грубая пашня; легкими — мягкий грунт, целина, сенокосы, озими, жнивье с низкой стерней, пары.

Охотничьи качества борзых, показанные ими на испытаниях, расцениваются по таблице максимальных баллов:

Резвость	Зоркость	Настойчивость при преследовании	Сила и выносливость	Участие в ловле и поимистость	Мастерство (одиночки). Слаженность работы (группы)	Поведение			
						на своре	вне своры	отношение к пойманному зверю	общий балл

Присуждение борзым дипломов за охотничьи качества производится при наличии у них следующих минимальных баллов:

Охотничьи качества борзых	Минимальный балл для получения диплома степени		
	I	II	III
Общий балл	80	70	60
Резвость	24	21	18
Отношение к пойманному зверю	8	7	6
Слаженность работы (для групп)	4	4	3

Примечание. Собаке, рвущей пойманного зверя, дипломы не присуждаются.

Ориентировочная шкала для оценок и примерные скидки баллов при судействе борзых собак на испытаниях

№ пп.	Требования для получения высшего балла	Высший балл	Недостатки, снижающие оценку	Ориентировочный балл скидки
1.	**Резвость.** Первый подход собаки к зверю, заканчивающийся поимкой или угонкой, не должен превышать двух дистанций от места подъема зверя, вскочившего на нормальном расстоянии	30	Первый подход к зверю, заканчивающийся поимкой или угонкой, происходит в пределах 3—4 дистанций	До 6
			То же от 4—5 дистанций	До 10
			Длительная скачка без заметного превосходства резвости зверя, заканчивающаяся поимкой (на измор)	До 12
			Длительная скачка без поимки	Не менее 16
2.	**Зоркость.** Собака должна внимательно следить за полем и увидеть зверя без показа ведущего, а при ловле не терять его в любых условиях	10	Собака заметила зверя по показу ведущего	2—3
			При ловле теряет зверя на угонках	3—6
				3—6
3.	**Настойчивость.** Стремление быстро овладеть зверем и не оставлять преследования его, даже если он пытается укрыться в зарослях	10	Собака прекращает преследование зверя при уходе его из поля зрения	До 5
			Собака прекращает преследование на виду уходящего зверя	Не менее 5
			Собака недостаточно настойчиво преследует зверя, не прилагая всех сил для его поимки	До 9
4.	**Сила и выносливость.** Собака должна в любых условиях грунта и погоды быть способна к длительной скачке до поимки зверя	10	Собака, работая в трудных условиях, не способна сделать одной угонки	3—4
			Собака, работая в легких условиях, не способна сделать более одной угонки	4—5
5.	**Участие в ловле и поимистость.** Роль и значение собаки в групповой поимке зверя (участие в ловле) или поимистость — индивидуальная способность собаки поймать зверя при минимальном количестве угонок	15	Собака ловит зверя после 2—3 угонок	2
			Собака ловит зверя на 4—5 угонках	4
			Собака слабо использует угонки других собак	5
			Собака при длительной доскачке берет измученного зверя	5—6
			При успешном исходе ловли угонок не дала и не использовала угонок других собак, не оказала влияния на ход ловли	До 10

№ пп.	Требования для получения высшего балла	Высший балл	Недостатки, снижающие оценку	Ориентировочный балл скидки
6.	**Мастерство и слаженность в работе.** Собака должна использовать промахи преследуемого зверя и с наименьшей затратой усилий овладеть им	5	Собака недостаточно следит за зверем и не использует возможности для быстрой его ловли	Не менее 1
7.	**Поведение на своре.** Собака должна быть приучена хорошо идти на своре, не путаясь и не мешая охотнику, в то же время должна быть внимательна к полю и готова к немедленному преследованию зверя	5	Собака не приучена к движению на своре	Не менее 2
8.	**Поведение вне своры.** На свободе собаки должны немедленно выполнять все команды ведущего и быть безразличными к домашним животным и чужим собакам	5	Собака уходит к места поимки зверя до подхода ведущего	Не менее 2
9.	**По отношению к пойманному зверю.** Собака обязана не рвать и не портить шкуру пойманного зверя. Желательно, чтобы она аппортировала зверя или анонсировала о его поимке, или возвращалась к ведущему. Собака не должна отправляться в поиск, бросив пойманного зверя	10	Собака оставляет пойманного зверя и самостоятельно уходит в поиск Собаки разных владельцев попортят шкуру Собака или несколько собак одного владельца рвут пойманного зверя	2 Не менее 3 Без оценки

Условия присуждения диплома за работу по зайцу-русаку, беляку и талаю. 1. Для присуждения диплома III степени в разряде индивидуальной расценки поимка зайца группой, где работает собака, не обязательна. Диплом присуждается борзой, сделавшей угонку зверю. За пових диплом не присуждается.

2. Для присуждения диплома II степени в разряде индивидуальной расценки обязательна поимка зайца ею или другими собаками группы, в которой она работает. Собака, показывающая высшую резвость, и обеспечившая поимку зверя, получает высшую оценку. Однако при этом прочие собаки могут остаться и без дипломов, включая и ту, которая взяла зайца из-под чужих угонок.

3. Для присуждения диплома I степени поимка зайца испытываемой собакой обязательна.

4. В разряде групповой расценки для присуждения диплома любой степени поимка зверя обязательна.

Условия присуждения диплома за работу по лисице. Диплом I степени присуждается только в индивидуальном разряде в тяжелых условиях работы (зверь поднялся не ближе 300 м, скачка проходила на пахоте, в бурьянах и т. п.), только той собаке, которая поймала лисицу. В групповом разряде диплом первой степени не присуждается.

При работе по лисице в индивидуальном разряде диплом II и III степени присуждается в зависимости от степени трудности работы собаки, но при условии обязательной поимки зверя группой, в которой скачет собака.

Расценка собак не производится и собаки снимаются с испытаний в следующих случаях: 1. Собаки пущены по зверю, поднявшемуся против соседней группы.

2. Собаки пущены по молодому зверю, не достигшему нормальных размеров, или по зверю, поднявшемуся ближе 25 м.

3. Собаки возвратились с преследования уходящего на виду зверя, проскакав не более 200 м.

4. Ведущий намеренно не пустил собак по зверю, поднявшемуся в пределах установленного для испытания расстояния.

5. Собаки нападают на домашних животных.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ТЕРМИНЫ ОХОТЫ С БОРЗОЙ

Бить на угонках (о борзой) — не давать зверю уйти от травли, настигая его и заставляя бросаться в сторону, быстро справляясь после этого как бы промаха, вновь настигая и «бросая» в сторону. Издали кажется, что борзая сама бьет зайца, отшвыривая его в сторону.

Бросок — настигая зверя, очень резвая борзая последние десяток — два метров как бы «добрасывается» до него в отчаянном порыве.

Брудастые — породы борзых с жесткой шерстью на теле, на морде, образующей как бы бороду.

Бурки — уборная псовина (шерсть), одевающая уши у некоторых пород с висячими ушами.

Верх — типичная для кобелей русской псовой породы выгнутость спины вверх, как бы легкая горбатость.

Воззриться — увидев зверя, впиться в него глазами (и броситься).

Выжлятник — помощник доезжачего при стае гончих, работающий под его руководством по приезде (дрессировке) стаи. Главная обязанность выжлятников на охоте останавливать

гончих, выставивших зверя в поле под борзых и стремящихся продолжать гон. Выжлятник действует на гончих арапником, тогда как доезжачий прикормкой и лаской.

Высворка — дрессировка на послушание, обучение борзой правильному движению на своре при пешем и конном охотнике на разных аллюрах.

Гачи — ляжки волка. Псовая борзая, бравшая только за гачи, считалась посредственной.

Доезжачий — служащий псовой охоты, ответственный за обучение и состояние гончих. На доезжачего возлагалась и разведка волчьих выводков, их троп и логовов. Важная роль была у доезжачего и в организации охоты, расстановке борзятников на волчьих лазах и, главное, набрасывание гончих прямо на самые логова. Должность доезжачего сохранилась до самого недавнего времени, как человека, заведующего стаей гончих современных обществ охотников; его дело также разведка выводков, логовов и определение места стрелковой линии; наброс гончих на волчьи логова.

Доехать (о борзой) — скача за зверем, настигая его, борзая оказывается совсем близко от добычи, тогда говорят «доехала».

Доскачка — борзая, спущенная со своры по поднявшемуся зверю, делает доскачку, т. е. приближается к нему настолько, что он, заметив погоню, старается ускорить свой бег. После доскачки между собакой и зверем начинается уже соревнование в резвости.

Достать — настигнуть зверя после дальней или особенно трудной доскачки, говорят «достала».

Заложиться — увидев (пометив) зверя, броситься за ним со всей резвостью, на какую способна собака.

Зарьять — задыхаться, обессилеть после отчаянного порыва за зверем или долгой скачки безразлично — поймав или не поймав его.

Заскакать зверя — постараться подскакать борзятнику сзади волка, принять которого от борзых всегда удобнее сзади.

Игреневая — масть лошади: рыжая или бурая или каурая со светлыми гривой и хвостом.

Комплектная охота (не «комплексная») — слово охота, кроме «добычи диких животных», имеет и другое значение. «Охотой» псовые охотники называли также совокупность гончих и борзых собак, лошадей и служащих при них людей. Комплектная — псовая охота, укомплектованная таким количеством всех элементов, которое позволило охотиться всеми способами, какие были выработаны для добычи зайцев, лисиц и волков борзыми — вплоть до островной. Комплектная охота имела, кроме достаточного числа борзятников и выжлятников, еще и доезжачего, а особенно большие охоты имели, кроме того, и ловчего — начальника всей охоты.

Красный (окрас борзой) — ярко-рыжий.

Мазурина — чернота морды борзой при более светлом окрасе; особенно характерна мазурина при муругом окрасе.

Муругий окрас — красный с черной остью.

Напружина — легкий выгиб вверх спины борзой суки. Суке полагается напружина заметно меньше кобелиного верха.

Оплясывать — борзые, недостаточно злобные к волку или совсем еще неопытные, окружив волка, мечутся около него, не давая ему хода, но не смея брать его. Толчея вокруг зверя и есть «оплясывание».

Пазанок — заячья лапа — передняя до запястья, задняя до пятки. Пазанками награждают собак, поймавших зайца.

Переярок — хищный зверь (волк, лисица), перегодовавший, но еще не спаривавшийся.

Подопрелость век — розовость.

Подрыв — резкий подхват живота у псовой борзой и у некоторых других пород борзых (у хортых, у английских виппет).

Половый — окрас борзой, напоминающий цвет ржаной половы — светло-желто-розоватый. Бывает различных оттенков: светло-половый, красно-половый (переходный к красному), половый в серебре (как бы с белым налетом), половый с пылью (с налетом серого цвета).

Полистая местность — малолесная.

По месту — борзая должна брать хищного зверя по месту — в шиворот или в горло.

Поместиться — взять зверя по месту.

Пометить — увидеть, заметить зверя. Сперва пометила, потом борзая воззрилась.

Потащить — о поимке зайца или лисицы борзой прежде не говорили «поймала», а «потащила», хотя собака и с места не тронулась.

Правило — хвост русской псовой борзой и вообще российских пород борзых.

Прибылой — молодой зверь, родившийся весной или летом данного года.

Принять — отобрать у борзой зайца или лисицу. Заколоть волка, взятого борзыми, или сострунить его.

Прóезд — особый аллюр у некоторых лошадей, средний между шагом и тротом. Очень удобен при охоте с борзыми в наездку.

Протравить — упустить зверя, которого травили.

Пруткость (о борзой) — способность собаки сразу развить необычайную быстроту.

Псовина — шерсть собак и особенно псовой борзой истари называлась псовиной. От этого слова (оттого, что шерсть особенно обильна) и произошло название русской псовой борзой.

Рыск — поведение борзой до подъема зверя. Рыск называется передним, если собака на своре тянется вперед, вгляды-

ваясь в поле, не поднялся ли где-то зверь? Борзая, пущенная охотником в свободный рыск, держится впереди охотника, не уходя далеко. Задний рыск — собака тянется позади так, что ее приходится как бы тащить на своре. Пущенная в свободный рыск, такая плетется позади охотника.

Свора — длинный ремень без узлов и швов, на котором водят борзых, нанизывая на него кольца их ошейников. Свора должна иметь такую длину, чтобы охотник, надев петлю своры через правое плечо, пропустив слева под пояс и нанизав кольца ошейников собак, имел после этого конец ремня в руке. Для всадника длина своры метров семь. Второе значение слова «свора» — три или четыре борзых, находящихся при одном охотнике и привыкших работать совместно.

Струнка — палка, которую засовывают волку в пасть, чтобы потом обмотать морду зверя особым ремнем, прикрепленным к струнке, а в крайнем случае сворой. Затем связать передние и задние ноги волка попарно.

Тело — состояние упитанности борзой. Рабочее тело — достаточная упитанность при отсутствии лишнего жира; выставочное тело — состояние несколько большей упитанности, но отнюдь без сильного ожирения.

Торока — ремешки при седельных луках для привязывания добытого зверя.

Удалел — удалился.

Уборная псовина — удлиненная шерсть на задних сторонах ног, правиле, груди и животе псовой борзой, а также на ушах тазы и тайгана, которым свойственна еще удлиненная шерсть на ногах (штаны).

Узёрка — охота, рассчитанная на то, что охотник сам найдет (увидит) зверя, в основном перелинявшего осенью и местами побелевшего русака.

Угонка — крутой поворот зайца или лисицы для спасения от настигшей их борзой. Угонка тем круче, чем резвее борзая достает зверя. Угонка, заставившая зверя лишь немного изменить направление бега, называется «повихом».

Чубарый — характерный окрас русской псовой борзой: светло-буроватый, рыжевато-серый с примесью темного волоса то в виде именно примеси, то целыми пятнами (особенно характерны в виде как бы «черенков» ножа; возможно определение такого окраса, как «чубарая в черенках»).

Щипец — морда борзой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Губин П. М.** Полное руководство по псовой охоте. М., 1890. 50 с.
2. **Дриянский Е. Э.** Записки мелкотравчатого. М., 1857.
3. **Казанский В. И.** Охота с борзой. М., Физкультура и спорт. 1957. 60 с.
4. **Мачеварианов П. М.** Записки псового охотника Симбирской губернии. М., 1876. 27 с.
5. **Пржедзецкий К.** Борзые. Париж, Крепен-Лебланд. 1975. 223 с. (на французском языке).
6. **Розен Г. Д.** Псовая охота.— Природа и охота, 1888. 33 с.
7. **Руководство** по охоте Ксенофонта Афинского и Арриана. (Кинегетики). Перевод отрывков и вступление С. Поляковой.— Охота и охотничье хозяйство, 1958, № 2. с. 32—35.
8. **Сабанеев Л. П.** Охотничий календарь. М., Изд. А. А. Карцева. 1904. 862 с.
9. **Слудский А. А.** Азиатская борзая таза и охота с ней. Алма-Ата. Изд. Казахской научно-исследовательской биостанции. 1939. 28 с.
10. **Челищев Н. Н.** Русская борзая. Ее воспитание и охота с ней. М., Всекохотсоюз. 1929. 62 с.
11. **Шаповалов П. Ф.** Промысловые борзые собаки Тамбовской области. Тамбов, 1952. 120 с.
12. **Шерешевский Э. И.** Борзые и охота с ними. М., Изд. Министерства сельского хозяйства СССР. 1953. 75 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ МИНУВШИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО СОВРЕМЕННОСТИ 3
ПОРОДЫ И СТАНДАРТЫ БОРЗЫХ В СССР 8
ПОРОДЫ БОРЗЫХ ЗА РУБЕЖОМ 35
ТРЕБОВАНИЯ К БОРЗОЙ ОХОТНИКА И ЛЮБИТЕЛЯ-СПОРТСМЕНА 56
ВЕДЕНИЕ ПОРОДЫ 79
СОДЕРЖАНИЕ, УХОД, ТРЕНИРОВКА . . . 87
ОХОТА С БОРЗОЙ В СССР 96
ОХОТА С БОРЗЫМИ ЗА РУБЕЖОМ 135
ИСПЫТАНИЯ БОРЗЫХ 143
БОРЗАЯ НА ВЫСТАВКЕ. КЛИЧКИ БОРЗЫХ 157
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СТАНДАРТЫ БОРЗЫХ В СССР 162
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СТАНДАРТЫ БОРЗЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОРОД 177
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ПРАВИЛА ИСПЫТАНИЙ ОХОТНИЧЬИХ СОБАК БОРЗЫХ ПОРОД ПО ВОЛЬНОМУ ЗВЕРЮ 190
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ТЕРМИНЫ ОХОТЫ С БОРЗОЙ 194
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 198

Василий Иванович Казанский

БОРЗЫЕ

Редактор издательства А. И. Михайлова
Оформление художника А. С. Александрова
Художественный редактор В. Н. Журавский
Технический редактор В. В. Соколова
Корректор Л. Я. Фаенсон
Вычитка Р. Я. Беркович

ИБ № 1876

Сдано в набор 11.10.83. Подписано в печать 17.01.84. Т-01146. Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,5+0,5 вкл. Усл. кр.-отт. 13,0 с вкл. Уч.-изд. л. 14,71 с вкл. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2273. Цена 1 р. 60 к.

Ордена «Знак Почета» издательство
«Лесная промышленность», 101000, Москва, ул. Кирова, 40а

Ленинградская типография № 4 ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191126, Ленинград, Социалистическая ул., 14.

1р. 60к.

«ЛЕСНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»